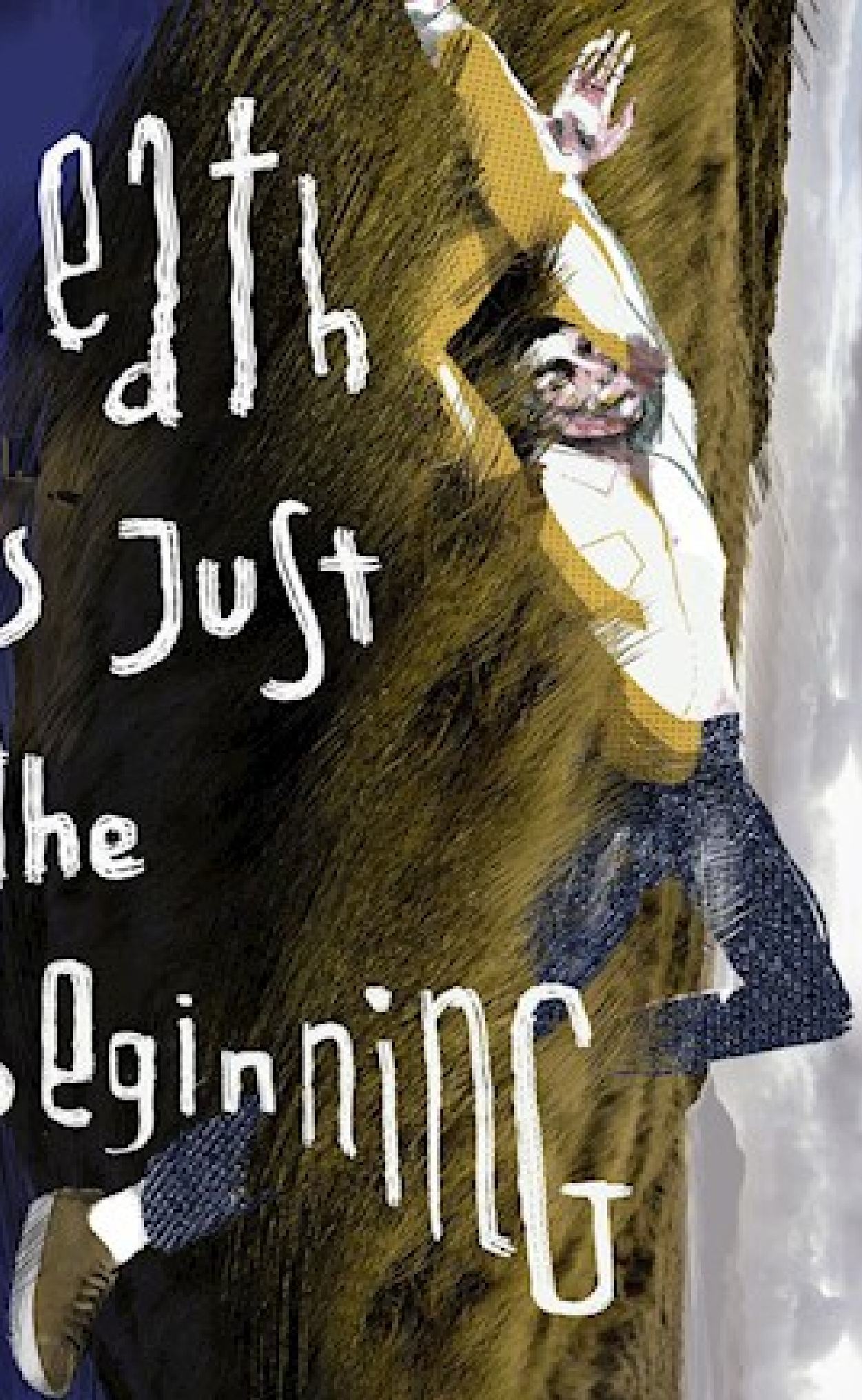

Death
is just
the
beginning

Что нас ждёт после смерти? Вечный покой? Забвение? Или же бесконечные поиски самого себя на бескрайних просторах собственного сознания?

Чёрный пепел золотой травы

Эпиграф

*Возможно, что солнце взойдёт ещё раз, и растопит над городом льды,
Но я боюсь представить себе цвет этой талой воды.
Красные листья падают вниз, и их замечает снег.
Красные листья падают вниз, и их замечает снег...
И. Кормильцев, Е. Аникина.*

Глава 1. Пахнущие дымом поля

Прохладный, освежающий ветерок легко коснулся моего лица.

Когда на киноэкране кто-нибудь приходит в сознание после отключки, он сразу же вскакивает, начинает тяжело дышать и бешено озирается по сторонам, пытаясь понять, что происходит и где он находится. Со мной ничего такого не было.

Я открыл глаза и безо всякого выражения уставился перед собой, прислушиваясь к ощущениям. Вестибулярный аппарат, постепенно возвращающийся к жизни, дал знать, что я лежу на спине, а значит, смотрел я в лишённое светил и облаков небо — чёрное, но не такое, как бывает по ночам, а скорее сумеречное, ненадолго появляющееся перед самым наступлением темноты. Значит, сейчас поздний вечер. Руки машинально зашарили вокруг, ощупывая почву, мягкую и податливую, траву, шелковистую, как волосы после мытья, и... и что-то ещё.

Я сел и огляделся. Во все стороны, насколько хватало взгляда, раскинулось тёмно-рыжее поле, окрашенное полумраком в иссиня-чёрный оттенок и переливающееся волнами, словно морская гладь под ветром. Местами виднелись аккуратные оспины крошечных оврагов и нагромождения камней, издалика казавшиеся сложенными в причудливые карликовые домики, но большую часть открывшегося передо мной простора занимала густая и высокая бурая трава. Сощурившись, я присмотрелся — она вилась по холмам, уходя к самому горизонту, где настолько сливалась с небом, что разобрать, где кончается одно и начинается другое, не получалось. Каждый вдох отдавался смутно знакомым запахом, и я шумно втянул воздух ноздрями, пытаясь его распознать. Дым? Да, запах гари, как от недавно затушенного костра. Или даже целой сотни костров.

Я попробовал подняться на ноги — и сейчас же зашатался от головокружения, чуть не упав обратно. Пальцы инстинктивно рассекли воздух, ища опору, но ничего не нашли, и я замер, зажмурившись и балансируя в этом тошнотворном состоянии, ожидая, когда оно пройдёт и мне полегчает.

Но не успел я почувствовать, что слабость уходит, как где-то неподалёку раздался голос: — Эй, ты! Сигаретки не найдётся?

От неожиданности я подскочил на месте, напрочь позабыв о недомогании. На то, чтобы разглядеть задавшего вопрос, у меня ушло несколько секунд — им оказался взъерошенный парень, одетый в старомодный клетчатый костюм из тёмной ткани. Неудивительно, что сразу я его в сумраке и не заметил. Он сидел, прислонившись спиной к вросшему в землю валуну, и смотрел на меня, очевидно, ожидая ответа.

Я торопливо захлопал себя по карманам, затем вдруг опомнился:

— Я не курю.

— А ты всё равно проверь, — усмехнулся он. — Тут всякое случается.

Я нахмурился, не понимая, что он имеет в виду, но всё же опять зашарил по недрам одежды и, к собственному удивлению, действительно извлёк из внутреннего кармана изрядно помятую, но всё ещё целую и годную к употреблению пачку сигарет неизвестной мне марки. На её лицевой стороне под целлофаном красовалось изображение уходящей вдаль мощёной дороги, по обеим бокам от которой выстроились ряды невысоких деревьев. Плохо отпечатанный на картоне рисунок уже наполовину выцвел. Незнакомец снова ухмыльнулся:

— Я же говорил.

Я молча двинулся к нему сквозь сопротивляющуюся траву и передал пачку, успев мельком отметить, что его наряд сильно потрёпан, а на локтях и коленях и вовсе проглядывают дыры. Он с благодарным кивком принял её, открыл и достал сигарету, затем протянул остальное обратно. Я покачал головой:

— Оставь себе. Я правда не курю.

Он небрежно убрал подарок в карман, а уже вытащенную сигарету взял в зубы и, пожёвывая её, как соломинку, молча уставился на меня. Наступила неловкая пауза, пока мы разглядывали друг друга. Тишину прервал я, сказав первое, что пришло на ум:

— Не помню, как тут оказался. И... где я вообще?

— Ну, — отозвался он, устраиваясь поудобнее, — хоть меня при этом и не было, я скажу, как. Вариант, раз ты здесь, только один — ты умер.

— Умер? — Я ещё раз огляделся по сторонам. Если бы я когда-нибудь задумывался, как выглядит место, куда попадаешь после смерти, здешние пейзажи пришли бы в голову не последними, конечно, но уж точно и не первыми. — Это что же, загробный мир?

Парень пожал плечами:

— Сам загробный мир или только дорога к нему, кто его знает? Разницы-то никакой — ты и так мёртв, и эдак.

Простота его слов и лёгкость, с которой он говорил о смерти и загробном мире, странным образом действовали на нервы. Как какая-то дурная шутка.

— А ты... Дай-ка угадаю. Кто-то вроде Харона?

Он хрипло захохотал, смех постепенно перешёл в неконтролируемый припадок кашля.

— Какой там, — согнувшись в три погибели, пробормотал он и махнул рукой. — Ни лодки, ни вёсел, да и реки что-то не видно. А у тебя, готов спорить, и пары монеток не найдётся, чтобы переправу-то оплатить, а?

Монетки искать я не стал. Незнакомец, затихнув, обхватил колени руками и замер так, глядя в одну точку. Когда я уже решил, что он забыл про меня, он равнодушно проговорил:

— Мертвец я, такой же, как и ты. Разве что нахожусь здесь подольше, а в остальном всё то же самое. Как две капли воды.

Сказав это, он снова забылся, а я стоял, обдумывая всё услышанное. Не то чтобы новость о собственной смерти я воспринял совсем уж хладнокровно — такое, как-никак, не каждый день узнаёшь. Но какой должна быть первая реакция на подобное известие? Страх? Недоверие? Или, может быть, попытка вспомнить, как закончился предыдущий вечер?..

— Если бы я умер, я бы помнил, как это случилось. А я не помню. — Произнёс я вслух, присаживаясь рядом со странным собеседником.

Тот встрепенулся и, бросив на меня затуманенный взгляд, кивнул:

— Ага, никто никогда не помнит.

— Никто? — Я обвёл глазами безлюдное поле. — Тут что, есть другие?

— Конечно, — он фыркнул так, что выплюнул до сих пор незажжённую сигарету, и, ловко поймав её на лету, опять воткнул между зубов. — Думаешь, ты единственный, кому так повезло? Я за всё время сотню таких же счастливчиков встретил, если не больше, и ни один из них не смог рассказать, как именно он умер. Кто-то вообще почти ничего о своей жизни не помнит, кто-то вспоминает почти всё целиком, у других всплывают какие-то детали, обрывки. Но про саму смерть — никогда. И у меня тоже так.

— Интересно... — Я прочертил носком ботинка по земле. — Как тогда можно быть

уверенным, что мы в загробном мире?

— А где же ещё? — Он в очередной раз усмехнулся, но уже не так беззаботно, как раньше, а с примесью горечи. — На что ещё это, по-твоему, похоже? Часто ты вот так просыпаешься посреди чёртова поля, где никогда не светает, а вещи в карманах появляются сами собой?

Никогда не светает?.. Я с недоумением поднял глаза к небу. Сумерки мимолётны, но как сильно должно было потемнеть за те десять-пятнадцать минут, которые я провёл в сознании? Пока, по крайней мере, мне не казалось, что полумрак хоть чуточку изменился, вокруг не стало ни светлее, ни темнее.

А как насчёт моих воспоминаний? Я напряг память, пытаюсь извлечь из неё что-нибудь, хоть какую-нибудь зацепку, но сходу действительно ничего не нашёл — ни имени, ни того, кто я вообще такой, ни даже очертаний собственного лица. Если бы я сейчас наткнулся на зеркало, из него на меня взглянул бы абсолютно незнакомый человек, как внутренне, так и внешне. Или наоборот, тогда бы я вспомнил? Я поднял руки и неуверенно ощупал свой нос.

Где-то вдалеке прозвучал раскат грома, порывы ветра усилились. Я почувствовал, как по спине побежали мурашки.

Он сказал, что все помнят прошлое по-разному, кто-то больше, кто-то меньше. Может ли быть такое, чтобы кто-то не помнил совсем ничего? Ни одной мелочи, ни малейшей.

— Что-то я не вижу никого из тех счастливчиков, о которых ты говоришь.

— Само собой. А ты что, думал, они будут рассаживаться здесь в круг и дожидаться тебя, распевая приветственные песни? Они всегда уходят, — парень неопределённо махнул рукой в воздухе, — надолго со мной не задерживаются, да и правильно делают.

— Куда уходят?

— Дальше. Просто дальше. Надеются, что там будет ещё что-то, кроме этого... поля.

Я снова взгляделся в бескрайнюю даль, пытаюсь различить линию горизонта.

— Ну, а там... Там действительно есть что-нибудь? В смысле, правда можно найти другое место?

— Откуда мне знать? Может, можно, а может, и нет. Я с тех пор, как очнулся, дальше этого камня не уходил, а остальные назад не спешат, чтоб рассказать. Хотя... Как-то раз один малый ушёл, положим, на север, а через час-другой показался с юга. И сам удивился. Я же, говорит, никуда не сворачивал. Потом повернул обратно, и тогда уже насовсем пропал. То ли добрался куда-то, то ли попросту сгинул. То ли тоже теперь сидит на одном месте и почём зря не дёргается. А вообще... — Он придвинулся ближе, словно собираясь сообщить какой-то страшный секрет. — Видел я как-то отсветы на небе, не такие, как при грозе, а скорее на пожар похожие. А если есть пожар, то есть, и чему гореть. Не сорняки же на полнеба полыхали?

— Ясно... — Я поднял из-под ног камушек и швырнул его в заросли травы, с готовностью поглотившей отравленный в неё снаряд. — А как ты узнал, где север и где юг?

— Я же образно выразился, — он поморщился, покусывая сигарету. — Чтоб тебе понятнее было.

Звук грома повторился, на этот раз немного ближе, приглушив наши голоса. Странно... Раз есть гром, значит есть и молнии, а где молнии — там должен быть и дождь, но ни единого облачка в пределах видимости я не заметил, как и вспышек.

— Дождя я ни разу пока не застал, — отозвался собеседник моим мыслям, похоже, произнесённым вслух. — Иногда грохочет где-то, но при мне ни разу не лило.

— А давно ты уже здесь находишься?

— Не знаю, — просто ответил он. — Когда день не сменяется ночью, время посчитать трудно. Да и спать у нас, мертвецов, нет необходимости.

Трава прошелестела убаюкивающе, как будто возражая ему. С первого взгляда её движение можно было принять за какое-нибудь животное, но только из-за сумрака, продолжавшего сковывать воздух густой пеленой. Никуда не делся и запах дыма, хотя постоянные шквалы ветра уже должны были его разогнать. Вместо этого они только заставили меня плотнее укутаться в одежду. Могут ли мертвецы мёрзнуть? Вопрос занятный... Да чего уж там — почти философский. Хотя, пожалуй, и не самый ненормальный из тех, которые сейчас переполняли мою голову.

Какой бы ничтожной ни казалась вероятность однажды проснуться где-то, где нет солнца, да ещё и безо всяких воспоминаний, шанс того, что существует загробный мир, всё равно была несравненно меньше. Я опять попробовал прислушаться к своим ощущениям — так, чисто для проформы. Отличаются они чем-то от того, как себя чувствует живой и здоровый человек? Должны бы, раз мне даже спать не нужно, но никаких отличий от обычного состояния я не обнаружил. Может, из-за того, что «обычное состояние» для меня звучало как нечто абстрактное и далёкое. Пустые слова без чёткого содержания.

Я со вздохом поднялся на ноги:

— Получается, у меня других вариантов нет, кроме как последовать примеру большинства.

— То есть, двигать дальше? Получается, так. — Он, запустив пальцы в спутанные космы, на секунду замялся. — Я бы предложил остаться и поджидать других новичков вместе, но... Тебе, честно говоря, будет скучно. Да и потом, понимаешь, в чём дело — где двое, там и трое, а где трое, там и дюжина. Не хотелось бы мне собирать вокруг себя народ.

— А ты сам не думал сняться с насиженного места? Может, пора? Посмотреть здешний мир, встретить кого-нибудь из старых знакомых, узнать, что с ними. Или ты слишком привязался к этому бульжнику?

— Ага, врос в землю не хуже него. — Он с бодрым видом похлопал по камню ладонью. — Мне, знаешь, кажется, что при жизни я любил природу. Точно не помню, конечно, как и многого остального, но сидеть на одном месте и любоваться местными видами могу часами.

— Местными видами? — Я пробежался глазами по погруженной в темень долине. — Наверное, при жизни у тебя и зрение было отменное.

— Смейся, смейся... — Он на удивление спокойно и добродушно покачал головой. — Но тут правда красиво. Сумей только заметить.

Я промолчал, продолжая вглядываться в море цвета тёмной охры, мерно колышущееся передо мной. Да, возможно, в нём, в этом пейзаже, в застывшей сумеречной мгле, в неотличимости верха и низа — возможно, во всём этом действительно было что-то... завораживающее. Экзотическое. Гипнотизирующее и оставляющее после себя ощущение, непонятное ощущение — то ли страх, то ли желание узнать больше. Сродни пруду, на берегу которого стоишь глубокой ночью: и хочется увидеть, что там, под затянувшей поверхность ряской, и нырять боязно. И в то же время от полей веяло необыкновенным спокойствием. Кажется, то, что я почувствовал в этот момент, называют дрожью первооткрывателя.

— Слушай, — спросил я, не отрываясь от созерцания. — Могу я перед уходом задать ещё один вопрос?

— Валяй.

— Ты говорил, здесь бывает всякое. Ну, когда попросил сигарету. Какое такое «всякое»?

— Ну, просто всякое.

— Например, что?

Вместо ответа он театральным жестом поднял руки над головой и хлопнул в ладоши. Раздался очередной, третий удар грома, настолько внезапный и громкий, что показалось, будто молния сверкнула прямо у меня за спиной и земля под ногами задрожала. Я обернулся.

Ни единого следа. Лишь вдалеке, у самого горизонта, освещая линию между небом и полем, одинаково чёрными, вспыхивали зарницы, которых минуту назад там не было.

— Хм... Хорошо, я понял.

Прощание с новым знакомым получилось столь же коротким, как и сама встреча с ним — хотя он всё же стал первым, с кем я столкнулся в новом для себя мире, и трудно было представить, что меня ждёт впереди. Мы перебросились дежурными напутственными фразами, и я, повернувшись к нему спиной, зашагал в единственном подходящем направлении — туда, где виднелись всполохи. Однако не успел я отойти и на десяток метров, как он меня окликнул:

— Эй, погоди-ка! — Я оглянулся. Он стоял, крутя в пальцах измочаленную сигарету. — А спичек-то у тебя не будет?

Я запустил руки в карманы. Спичек не было.

— Ничего, — усмехнулся он. — Может, когда встретимся в следующий раз, появятся.

Глава 2. Старая мельница

Многие полагают, что смерть — это полный и бесповоротный конец, финальные титры, точка, поставленная перед заслуженным отдыхом, за которой нет и не будет уже ничего. На самом же деле после неё нас ждёт начало нового пути, ещё более долгого, утомительного и, возможно, лишённого всякой цели. По крайней мере, я ни о какой цели пока что не знал. Теперь мне предстояло осознать и переварить эту информацию.

Я забрался на невысокий каменистый уступ, почувствовав, как меня сдувает ветром, и осмотрел раскинувшуюся внизу лощину. Надо признать, первое впечатление от здешней глуши оказалось вполне справедливым — равнина, изрытая оврагами и испещрённая скалами, простиралась бесконечно, в каком направлении ни повернись, при этом булыжник, возле которого остался парень в клетчатом костюме, уже исчез из поля зрения, хотя я удалился от него всего на сотню шагов и рядом не было никакого холма или чего-нибудь другого, что могло бы его скрыть. Похоже, время и пространство по эту сторону и правда заплетались в узел, который просто так не распутать.

Раньше я никогда не видел места, подобного этому. Оно напоминало заброшенную и одичавшую загородную пашню, но в реальном, живом мире на краю такого простора всегда заметно просёлочную дорогу с едущими фермерскими фургончиками, протянутыми вдоль неё линиями электропередачи, с редкими заплатками-отметинами сараев и иных хозяйственных построек, а также стадами коров, овец, коз и прочей домашней живности. Здесь же ничего такого не было — только высокая, по пояс, трава, через которую, казалось, можно идти без остановки до тех пор, пока ноги не перестанут слушаться. Я решил удостовериться, так ли это, но пыла хватило лишь на пару часов — после этого я хотя бы узнал, что мертвецы, независимо от того, мёрзнут они или нет, уставать вполне способны. Поняв, что настало время передохнуть, я нашёл стоящий особняком валун и расположился прямо на клочке земли под ним. Тогда же я сообразил, что за странное ощущение у меня вызвало прикосновение к почве, когда я только очнулся — вся она оказалась покрыта пеплом и жирной, пачкающей сажой, равно как и сам камень, возле которого я устроил стоянку. К тому моменту уже всю мою одежду сплошь усеяли маслянистые чёрные пятна, и я готов был поспорить на что угодно, что больше всего их осталось на спине. Неудивительно, что здесь стоит запах костров — всё это место было, как одно сплошное пепелище.

Переведя дух, я продолжил путь и, вспомнив рассказ про север и юг, попробовал проверить, что получится, если я развернусь и пойду в обратную сторону. Результат оказался весьма неожиданным — я попросту не смог узнать поляну, по которой прошёл буквально только что. Конечно, частично я свою забывчивость списал на темноту и однообразие окрестностей, но другие замеченные мной детали объяснению никак не поддавались. Поначалу, например, я чувствовал, что поднимаюсь в гору, и, следовательно, после разворота должен был идти под уклон, однако вместо этого подъём продолжался, как будто я никуда и не сворачивал. Не прекращались и прочие странности — несколько раз я успевал заметить боковым зрением мелькнувшие во мгле силуэты и бросался к ним очертя голову в надежде повстречать других скитальцев, но те растворялись в тени прежде, чем я добирался до них.

Меня упорно не покидали мысли о том, что же это на самом деле за место. Сомнения таяли с каждой проведённой тут секундой, но затаившийся глубоко внутри моей головы

скептик настойчиво требовал неопровержимых доказательств того, что вокруг действительно загробный мир, а не плод моего воображения или... что-то ещё менее экзотическое. Вот только как в этом убедиться наверняка? У меня проскочила догадка, что умереть во второй раз мертвец, очевидно, не сможет — значит, если я попытаюсь покончить с собой и ничего не выйдет, это точно прольёт свет на ситуацию. А получится — утешусь тем, что оказался прав. Ха-ха. Очень смешно.

Впрочем, даже если бы я сразу же не отмёл столь блестящую идею, вряд ли у меня получилось бы её реализовать — рядом не было ни единой скалы, с которой я мог бы броситься, или реки, чтобы утопиться. А как ещё лишиться себя жизни в пустом поле? Сесть и ждать, когда умрёшь с голоду? Скатиться кубарем по склону холма, надеясь, что сломаешь шею?

Не давал покоя и вопрос о том, кто же я такой, точнее, кем был при жизни. Из объяснений Курильщика, как я окрестил своего недавнего собеседника, я понял, что каждый сохраняет хотя бы немного воспоминаний; у меня же в голове на этот счёт было хоть шаром покати. Я не имел ни малейшего понятия, как я могу что-то вспомнить, да и возможно ли это в принципе, но уже решил, что именно это должно стать моей первостепенной задачей. Меня не покидала уверенность, что это важно, хотя я и не знал, почему.

За такими размышлениями я преодолел с десятков километров, а заросли травы всё не заканчивались. Никуда не пропал и сумрак, так что всё, что утверждал насчёт этих земель Курильщик, пока что сбывалось.

Зарницы, к которым я направлялся, давно погасли, гром тоже утих. Я шёл наугад, уповая на то, что дорога выведет меня хоть куда-то, но надежда на это становилась всё слабее, а привалы приходилось делать всё чаще, и не всегда для них отыскивался подходящий уголок. К той минуте, когда я наткнулся на заброшенную водяную мельницу, я провёл на ногах, по ощущениям, уже около полутора-двух суток, которые, в общем-то, с не меньшей вероятностью могли оказаться как парой часов, так и целым месяцем — чувство времени я потерял намного быстрее, чем рассчитывал.

Сначала очертания этой мельницы, выросшей из темноты уродливым великаном, чуть было не заставили меня подумать, что собственные глаза мне врут — как она появилась здесь, где на мили окрест не найдёшь ни водоёмов, ни людей? И всё-таки, подойдя поближе, я понял, что никакой ошибки нет; громоздкое зубчатое колесо засело в грунте по самую ось, сохранившиеся лопасти насквозь прохудились, но здание до сих пор узнавалось. Оно и само находилось далеко не в идеальном состоянии: покосившееся, с наполовину обрушившейся крышей. И новёхонькая, без единой щербины или щели дверь.

Внутри мельница оказалась гораздо просторнее, чем выглядела снаружи, а её убранство явно говорило о том, что она обитаема, по крайней мере, была когда-то. Напротив входа в один ряд выстроились ветхий каркас от кровати, массивный сундук и, будто в противоположность ему, крошечный стол, заваленный кухонной утварью. По левую руку от меня расположились диски жерновов, соединённые с поворотным механизмом, справа по всей длине стены протянулся верстак. Всё это покрывал вековой слой пыли, запах которой отчётливо чувствовался в воздухе, едва ли не перебивая запах гари. Пол усыпала всякая мелочёвка.

Дыры в кровле пропускали не так уж много света, и, если бы не висящий под потолочными балками тусклый керосиновый фонарь, ничего рассмотреть мне бы не удалось. Я присел на койку и взглянул наверх, на светильник. Если лачуга пуста, кто его зажжёт?

Другой такой же пришелец, как и я? Или тут всё же кто-то живёт, и, стоит малость подождать, я встречу с хозяином мельницы? Если так, то он жуткий неряха — вон какой бардак кругом. Вообще, я затруднялся ответить, будет ли это безопасно — кто знает, кем тот хозяин окажется? Я ещё даже не представлял, какие существа водятся в этом мире, и не все они могли оказаться такими же дружелюбными, как Курильщик.

Я опустил глаза к лежанке. Грубо сколоченный из досок каркас укрывали какие-то лохмотья, наверное, всё, что осталось от матраса или постельного белья. Тряпки настолько истлели, что различить их цвет не получалось. Я аккуратно, чтобы не повредить их ещё сильнее, переполз на пол и переключил внимание на разбросанные там вещи, большую часть которых составляли куклы — вырезанные из дерева мужские и женские фигурки. При тщательном рассмотрении их проработанность впечатляла: каждая из статуэток изображала непохожего на других человека, с уникальными чертами, двух одинаковых среди них не было. Меня заинтересовала одна из игрушек, выполненная в виде долгового паренька в забавной широкополой шляпе. На его ухмыляющейся физиономии не хватало левого глаза, все же остальные детали, начиная со складок на одежде и заканчивая еле заметными морщинами, отлично распознавались.

Я отставил его в сторону, поднялся на ноги и двинулся к верстаку. Там, в стружке и опилках, валялись инструменты, которыми, скорее всего, и пользовался неизвестный кукольник — резец, стамеска и ещё что-то, мне незнакомое. В углу столешницы выселись штабеля деревянных брусков-заготовок, и стена за ними была какой-то... другой. Смахнув с неё пыль, я понял, в чём дело — на этом месте висело небольшое зеркальце без рамы, наполовину скрытое деревяшками. Освободив обзор, я с любопытством взгляделся в своё отражение. Нос, возможно, слишком велик, но во всём прочем ничем не примечательное лицо. Увидь я его со стороны где-нибудь в толпе, забыл бы уже через пять минут. И, что самое главное, сейчас оно не пробуждало никаких воспоминаний. Не то чтобы я на это так уж сильно рассчитывал, но это было одним из возможных ключей к моему прошлому. И надежды он, судя по всему, не оправдал.

Время шло, а на мельнице никто не появлялся. Усиливающийся ветер продолжал буйствовать, так сотрясая иссохшее здание, что я решил выйти наружу и удостовериться, что оно не планирует рухнуть мне на голову. А то и вовсе подождать там, от греха подальше.

И тут-то начались проблемы. Дверь, через которую я вошёл, не поддавалась ни на сантиметр, словно её кто-то успел не то что запереть, а наглухо завалить чем-то тяжёлым. Подёргав ручку и сообразив, что это бесполезно, я попробовал высадить дверь с разбега — в конце концов, хуже интерьеру не будет, да и обстоятельства не те, чтоб церемониться. В любом случае, у меня всё равно ничего не получилось — только плечо ушиб, а дверь оставалась на месте, как влитая. Я, выругавшись, отступил. Нужно было искать иной выход. Мгновенно родилась мысль о водяном колесе снаружи — если оно соединено с жерновами столь крупным механизмом, отверстие от него должно быть достаточно большим, чтобы пролезть. Однако и это тоже ни к чему не привело, лаз оказался заполнен землёй и камнями, и утопленные в них обломки не дали бы прокопаться на свободу даже с найденными инструментами. Не помогла и попытка пробиться сквозь стены — несмотря на их кажущуюся хлипкость, на поверку они оказались прочнее алмаза, мне не удалось и щепки от них отодрать, резец не оставлял на поверхности досок ни царапины.

Во всей этой ситуации я видел один бесспорный плюс: похоже, насчёт надёжности моего укрытия можно было больше не беспокоиться. Впрочем, его сполна компенсировало

то, что теперь мне не оставалось ничего, кроме как надеяться на приход хозяина, при условии, что он вообще объявится. Конечно, кто-нибудь посторонний мог бы случайно набрести на мельницу, как это вышло со мной, но я сомневался, что у него получится меня выпустить.

В ожидании спасения я принялся заново исследовать каждый квадратный сантиметр жилища: изучал составленную на столике посуду, проверял засыпанную дыру в стене, перебирал игрушки. Не трогал я до сих пор только сундук, практически такой же обветшалый, как и сам дом — всё остальное вроде как лежало на виду, а если бы я заглянул в него, это было бы всё равно, что рыться в чужих вещах. Однако я всё же попробовал вытащить эту окованную железом громадину на середину помещения, полагая, что с неё смогу забраться на балки и через крышу покинуть западню, в которую так глупо угодил. Ну, или, по крайней мере, снять оттуда подвешенный фонарь, так и продолжавший гореть, вопреки тому, что топливо давно должно было закончиться — вдруг пригодится.

Не получилось ни того, ни другого.

Прекратив самостоятельные старания выбраться, я мерил комнату шагами, из угла в угол. Очень быстро меня самого это стало раздражать, и я уселся на верстак. На глаза мне попались вырезанные из дерева фигурки, и чтобы чем-то занять руки и успокоить нервы, я взялся за резец и начал вырезать что-то наподобие ещё одной статуэтки. Надо думать, вернувшийся хозяин не обрадуется испорченной заготовке, но так хоть время скоротаю. Да и потом, в голове у меня вместо воспоминаний о предыдущей жизни по-прежнему царил вакуум, и чем больше я экспериментирую, тем больше шансов что-нибудь о ней вспомнить. Полезным могло оказаться что угодно. Вдруг я тоже при жизни был мастером-кукольником?

Первый блин ожидаемо получился комом. Вышедшую, примерно через час мучений, из-под моих пальцев поделку язык не поворачивался назвать не то что человеческой, а хоть какой-нибудь фигуркой — сказывался недостаток опыта. Скорее она походила на... изуродованную деревяшку. Причём, весьма неумело изуродованную. Я отложил её и приступил ко второй, но и она в итоге не особо отличалась. Улучшения стали заметны только после полудюжины загубленных брусков — теперь можно было уверенно различить, где у завершённой «куклы» верх, а где низ. Звучит, правда, не слишком-то впечатляюще, но для меня и это явно был значительный прогресс. Похоже, кукольником я всё же не был.

Меня немного тревожило, что я с такой скоростью гроблю материалы, которые, наверное, не так просто раздобыть здесь, посреди голого поля, но заметив, что меньше заготовок как будто и не становится, я успокоился. Тем более, успехи продолжались — мне постепенно начали удаваться крупные детали одежды, а потом и те, что помельче. Кривоватые вырезы на месте глаз, неестественно вывернутые ноги и квадратные волосы всё ещё трудно было принять за произведение искусства, но по сравнению с самой первой попыткой я значительно поднаторел. И чем дальше, тем больше мои творения приобретали черты настоящего человека.

Наконец, спустя десятки неудач, у меня получилось что-то, хотя бы слегка похожее на разбросанные по полу образцы. Разумеется, мой шедевр до них всё ещё не дотягивал, но я и без того уже определённо прыгнул выше головы, и можно было притормозить и передохнуть.

— Поприветствуйте Страшилище! — Торжественно провозгласил я статуэткам, любуясь результатом собственной работы. Повертев куклу, я поставил её на столешницу, рядом с собой. И как только она коснулась твёрдой поверхности, с ней что-то начало происходить.

Идущий от фонаря свет усилился — или же засветилась сама игрушка, изнутри. Так или

иначе, её стало лучше видно. Её очертания медленно менялись, как у воска в огне, но лицо не просто оплывало, а перетекало из той формы, что ему придал я, во что-то иное. Это длилось около минуты, в течение которой я, боясь пошевелиться или моргнуть, неотрывно наблюдал. Когда всё закончилось и странное сияние погасло, я дрожащей рукой поднял свою поделку.

Человека, в которого она превратилась, я узнал сразу же — это был я. То же самое лицо, что смотрело на меня из зеркала, тот же большой нос, всё то же самое, вплоть до мельчайших штрихов. Это, безо всяких сомнений, был я, и теперь моё изображение было таким же подробным, как и все другие фигурки, найденные на старой мельнице.

Одновременно с этим я услышал что-то позади, там, где находилась дверь. Точнее, не услышал, а ощутил — едва уловимое чувство, когда ключ бесшумно поворачивается в замке. Я оглянулся. Распахнутая настежь дверь покачивалась на петлях, за ней распростёрлась всё та же бездна бесконечного поля, погружённого в сумрак. Я бросился наружу, а затем дальше, прочь от этого места. Того, как за моей спиной с хлопком потух фонарь и снова захлопнулась дверь, я уже не видел. Темнота укутала сотни оставшихся внутри кукол, слишком похожих на людей.

Глава 3. Всякое случается

Я торопливо шагал в сторону от мельницы, которая, как и следовало ожидать, пропала из виду раньше, чем я успел преодолеть сотню шагов. Но всё равно она в любое мгновение могла опять возникнуть из темноты прямо передо мной, поэтому я и не думал замедляться — тем более, идти почему-то стало легче, и я спешил, как мог. Уже сейчас, на ходу, в голову мне пришло, что статуэтку, принявшую мой облик, не было бы лишним захватить с собой, чтобы позже попробовать разобраться, что это за штука и что там вообще произошло. Но во время бегства мне было не до этого, а теперь бы я туда ни за что не вернулся. И это была не единственная запоздалая мысль: я вспомнил слова Курильщика о том, что тут «всякое случается» — значит, у меня в кармане могли найтись не только сигареты, но и что-нибудь, что помогло бы выбраться с запертой мельницы. Однако и это уже не играло никакой роли.

Дорога продолжала забираться вверх, и я, взволнованный и напуганный, как-то упустил момент, когда холмистая равнина превратилась в самые настоящие предгорья. Ветер понемногу стихал, трава редела, и её заросли больше не казались бескрайними, хотя их граница по-прежнему пряталась где-то за горизонтом.

И только окружающий мрак ничуть не поменялся. Я всё так же периодически замечал расплывчатые силуэты, успевающие испариться в темноте за доли секунды, но не такие, как прежде — до того я мог поклясться, что вижу таких же людей, как я; в этих же тенях, что на периферии зрения появлялись и тотчас же таяли в воздухе, было что-то пугающее. То есть, конечно, здесь много от чего мурашки по коже бежали, но от них особенно. Как если бы на аттракционе с поездом-призраком, где вдоль стен выстроены механические скелеты, привидения и вампиры, вы бы натолкнулись на реального монстра, во плоти и крови. Возможно, правда, дело всё же было в том, что после мельницы я до сих пор оставался на взводе.

Самым страшным казались даже не сами тени, а то, как они себя вели. Одна из них не стала исчезать сразу. Когда я её увидел, она стояла, не шелохнувшись, в паре десятков метров от меня и, как мне почудилось, смотрела в мою сторону, хотя я и не смог бы разобрать, где у неё глаза, а где затылок. Я, в свою очередь, вытаращился на неё, не понимая, человек ли это, вроде меня или Курильщика, или фантом, который растворится, едва я отвернусь. Колебался я, без преувеличений, минуты три-четыре, пока не убедился, что пропадать незнакомец не собирается, и только после этого решился приблизиться. Я двинулся вперёд, к нему. И в тот же миг, до того, как я пошевелился, он сгинул, точно сквозь землю провалился. В глазах ещё несколько секунд держался отпечаток его контура, постепенно угасающий. Я, подождав, продолжил путь.

Пошёл снег. В воздухе затанцевали редкие снежинки, грозившие вскоре обернуться лёгким, но всё же снегопадом. По большому счёту их сдувало вниз по склону, но часть ухитрялась осесть у меня на плечах или волосах и растаять до того, как я успевал их стряхнуть, а капли собирались в ручейки и текли мне за шиворот. Подъём становился всё круче, я всё чаще спотыкался и падал.

В очередной раз распластавшись среди травы, я подумал, что неплохо бы обзавестись фонариком, чтоб хотя бы различать, куда наступаешь. И, разумеется, сунув руку в карман, именно его там и обнаружил. Всё произошло само собой, без каких-либо усилий с моей стороны, не понадобилось даже в ладони хлопнуть, как это делал Курильщик, призывая гром.

Правда, восторга убавилось, когда я понял, что столь желанная и необходимая находка не включается — в фонарике не оказалось батареек, и вот их-то «вызвать», как бы я ни старался, не получилось. Эта местная магия, чем бы она вообще ни была, работала как-то очень выборочно и своеобразно. Пришлось и дальше брести в темноте.

После одного чересчур сложного участка я встал передохнуть. Впереди лежала круглая поляна, за ней вырастала внушительных размеров возвышенность. Восстанавливая дыхание, я одновременно прикидывал, сколько сил уйдёт на то чтобы её преодолеть. А ведь за ней, вероятнее всего, будет ещё одна, невидимая отсюда, а за ней ещё, и ещё, и ещё. Я оглянулся — позади чёрной бездной с почти незаметным рыжим отливом стелилась бесконечная равнина, с которой это путешествие началось. Отсюда, с высоты, она походила на крошечный кусок, вырванный из лоскутного одеяла. Я и сам сейчас ощущал себя похожим образом: как нечто маленькое, вытащенное оттуда, где мне самое место. Но эта мысль не была грустной. Мои губы тронула слабая улыбка — в конце концов, что с того, что впереди, может быть, ещё сотня вершин? Времени-то у меня теперь, вроде как, полно. Хватит на все вершины.

Поддавшись внезапному секундному порыву, я зажмурился, и ветер тотчас же с новой силой набросился на меня, сбивая с ног. Я почувствовал себя цирковым канатоходцем — пустяковое колебание влево или вправо, и всё, пока. С той лишь разницей, что я знал: я-то не на канате, и мне ничего не угрожает. Я раскинул руки в стороны, удерживая равновесие, и шагнул по направлению к подножию горы. Мне в лицо швырнуло очередную порцию снега, а я продолжал идти, драматично раскачиваясь и стараясь двигаться по прямой линии, как по настоящему канату, балансируя на ней и пытаясь разом обуздать и гравитацию, и ветер. Так, вслепую, я прошёл, как мне показалось, несколько метров.

Открыв глаза, я понял, что стою на узкой скале, и по обоим бокам от меня на самом деле разверзлась пропасть. Внутри всё сжалось, я зашатался от неожиданности. Вопрос, что со мной случится, вздумай я туда упасть и разбиться насмерть, до сих пор оставался без ответа, но мне всё равно не хотелось выяснять это эмпирическим путём. Я попятился, уже всерьёз борясь с ветром, и медленно вернулся на твёрдую землю. Только после этого я осмелился выдохнуть и оглядеться. Гора, как огромный острый зуб, торчала всё там же, значит, не местность вокруг меня поменялась, пока я держал глаза закрытыми, а я сам дошёл до пропасти и чуть в неё не свалился. Вот только поблизости не должно было быть никаких пропастей... Я точно помнил, где стоял перед тем, как зажмуриться, и оттуда я вряд ли бы преодолел расстояние до этой точки за те несколько шагов, что я успел сделать. В следующий раз буду вести себя осторожнее.

Под ногами что-то еле слышно хрустнуло. Нагнувшись, я подобрал предмет, больше всего похожий на компас: плоская круглая коробочка из двух сочленённых половин, между ними пряталась красно-синяя стрелка, закреплённая на центральной оси. Нанесённая по краю шкала настолько стёрлась, что даже делений почти не разобрать, не говоря уж о подписях. Мало того, прибор, судя по всему, был неисправен — стрелка крутилась, как сумасшедшая, то и дело меняя направление, не задерживаясь ни в одном положении дольше секунды. Глянцевитый когда-то корпус выщел, его покрывали царапины и вмятины, в которые прочно въелась сажа.

Захлопнув крышку, я убрал находку в карман. Кому бы эта вещица ни принадлежала, вряд ли он возвратится искать её сюда.

Мой недавний оптимизм по поводу дальнейшего маршрута принёс неожиданные плоды

— после горки подъём становился более пологим, так что идти стало проще. Отсюда начиналась едва заметная тропка, она вилась среди скоплений угловатых скал, потихоньку уходя выше и теряясь в мареве тумана. За первым же поворотом, огибавшим особо крупный утёс, на вбитом в землю кольшке болтался щербатый дорожный указатель. Подойдя ближе, я с трудом прочёл полустёршийся текст:

«е ер. в..ер.ь,
Т. гр...ш. н. ко. ни
И. заб..ь. пе..с.ч..ь
зве...ю че. у»

Кроме этой белиберды, распознать нельзя было ни буквы. Табличка указывала в сторону вершины, однако надпись на какое-то время ввела меня в ступор. За тот срок, что я провёл здесь, я уже привык ко всем странностям, но это... Судя по всему, там был написан какой-то стишок, прочитать который полностью не представлялось возможным из-за стёршихся букв. Но кто пишет на указателях стихи? Какой в этом смысл? Пожав плечами, я пошёл дальше.

Как я и предполагал, лёгкий снежок постепенно превращался в настоящую метель и, чтобы хоть как-то защититься от задувающего прямо за шиворот бурана, я поднял воротник и зарылся в него лицом, но без толку. К тому моменту, когда я подобрался к месту, где уклон снова становился круче, ноги практически по щиколотку утопали в снегу, обильно набивающемся в обувь. Впрочем, холода я всё же не ощущал — в отличие от воды, хлюпающей в ботинках. Она, конечно, раздражала, но не простужусь же я, в самом деле? Хотя, наверное, не стоило так на это надеяться — если мертвец после смерти может устать, то, должно быть, может и заболеть. Болезнь и усталость, по сути, два близких состояния — и то, и то представляет собой реакцию организма на какие-нибудь изменения или длительное воздействие. Но разве то же самое нельзя сказать и про чувство холода?

Трава вскоре окончательно сошла на нет, а остатки поля полностью уступили горной местности. Находить под снежными заносами тропу было всё тяжелее — один раз мне даже пришлось возвращаться обратно по собственным следам, благо они никуда не исчезли у меня за спиной. Уже давно хотелось отдохнуть от изматывающей непрерывной ходьбы, но шансов наткнуться на подходящую пещеру или другое укрытие до того, как меня покинут силы, оставалось всё меньше, а перспектива устраивать привал посреди растущего сугроба меня не слишком-то манила.

Впереди замаячил ещё один размытый из-за сумрака и снега контур. Я принял было его за очередной фантом, готовый пропасть при моём приближении, но он вроде бы никуда не думал деваться. Заинтригованный, я направился к нему.

Не-фантом оказался интеллигентного вида невысоким мужчиной лет тридцати пяти или сорока, одетым в шерстяные брюки и жилетку поверх рубашки. К такому наряду в обязательном порядке полагался строгий галстук какого-нибудь неброского цвета, но ничего подобного я не видел. Стоя на коленях, этот человек разгребал снег, буквально погрузившись в своё занятие с головой — меня он не заметил, пока я не подошёл вплотную. Только тогда незнакомец прервался, перевёл на меня взгляд и после небольшой заминки поздоровался:

— Здравствуй. — Его тихий голос звучал рассеянно, а очки с погнутой дужкой, справа вылезавшие чуть ли не на лоб, подкрепляли первоначальное впечатление.

— Привет. — Я глазами указал на место его раскопок. — Ты что-то ищешь?

— Ох, да, да, — забормотал он, поднимаясь на ноги и отряхивая колени. — Одну вещь. Где-то обронил и... и не могу найти.

— Ясно. — Я выдержал паузу, собираясь с мыслями. В его манере речи было нечто странное, обычно люди так не говорят. — И... Какую именно вещь?

— Я не помню. — Он виновато улыбнулся. — Ты, верно, знаешь, как тут всё происходит.

— Да, но... Мне казалось, это работает по-другому. В смысле, насколько мне известно, здесь все забывают то, что с ними было до смерти, а не после.

— Да, да, — закивал он, безо всякого результата поправляя сползающие очки. — Этого я тоже не помню. Кем был, как погиб — ничего.

— Хм-м-м, — задумчиво промычал я. Я вконец запутался и уже решал, не будет ли лучше уйти. — Слушай... Я как раз кое-что нашёл неподалёку. Взгляни-ка.

Я достал компас и протянул Счетоводу — имя родилось сразу, как только я его увидел. Тот подался вперёд, словно хотел взять предложенную вещь, но вместо этого попросту замер, повернувшись ко мне боком. Через пару секунд он недоуменно опустил взгляд куда-то вниз, потом всё же очнулся.

Некоторое время он, задумчиво хмуря брови, рассматривал прибор со всех сторон. Пользовался он только левой рукой, правая плетью висела вдоль туловища — из-за чего он несколько раз едва не выронил компас. Возвращая его, он с сожалением произнёс:

— Боюсь, это совсем не то, что мне нужно. Если бы это была моя вещь, та, которую я потерял, я бы понял. Она бы вызвала у меня какие-то... воспоминания. Мне так кажется.

Мы оба замолчали. Не знаю, было ли в его словах что-то разумное, но почему-то они звучали для меня вполне правдоподобно. Мы ещё немного постояли в тишине, затем я спросил:

— Значит, про свою прошлую жизнь ты ничего не помнишь? Никаких проблесков? Абсолютно?

— Ну, вообще-то, есть кое-что. — На миг его лицо приобрело более осмысленное выражение. — Порой в голове вспыхивают образы. Смутные, нечёткие, как отрывки из фильма с повреждённой плёнкой, и не разберёшь толком, что там. Кроме одного отрывка.

— Какого же?

— Это женщина. — Счетовод уставился в пустоту. — Одна и та же, всегда, хотя каждый раз в новой обстановке. Иногда она в каком-то кафе, иногда где-то... в библиотеке. Иногда на пляже. Я вижу её со стороны, а она как будто со мной говорит, смеётся. Как если бы это было настоящим воспоминанием.

— Но ты не помнишь, кто она?

— Нет. — Он грустно покачал головой. — Но думаю, я её знал. Чувствую какую-то связь, что ли — на каком-то другом уровне, глубже, чем просто воспоминания.

Он вздохнул и потупил взгляд.

— Звучит, как будто она твоя жена. Ну, или просто подруга.

— Похоже, что так. Но... У нас что-то случилось. Что-то, из-за чего мы расстались.

— Конечно, случилось. Ты же умер!

— Нет-нет, ещё до моей смерти. Я хочу сказать... В одном из видений... Там... Там мы ссоримся.

— Ссоритесь?

— Да. — Он поднял ко мне красные, воспалённые глаза, сверкнувшие из-за стёкол очков. — Кажется, я её чем-то обидел. И она... Ушла.

— Чем обидел?

— Не знаю. Этого в воспоминании нет. Там мы просто кричим друг на друга... Потом я отворачиваюсь... Хлопает дверь, и... И всё.

Я молчал. Его история звучала хоть и несколько сумбурно, но всё же печально. Казалось бы, ничего особенного, одна из миллионов историй про расставание и смерть. Но в ней было что-то, что сумело затронуть какие-то тонкие струны внутри меня.

Я взглянул на него сквозь слепящий буран. Счетовод так и стоял, не двигаясь, опустив глаза.

— Послушай, то, что ты ищешь, может быть как-то связано с ней.

— Наверное. Иначе зачем бы я искал?..

Внезапно меня осенила идея.

— Знаешь, что... Возможно, я придумал, как тебе помочь.

— Придумал? — Он недоверчиво посмотрел на меня.

— Возможно! В общем, один парень рассказал мне... — Я запнулся. Разжевать кому-то столь очевидное мне самому оказалось сложнее, чем я надеялся. — Короче, он попросил сигарету. Я ответил, что у меня нет, и тогда он велел проверить в карманах. И я нашёл целую пачку, хотя готов поклясться, что раньше её там не было. Понимаешь?

— Если честно, не очень.

— Как бы попроще... О! — Я вспомнил, что Курильщик терпеливым объяснениям предпочёл наглядную демонстрацию, и поднял руки в том же театрально-торжественном жесте, что и он в тот раз. Почему бы и нет? — Смотри!

Я хлопнул в ладоши. Судя по всему, чтобы сотворить что-то подобное, одного желания было недостаточно — иначе вышло бы так же, как с фонариком и батарейками. С хлопком же получилось гораздо удачнее — гром грянул где-то совсем рядом, и Счетовод, вздрогнув, начал испуганно озираться, словно никогда не видал грозы. На мгновение во мне даже разыгралась гордость, какая обычно возникает, когда впервые удаётся сыграть на гитаре любимую песню или свистнуть с помощью пальцев. Но уже в следующую секунду я понял, что наделал.

Вся поверхность горы пришла в движение, земля заходила ходуном — вызванная громким звуком, на нас шла лавина. Если раньше моё воображение поражала чёрная бездна, безобидно раскинувшаяся далеко внизу, то сейчас точно такая же бездна приближалась к нам сверху, набирая скорость и грозя погрести под собой и нас, и весь этот склон.

Ещё до того, как я до конца сообразил, что происходит, ноги сами понесли меня обратно, под гору, как будто от этой чудовищной громадины можно было спокойно уйти пешим шагом.

— Беги! — Успел я крикнуть не менее ошеломлённому Счетоводу перед тем, как твёрдая почва исчезла из-под ног и я кувырком полетел вниз, в темноту.

Глава 4. В родниках твоих глаз

Я застонал и разлепил, не с первого раза, смёрзшиеся на морозе веки — сколько времени я провёл без сознания? Попытка встать отдалась ноющей болью во всём теле, особенно сильной в конечностях и спине, так что я остался лежать, ожидая, когда она пройдёт. По крайней мере, теперь я не сомневался, что сломать шею в загробном мире не труднее, чем ушибить плечо, выбивая дверь. Другой вопрос, что будет потом.

Вокруг сохранялась тьма, однако я разглядел, что по оба бока от меня на несколько метров поднимаются отвесные скалы. В памяти всплыл последний момент перед тем, как земля ушла из-под ног. Похоже, я упал в узкую расщелину, до которой лавина не добралась — то ли выдохлась раньше, то ли на что-то наткнулась. Как бы там ни было, погребения под толщей снега я избежал, но и с пути при этом сбился, так что теперь предстояло искать дорогу в обход. Я не имел ни малейшего понятия, что случилось со Счетоводом, но надеялся, что и ему удалось выкарабкаться. Если встречу его снова, надо не забыть извиниться.

Пока я лежал так, у меня было достаточно времени на то, чтобы поразмышлять. С каждой минутой меня всё больше беспокоила собственная память — я до сих пор не вспомнил ни единой детали своей земной жизни. Даже лицо, увиденное мной в зеркале там, на мельнице, оставалось по большому счёту чужим. Я не помнил абсолютно ничего, связанного с ним.

И с каждой же минутой во мне росло желание разобраться в этом, узнать себя, извлечь наружу хоть что-то. Курильщик говорил, что воспоминания исчезают не полностью, какая-то часть всё равно сохраняется. Счетовод своим рассказом это подтвердил. Почему же моя память пуста, как чистый лист?

И, что не менее важно, как её восстановить? Ни один из них ни словом не обмолвился ни о чём таком. Может, нужно найти кого-то, кто подскажет? Должен же здесь быть ещё кто-то. Правда, пока что меня вела одна-единственная тропа, и не факт, что на ней мне встретится кто-то подходящий. Да и потом, на эту тропу мне бы для начала вернуться...

Когда болезненные ощущения слегка притупились и я смог более или менее твёрдо стоять, первым делом я получше осмотрел стены ущелья — гладкие, словно специально сложенные из отшлифованных до блеска камней, без единого выступа, за который можно было бы зацепиться. Забираться по ним обратно наверх — ещё раз испытывать удачу, позволившую не разбиться в лепёшку при первом падении, а значит, не остаётся ничего другого, кроме как пойти вдоль расщелины.

Чтобы определить нужное направление, я поднял глаза, силясь увидеть, без особого, впрочем, успеха, где расположена спустившая на нас лавину гора. Здесь, на зажатом между двумя утёсами пяточке, сумрак стал ещё плотнее. Не сказал бы, что это вызвало у меня приступ клаустрофобии, но дискомфорт доставило. Захотелось побыстрее выбраться на открытое место. Что ж, придётся двигаться наугад. В конце концов, обе тропы куда-нибудь рано или поздно выведут, так? Если только опять всё не начнёт меняться за моей спиной и я не заплутаю кругами, сам того не замечая.

Хм... А это, пожалуй, не лишне будет предусмотреть. Я осторожно поворачивал кистями. Убедившись, что боль достаточно утихла, я принялся стаскивать ближайšie валуны в кучу и не остановился, пока пирамида не выросла до моего плеча. Даже в темноте будет сложно пройти мимо, не обратив на неё внимание. На случай, если я заблужусь и снова вернусь

сюда, такого знака хватит, чтобы сразу это понять.

Удовлетворённый результатом своей работы, я отправился в левый рукав. Боль через какое-то время окончательно прошла, но идти проще не стало — пробираться по каменистому дну ущелья, пусть и присыпанному метелью, ежеминутно спотыкаясь и оступаясь, оказалось ненамного удобнее, чем с голыми руками лезть по гладкой отвесной стене или, например, плыть вверх по водопаду. Мне приходилось периодически останавливаться и заново осматриваться вокруг, однако никакого выхода по-прежнему не появлялось, теснина не становилась сколько-нибудь шире или уже, насколько я мог судить. Единственным, что напоминало о течении времени, был переменчивый снег — то он практически прекращался и редкие снежинки таяли, не успев опуститься мне на ладонь, то тяжёлые хлопья за секунды умудрялись завалить и без того непроходимую тропу.

Всё это продолжалось без каких-либо значимых изменений до тех пор, пока за очередным изгибом расщелины я не увидел свет. Крошечный, почти неразличимый огонёк, мерцание и подёргивание которого выдавало в нём открытое пламя, и чем ближе я подходил к нему, тем больше и ярче он делался. Спустя минут десять я вышел к границе низкого участка, как будто нарочно очищенного от скал — настолько он был ровным, не считая, конечно, сугробов. На противоположном конце полянки, под утёсом, горел жиденский костёр, а в двух шагах от него кое-как стояла туристическая палатка, явно не рассчитанная на столь суровую погоду. Подойдя, я разглядел сидящую на корточках подле костра девушку, одетую в стёганые штаны, толстый шерстяной свитер и шапку, из-под которой выбивались короткие светлые пряди. Не составляло особого труда догадаться, что она, несмотря на тёплую одежду, здорово замёрзла — вытянутые над огнём руки еле шевелились, губы посинели, а лицо, даже освещённое пламенем, заметно отливало свинцовой серостью, что придавало ей сходство с карандашным рисунком.

При моём появлении она медленно, точно через силу, повернула ко мне голову и застыла так, буравя меня взглядом.

— Эй... Привет? — Робко произнёс я, присаживаясь рядом и тоже протягивая руки к костру, скорее инстинктивно — холода я всё ещё не чувствовал, чего определённо нельзя было сказать о незнакомке. Вблизи она оказалась ещё бледнее: одревеневшее мертвенно-белое лицо и посиневшие от стужи губы делали её неотличимой от трупа. То есть, разумеется, здесь все в каком-то смысле трупы, и она наверняка в том числе, но Курильщик и Счетовод хотя бы выглядели совершенно по-обычному; она же вполне могла бы сойти за мертвеца в любом из миров, и в этом, и в том. Тем не менее, её всё равно можно было назвать красивой.

— Т-ты... — Выдохнула она, едва шевеля губами. — К-как т... Ты... Зд-дес... Здесь...

Сдавшись, она умолкла и опять уткнулась в пламя. Похоже, разговора у нас не получится. Я скосил глаза, украдкой наблюдая за ней. Она держала ладони у самого огня, чуть ли не засовывая их в угли, но, кажется, теплее им от этого не становилось. Я хотел было спросить её об этом, но вовремя осёкся, подумав, что такая тема будет однозначно не лучшей для беседы. Как, впрочем, и любая другая, учитывая то, как медленно она говорит. Я тихонько, без всякого веселья, усмехнулся: каждый мой новый знакомый оказывается всё страннее и страннее — либо мне везёт на чудаков, либо все здешние со своими странностями.

Неожиданно белолицая потянулась ко мне и неуклюже накрыла своей ладонью мою, пробуя её на ощупь. Я ощутил тепло, но это был жар поверхностный, вобранный от костра и

улетучивающийся за секунды. Её собственного тепла в нём не было ни капли. Когда она отняла руку, в ней оставался только холод, такой же, как в окружающих булыжниках или в снегу. Я заторможено потёр ладони друг о друга, пытаюсь стереть это прикосновение, не самое приятное, должен признать.

Она рывком поднялась на ноги и развернулась ко мне:

— П-пом... Пом-моги мн-не.

— Что?..

Поморщившись, она повторила, старательно выговаривая каждое слово так чётко, как могла:

— Помоги м-мне!.. Н-ну... Нужна... Помощь.

— Сделаю всё, что в моих силах, — пообещал я, не отрывая от неё глаз. — Что нужно?

Она тяжело вздохнула и, так же, спотыкаясь через слово, продолжила:

— Сог... согреться. Сама не м... не могу. Огонь н-не... помогает. Холодно.

— Ага, это я заметил. — Я указал на её негнущиеся пальцы. — Скажи, что я могу сделать.

— Л-ляг со... со мной.

— А... — Я ожидал чего-то неординарного, но от такой просьбы на пару мгновений потерял дар речи. — Не уверен, что правильно тебя понял...

— Надо п... пр... прос... Чёрт! — Она снова поморщилась, как это делают заики, отчаянно пытающиеся выговорить что-то сложное. — Надо лечь, н-ничего больше. Не пугайся.

— Ах, ты об этом... — До меня дошло, чего она хочет: попробовать отогреться теплом чужого тела, моего. Меня пробрал озноб, на запястье с новой силой заныл оставленный ею ледяной ожог. — Да, конечно, я помогу. Не вопрос.

Она слегка улыбнулась — довольно натянуто, видимо, из-за плохо слушавшихся мышц — затем развернулась к палатке и, откинув полог, исчезла внутри. Бросив полный сожаления взгляд на костёр, я последовал за ней.

Под шатром оказалось просторнее, чем я представлял, но всё равно весьма тесно — в самый раз, чтобы уместилось двое человек. В слабом отсвете горящего снаружи пламени я увидел, что в палатке пусто, не считая валяющегося на голом полу спального мешка, в который белолицая, не теряя времени, и залезла. Пока я стоял над ней, не решаясь делать что-либо, она, судя по звукам, укладывалась поудобнее. Через минуту в темноте раздался её приглушённый голос:

— Я н-не... не укушу. Давай, з-здесь места хв... хватит.

Пожав плечами, я скользнул к ней. Меня сразу же обдало её липким холодом, даже сквозь два слоя одежды — как если бы прижался к замороженной до состояния камня туше, только что вытащенной из мясницкого холодильника, или с разбегу нырнул в полынью. Помедлив, я обнял её и мягко притянул к себе, стараясь не обращать внимания на то, как против этого протестует тело и постепенно немеют конечности. Для этого, правда, пришлось зажмуриться и задержать дыхание.

Незнакомка лежала неподвижно, за исключением равномерно вздымающейся от вдохов и выдохов груди. Её лицо с заиндедевшими ресницами и трупными чёрными синяками под глазами находилось прямо перед моим — при желании я мог бы разглядеть на нём каждую морщину, чего, впрочем, мне вовсе не хотелось. Вместо этого я начал соображать, чем бы ещё ей помочь. Как-никак, я не меньше неё был заинтересован в том, чтобы мы поскорее

закончили.

Чем обычно согреваются люди? Хм... Алкоголь? Его я отмёл сразу же: если и получится достать из кармана бутылку чего-нибудь покрепче, кто знает, как выпивка подействует в загробном мире? Кроме того, я смутно припоминал, что это обыкновенный стереотип и на самом деле пьяный наоборот замерзает быстрее. Да и после случайного вызова лавины я не особо рвался экспериментировать со здешними фокусами.

Что ещё?.. Следующим на ум пришло то, как замёрзшие руки часто отогревают, подышав на них. Моё дыхание, наверное, не такое же тёплое, как у живого человека, но почему бы не попробовать? По крайней мере, оно уж точно теплее, чем у этой ледышки. Я придвинулся ближе и осторожно выдохнул. Затем, убедившись, что никакой реакции не последовало, повторил, потом ещё раз, и ещё.

Она отстранилась от меня, насколько это было возможно в тесном спальном мешке.

— Пере... перестань.

Смешавшись, я пробормотал невнятные извинения. Следующие несколько минут прошли в неловкой тишине, нарушаемой только потрескиванием костра снаружи, угасающим под аккомпанемент завывающего ветра.

Наконец девушка шевельнулась и глухо проговорила:

— Сп-пасибо, что... что попытался.

— Так значит... Не сработало? — Как будто сам этого не чувствовал.

— Тебе л-лучше уй... уйти. — Её голос дрожал. — Пож-жал... пожалуйста.

— Может, я могу ещё что-то...

— Уходи!

Стало совсем темно. Я начал выбираться из спальника, но окоченевшие руки и ноги едва слушались, и процесс затянулся. Всё это время она продолжала лежать, не двигаясь и не издавая ни звука.

Пока нас не было, костёр успел догореть, теперь на его месте вяло переливались ярко-красным угли. Я уже хотел отправляться дальше, как из палатки послышалось негромкое всхлипывание; не плач во весь голос, чтобы привлечь внимание, а тихие слёзы, от бессилия. Я замер, не понимая, уходить мне или ещё раз попробовать заговорить с ней. С одной стороны, я сделал для неё всё, что мог, или, во всяком случае, всё, о чём она просила. С другой, не бросать же её вот так в одиночестве, посреди пустынного ущелья, где, кажется, от холода даже воздух загустел? Она и уйти-то отсюда самостоятельно не сможет.

Плач не прекращался, и у меня возникло досадное ощущение, как будто я её подслушивал. Я не знал, чем ещё могу помочь. Мне хотелось остаться, но казалось, что от этого ей будет только хуже. В конце концов, она сама сказала мне уходить...

Я обошёл шатёр и направился туда, где ровная поляна заканчивалась и опять начинались нагромождения камней. Забравшись на них, я оглянулся. Палатка, еле различимая с такого расстояния, стояла там же, её постепенно заносило снегом, превращая в один из сугробов. В животе что-то противно заныло. Когда я оглянулся в следующий раз, её окончательно поглотила тьма.

Впереди дорога сквозь ущелье резко забирала выше, и через завалы булыжников приходилось карабкаться, стиснув зубы и обливаясь потом, но я и не думал передохнуть — в какой-то мере это помогало отвлечься от гложущих мыслей. В какой-то мере, но не полностью. Мучительные спазмы в желудке не останавливались, а только усиливались.

Наверное, сейчас я бы даже обрадовался, если бы наткнулся на собственноручно

сложенную горку из валунов — значит, снова набреду на её одинокий лагерь, разбитый в самом сердце этого ничто. Но, как бы я на это ни надеялся, она на моём пути так и не появилась, и не было похоже, что ещё появится.

Зато появилось кое-что иное. Подъём выходил к крошечному тупику, в одном из углов которого расположилась пещера. Поначалу я вход и не увидел, решив было, что настала пора развернуться, но затем почувствовал идущий из него сквозняк.

Передо мной опять встал выбор: вернуться обратно и исследовать второй рукав расщелины, либо сразу лезть в подземелье. Я колебался — возврат назад означал возможность снова отыскать оставленную девушку, убедиться, что она в порядке и успокоить совесть. Но этому противилось то же чувство, что заставило меня уйти от её палатки в первый раз.

Упрямо мотнув головой, я шагнул ко входу в пещеру.

Глава 5. В темноте

Спускаясь в пещеру, я особо не задумывался, насколько она глубока, или как я смогу ориентироваться в ней без освещения. В общем, ни о чём таком, о чём обязательно следует подумать перед тем, как лезть в пещеру. Всё это пришло мне в голову только тогда, когда возвращаться наружу было уже поздно — подземные ходы так плутали, что вряд ли мне удалось бы найти обратную дорогу даже при дневном свете, а уж в полной темноте так тем более. Если на поверхности сохранялись хотя бы сумерки, в которых разглядеть что-нибудь на расстоянии свыше десятка метров трудно, но возможно, то сюда и эта толика света не пробивалась, так что приходилось двигаться вперёд исключительно на ощупь. К тому же развилки встречались так часто, что в какой-то момент я снова хотел воспользоваться способностью доставать нужные вещи из кармана и попробовать добыть какой-нибудь источник света — факел или что-нибудь подобное. Я решил, что чем проще будет этот предмет, тем лучше я справлюсь и тем меньше шансов совершить ошибку, как это получилось с фонариком. Остановило меня опасение, что если уж я умудрился устроить лавину, то пожар и подавно начну, поэтому я всё же повременил и отложил такие меры на крайний случай.

В памяти по-прежнему зияла сплошная пустота на месте всего того, что касалось моей предыдущей жизни, но вряд ли в ней я был профессиональным спелеологом. А мне не помешало бы понять, что это за подземелье, куда оно может вести, какие твари в нём могут обитать — и целую кучу других вещей, полезных и не очень. Пока что я насчёт всего этого не имел ни малейшего представления и продвигался вглубь грота наугад, вслепую и в прямом, и в переносном смысле. Я тыкался в стены, обшаривая их в поисках ответвляющихся коридоров, бился о слишком высокие потолки и спотыкался о камни. И... чувствовал, как гарь, царившая на поверхности, постепенно вытесняется запахом прохладной затхлости и сырой земли. Это навело меня на мысль, что, по крайней мере, я удаляюсь от входа, а не топчусь где-то рядом с ним. Проходы то сужались, то становились шире, временами я шёл по кругу, возвращаясь туда, где уже побывал, а иногда и вовсе упирался в тупик — но всё же шёл сквозь этот лабиринт, пусть и медленно. Я даже не пытался догадаться, куда пещера меня выведет, если вообще выведет — учитывая некоторые особенности мира мёртвых и то, что я так и тыкался по углам, как незрячий котёнок, у меня были все шансы навсегда остаться здесь, среди звуков капающей с потолка воды и осыпающихся от прикосновения камней.

Кромешной тьмой мои проблемы не ограничивались — скоро я стал слышать в пещере голоса. Когда это произошло впервые, я разобрал лишь, что говоривших двое, а определить, с какой стороны они находятся или о чём говорят, не получилось из-за эха и темноты. Замерев, я напряжённо вслушивался в неясное бормотание до тех пор, пока оно не замолкло, так же внезапно, как началось — не удалившись, а просто замолчав. Подождав на всякий случай ещё немного, я продолжил путь. В дальнейшем я ещё не раз сталкивался с чем-то подобным, и в большинстве случаев это был точно такой же невнятный шёпот, но иногда прямо у меня над ухом раздавался настоящий хор, заставляя вжиматься от испуга в стену. И даже тогда мне не удавалось вычленить из звучащего шума ни слова, как будто они говорили на другом языке или задом наперёд. Иногда голоса были спокойны, а иногда срывались на бессвязные, судя по интонации, крики, которые казались всё менее человеческими. Один раз

я попробовал окликнуть их, но меня словно и не услышали. Этим они напомнили мне встреченные при подъёме в гору фантомы — те тоже вроде как давали о себе знать, но сами на меня не обращали никакого внимания.

Между тем сквозняк, благодаря которому я смог сюда попасть, уже давно не чувствовался, и я понял, что не только порядочно удалился от входа, но и к выходу не приблизился. Я мысленно черкнул заметку — ветерок будет значить, что я на правильном пути и выход из пещеры рядом. В тот момент мне подумалось, что при взгляде со стороны я, наверное, представляю забавную картину. Иду, сам не зная, куда, и не помня, кто я такой. Неужели это и есть путь, проделанный всеми теми людьми, о которых говорил Курильщик? Едва ли... Если только каждый из них не устраивал лавину и не сбивался, подобно мне, с изначального маршрута. Теперь я не знал, куда попаду, добравшись до конца пещеры. Не то чтобы раньше мне это было известно, но всё равно всегда лучше придерживаться уже принятого плана, чем действовать наугад.

Эти мысли подтолкнули меня к ещё одной — о том, что в поисках ответов о своей прошлой жизни нет особого смысла. Она в прошлом и осталась, а сейчас я, можно сказать, другой человек и начал всё заново. И всё же я не мог просто оставить это. Меня подсознательно тянуло выяснить всё, до последней детали. Так бывает с тем, что тебе, на первый взгляд, не нужно. Закрытая книга в шкафу, которую ты можешь прочитать. Запертая дверь, ключ от которой тебе дали, но пользоваться им запретили.

Наткнувшись на очередной тупик, я отвлёкся и принялся шарить руками по стене, ища ведущий дальше коридор. И ничего не обнаружил. Нахмурившись, я начал заново обходить всё помещение по кругу. Прохода по-прежнему не появилось, но на этот раз пальцы что-то нащупали. В одном месте, на высоте примерно полутора метров, из-за чего я их и не заметил сразу, неровности и трещины в породе становились плотнее и складывались не то в рисунок, не то в надпись. Осталось только сообразить, как прочитать её без света.

Я прикоснулся к узору, пытаясь на ощупь понять, что он изображает, но удалось разобрать лишь то, что он разделён на две части — ряды мелких символов в верхней половине, судя по всему, буквы, и неровная вертикальная линия под ними. Значки оказались слишком маленькими, чтобы прочесть, поэтому я сосредоточился на черте. Что это? Дерево? Под пальцы попали ещё две линии поменьше, ответвляющиеся снизу от основной. Может быть, корни. Или ноги, если это человек. Но и у человека, и у дерева должно быть что-нибудь ещё — руки или ветки. Здесь же больше ничего не было, весь контур состоял из трёх штрихов, как какой-нибудь примитивный наскальный рисунок. И потом, если бы маленькие линии изображали ноги или корни, они были бы направлены вниз. Они же шли вверх, как бы вдоль главной линии, под углом к ней.

И тут меня осенило. Это была стрелка, и указывала она в сторону пола. Теперь, всё ещё не видя расположенных над ней символов, я в целом догадался, что они означают. Я присел и провёл ладошкой по низу стены. Догадка подтвердилась: там зияла дыра, по ощущениям, достаточно широкая, чтобы в неё пролезть. И не то чтобы мне очень хотелось ползать на четвереньках по грязи в темноте — но особо выбирать не приходилось. Вздыхнув, я опустил на четвереньки, втиснулся в отверстие и пополз вперёд.

Лаз действительно оказался весьма просторным, но периодически сужался настолько, что я задевал стенки локтями. Ладно, хотя бы не застревал в нём, и то хорошо. В остальном же ничего вроде бы и не поменялось — та же темнота вокруг, сверху по-прежнему мерно падали капли. Разве что...

Едва я подумал, что уже давно не было слышно голосов, как они снова, заставив вздрогнуть, завыли прямо позади меня. То ли от испуга, то ли от неожиданности я машинально ускорился, стараясь оторваться от них, но голоса всё равно с каждой секундой становились всё ближе. Как я ни выбивался из сил, задыхаясь и в кровь стирая колени, незримая толпа поравнялась со мной и... И всё закончилось. Невидимки, не прекращая браниться, опередили меня, вихрем взметнули пыль и через несколько мгновений затихли. Тяжело отдуваясь, я вытер выступивший на лбу пот рукавом, но понял, что только размазываю по лицу грязь, и пополз дальше.

То, что я, наконец, выбрался, я определил по звуку — эхо усилилось, да и дышать стало как-то свободнее. Убедившись, что лаз раздался в стороны и больше нет нужды ползти, я поднялся в полный рост. Пошарив по стенам, я заметил, что такого же запутанного лабиринта, какой был раньше, тут нет. Сравнительно прямой коридор вёл в одном направлении, никуда не сворачивая и не раздваиваясь. Мало того, сама пещера понемногу расширялась, превращаясь из крошечного грота в настоящий тоннель, с высокими потолками и полом, выложенным плитами.

Под ногами вскоре тоже что-то появилось — нечто вроде рельс, тянувшихся сквозь весь коридор. Я не заметил, когда они начались, и не стал возвращаться, чтобы это выяснить. Чтобы не спотыкаться об них, я двигался вдоль стенки, лишь время от времени проверяя, не исчезли ли они.

Загробный мир, похоже, состоял из огромных пространств, на которых изредка встречались люди-мертвецы и по которым можно было бы бродить в одиночестве до тех самых пор, пока не доберёшься, куда нужно. Так, наверное, случилось бы и сейчас, если бы дорогу мне не перегородило... что-то. Трудно сказать, что именно перед тобой, когда ты этого не видишь. Впрочем, я и без того понял, что преградившая путь штука, большая и на ощупь металлическая, перекрывает практически весь тоннель; по бокам оставалось немного места, где можно было протиснуться, но чуть дальше и эти лазейки заканчивались грудями искорёженного мусора.

Я заново обследовал гладкую поверхность препятствия, надеясь найти что-нибудь, что помогло бы пройти, и на этот раз поиски увенчались успехом. Сбоку, там, где оставался узкий просвет, обнаружилась дверь, ведущая внутрь машины. Она располагалась на уровне моего роста, но её смяло, очевидно, тем же, что превратило в металлолом сам поезд — последние сомнения в том, что это он, развеялись, когда внизу я нащупал разнесённые попарно колёса.

У меня без особых усилий получилось сместить повреждённую дверь в сторону и забраться в вагон. Попал я, судя по размещённой в лицевой части панели управления, в кабину машиниста, но отделявшая её от пассажирского салона стенка отсутствовала. Я, переступив через кучу обломков и вытянув перед собой руки, аккуратно двинулся вперёд; отыскал поручни, сохранившиеся почти полностью, и шёл, держась за них — всё остальное находилось в плачевном состоянии, я знал это, даже не видя ни зги. В воздухе висел удушающий запах пыли, а под ноги то и дело подворачивался разный хлам.

По поручням я добрёл до хвоста вагона, где должен был быть выход, но, прежде чем я начал поиски, включилось освещение. Половина ламп оказались разбиты или попросту не работали, но исправных хватило, чтобы разглядеть обстановку, пусть они и мигали вразнобой, как праздничные гирлянды. Развороченные сиденья, вдребезги расколоченные окна, дыры тут и там — всё это я успел заметить за пару секунд, пока моё внимание не

привлѣк мужской силуэт, метнувшийся от панели управления на другом конце салона наружу. В тот же момент меня резко дёрнуло назад, где-то подо мной загудел двигатель, а из тоннеля раздался скрежет осыпающихся завалов. Освобождаясь от них, поезд двинулся, набирая скорость, в том направлении, откуда я пришёл.

Пытаясь встать, я лихорадочно соображал, что делать — до того участка, где рельсы обрываются, разгоняющийся вагон доедет в лучшем случае за несколько минут, и тогда от него останется ещё меньше, чем сейчас, а от меня и подавно. Выпрыгнуть через ту же дверь не было никакого шанса, я не сомневался, что меня сразу размажет между стеной и поездом, как между жерновами. Тот парень, который это подстроил, может, и уцелел, спрятавшись в какой-нибудь нише, но теперь, на полном ходу, ни о чём подобном и речи быть не могло.

Я оглянулся. В хвосте маячила ещё одна дверь, за которой, на мою удачу, состав и заканчивался. Шатаясь и цепляясь за спинки кресел для удержания равновесия, я кинулся к ней. Подёргав ручку, выругался сквозь зубы — заперто. Я схватил обломок поручня, звонко катающийся по полу, и принялся бить острым концом по замку, окружая его глубокими вмятинами. Затем, отбросив дубину, упёрся руками в ближайшие сиденья и начал молотить по проделанным пробоинам ногой. Удар, второй, третий... Не поддаётся. Выдохнув, я заколотил с удвоенной силой. Кем бы ни был тот умник, запустивший поезд, лучше ему больше не попадаться мне, иначе... Не выдержав очередного пинка, дверь с хлопком распахнулась наружу, после чего сорвалась с петель и со свистом улетела во тьму. Вскочив, я сиганул за ней.

Несмотря на то, что перед прыжком я сгруппировался, по инерции меня протащило по земле ещё метров пять, а то и все десять. Я сел, чувствуя, как все кости в теле протестуют против малейшего шевеления. И почему со мной постоянно это происходит?..

В той стороне, куда уехал вагон, мелькал удаляющийся свет, но до того, как он пропал из виду, поезд всё же достиг обрыва путей — послышался грохот, огни закувыркались, отражаясь от сводов тоннеля, и окончательно погасли. Я опять остался в темноте.

Бормоча проклятия, я осторожно встал и захромал обратно, гадая, куда же меня выведет эта колея.

Глава 6. Смотритель станции

Долгожданный сквозняк дал о себе знать примерно через две-три тысячи шагов после того места, где я наткнулся на вагон. Лёгкий и едва ощутимый поначалу ветерок быстро превратился в мощный поток воздуха, чуть ли не сбивающий с ног, указав, что выход где-то неподалёку и я к нему приближаюсь. Ещё через какое-то время впереди забрезжил свет. Воодушевлённый этим, я ускорился, насколько мог — идти в полную силу после падения пока не получалось.

По мере того, как я подходил ближе, яркое пятно в конце тоннеля становилось всё больше. Вскоре оно приобрело очертания арки, ведущей... Вообще, я не особо задумывался, куда именно я выберусь, важнее было, *откуда*. Я, конечно, с самого пробуждения так или иначе оставался в темноте и уже привык к ней, но то была темнота частичная, сумеречная. Сейчас же, с момента спуска в пещеру, меня окружала сплошная тьма, не считая пары минут в поезде-ловушке. Мало того, что передвижение вслепую не прибавляло прыти, тем более в том состоянии, в котором я находился после спасительного прыжка, так ещё и где-то рядом по-прежнему мог быть тот парень, которого я видел, и, судя по тому, что он сделал, вряд ли он искал повода со мной подружиться.

Достигнув арки и выйдя из тоннеля, я сразу понял, куда попал: рельсы, тянущиеся дальше и исчезающие под другим таким же сводом, возвышающаяся сбоку от них платформа и идущий откуда-то сверху свет, тусклый, но достаточный, чтобы всё как следует разглядеть. Я определённо попал на станцию метро, или, по крайней мере, в место, которое казалось ею, за исключением того, что я бы не взялся объяснить, что метро делает в глубине пещеры, уходящей в недра горы. Впрочем, я уже не раз успел убедиться, что здесь, по эту сторону, пространство было лишь условностью, которой можно и пренебречь. Так что мне оставалось просто принять тот факт, что я, поднявшись на гору, а потом пройдя сквозь неё, очутился в подземке; попробуй я теперь развернуться и пойти обратно той же дорогой, вместо равнинного поля угодил бы на берег какого-нибудь озера, а то и в центр мегаполиса.

После продолжительного времени, проведённого в темноте, всё выглядело болезненно резким, как если бы я надел чужие очки. В глаза бросалась каждая мелочь. Я стоял на путях, по которым, похоже, поезда не ездили уже много лет — рельсы где-то заросли густым мхом, а где-то ржавчиной, да и погнуло их изрядно.

Не в лучшем состоянии находилось и всё остальное. Всюду лежали осколки стекла и керамической плитки, куски обвалившейся со стен штукатурки, какие-то металлические детали и прочий мусор, давно покрывшийся не первым и не вторым слоем пыли; из поддерживавших монументальный когда-то потолок колонн сохранилась максимум половина, да и тем, кажется, недолго уже оставалось. Сплошная разруха, на каждом шагу.

Я огляделся в поисках чего-нибудь, что помогло бы забраться на платформу: лестницы или хотя бы достаточно большой груды обломков. И, как назло, ни того, ни другого. Вздохнув, я упёр ступню в одну из множества щелей в стене, затем подпрыгнул и зацепился руками за край платформы — кости по всему телу тотчас заныли с прежней силой. Я напрягся, стараясь не обращать на это внимания, но, оказавшись наверху, всё равно распластался по полу. Потом, отдышавшись немного, сел и снова окинул станцию взглядом, с новой точки обзора. Ничего принципиально нового отсюда я не увидел: те же разрушения и та же грязь, торчащая повсюду арматура и целые клубки толстенных электрических

кабелей. Единственное, пожалуй, чего я не заметил снизу, это скамейки, расставленные по всей платформе, да заваленный камнями лестничный пролёт метрах в ста от меня. Иными словами, это место, заброшенное и ветхое, не особенно-то и отличалось от всех остальных, где мне посчастливилось побывать. Обстановка другая, суть та же самая.

Ладно, выбрался на свет — и то хорошо. Я задрал голову и, прищурившись, посмотрел наверх. Странно, но я не увидел никаких ламп или фонарей ни под потолком, ни на стенах. Свет просто... был. Как будто он шёл из самого воздуха. Я пожал плечами — меня это в любом случае устраивало.

Я поднялся на ноги и направился к противоположной стороне платформы, туда, где проходили вторые пути. Всё то же — настоящие руины, покрытые трещинами и пылью. Если на равнине некуда было деться от запаха дыма, а в пещере от темноты и подземной сырости, то тут безраздельно царствовала пыль. И она летала буквально везде, проникая в самые укромные уголки, набиваясь в нос, рот и глаза и оседая на одежде.

По станции, до того погруженной в звенящую тишину, разнёсся отдалённый удар, заставивший меня встрепенуться. Вслед за первым раздались и другие, глухие и равномерные, словно стук молотка, причём они приближались ко мне со стороны заблокированной лестницы. Я шагнул к ней, но затем, подумав, всё же остался ждать там, где стоял. Если там что-то опасное, пусть лучше нас разделяет расстояние побольше.

Вскоре из-за колонн появился человек. Издали трудно было его нормально разглядеть, но передвигался он, опираясь на трость, стук которой я и слышал. Он неторопливо шёл ко мне, и чем ближе подходил, тем яснее становилось, что тростью он пользуется не для красоты: всё его тело было настолько перекручено, что в нём едва угадывалось что-то людское. Неестественно изогнутые ноги, туловище, вывернутое боком вперёд, приплюснутая голова с перекошенным лицом, прижатая подбородком к груди — всё это делало его похожим больше на какого-нибудь кино-монстра, чем на меня или кого-то ещё. Честно сказать, меня удивило то, что он вообще способен ходить.

Однако он определённо был человеком. Безобразным до ужаса, но всё же человеком. Чем-то он напоминал одну из вырезанных мною на мельнице фигурок — такой же угловатый и бесформенный.

Ещё страннее выглядела его улыбка. В ней не было ничего подозрительного или угрожающего, просто слишком уж необычно она смотрелась на фоне такого уродства. То же самое я мог сказать про его голос.

— Ну, — весело проговорил он, смерив меня взглядом. — Билет, пожалуйста.

— Что... Какой ещё билет?

— Ладно, забудь. — Он удивлённо покачал головой, что выглядело так, будто марионетку дёрнули за все нити сразу. — Да уж... Уже и пошутить нельзя.

Он, всё так же опираясь на трость, обошёл вокруг, осматривая меня с ног до макушки, затем снова остановился напротив.

— Так ты, приятель, оттуда? — Спросил он, ткнув тростью в сторону ближайшего тоннеля.

— Да... Точнее, оттуда. — Я указал на противоположные пути. — Я... Я бы представился, но, по правде сказать, без малейшего понятия, как меня зовут.

— Это всё равно не имеет значения. Имена, названия... Важнее то, кто ты самом деле. Суть, если понимаешь, о чём я.

— Понимаю... Кажется.

— Я вот, например, смотритель этой станции. А ты... — Он вопросительно уставился на меня.

— А я... Я не знаю, кто я, — внезапно признался я. — В этом-то и проблема.

— Проблема? — Переспросил он.

— Я ничего не помню о том, кем я был раньше. Ничего, абсолютно. И... И я иду вперёд и надеюсь, что найду хоть какие-то ответы. Надеюсь, что как-то смогу вспомнить. — Я только сейчас осознал, насколько глупо это звучит со стороны. — Иду, и не знаю даже, куда. Знаю, звучит по-дурацки.

— Ничуть. По большому счёту, никто не знает, куда идёт. И для кого-то при этом главная ценность — сама дорога, а не то, куда она приводит. — Выдержав драматическую паузу, он хмыкнул. — Но я всё равно имел в виду не то, кем ты был раньше, при жизни, а то, кто ты сейчас. Для чего ты здесь.

Он деловито огляделся вокруг, постукивая палкой по полу.

— Слушай... Тут — в нашем мире, я имею в виду — бывает иногда такое, что местность за спиной как бы меняется, и там, где ты только что прошёл, возникает что-то другое. Да ты и сам, должно быть, уже в курсе. — Дождавшись моего кивка, он продолжил. — Ага, так вот... Когда будешь отправляться дальше, выбирай любой из тоннелей, хоть тот же, откуда пришёл. Никакой разницы не будет.

Я посмотрел в чернеющий перед нами тоннель и мысленно содрогнулся.

— А может, где-то есть нормальный выход на поверхность? Не хотелось бы опять... Ну, лазить в темноте.

— Нет, друг, все выходы со станции закрыты, пройти нигде нельзя. — Он дал мне знак следовать за ним, и поковылял по платформе. — Во всяком случае, нигде из тех мест, до которых могу добраться я. Тебе-то, сам понимаешь, отыскать лазейку будет полегче.

Он вышагивал достаточно резво, настолько, что я еле за ним поспевал. Похоже, его первоначальная неспешность была именно неспешностью, а не медлительностью. Убедившись, что я не отстаю, он махнул рукой в сторону заваленной лестницы, мимо которой мы как раз прошли:

— Все выходы в таком состоянии. Не то что человек, мышь не пролезет. Но если надо, то проверь, конечно, а я помогу, чем смогу. И да, — добавил он, поколебавшись, — если появится мысль остаться тут на какое-то время, я возражать не стану. А то мне, по правде говоря, скучно бывает, так что... Погоди-ка минуточку.

Он прислонил трость к колонне и, подволакивая ногу, приблизился к краю платформы. Не успел я опомниться и спросить, не нужна ли помощь, как он спрыгнул вниз, и сделал это с ловкостью, какую тяжело ожидать от кого-то с его комплекцией. Впрочем, ещё сильнее удивляло то, как проворно он, поправив связку проводов на путях, забрался обратно — гораздо быстрее, чем недавно это же проделал я.

— Так... — Вытерев пот со лба, он подобрал свою палку и как ни в чём не бывало захромал дальше. — На чём мы остановились?

Мы вышли к укрытому тканевым навесом небольшому участку, очищенному от грязи и мусора. Вплотную к перегородке расположился собранный из матраса и тряпок лежак, рядом с ним вместо стола и стула красовались два ящика, а ещё чуть поодаль друг на друга громоздились замотанные клейкой лентой картонные коробки. Кроме них по всему полу валялось столько всякой мелочи, что глаза разбегались.

Мой спутник, зайдя под тент, жестом пригласил и меня.

— Вот тут я живу, — сообщил он мне. — Не дворец, конечно, но меня устраивает. Да и трудновато на заброшенной станции что-то попримечательнее раздобыть. От пыли худо-бедно защищает, и то хорошо... В общем, меня устраивает, да.

Я молча смотрел на его пожитки. Судя по ним, на этой платформе он провел гораздо больше времени, чем я в загробном мире в целом.

— Так ты говоришь, — спросил я озадаченно, — ты смотритель? Смотритель станции? По ней что же, поезда ходят?

— Нет-нет, ты что! Поезда, по этим рельсам? Не смеши меня. По ним пешком-то не всегда пройдёшь, какой там поезд. — Он пнул подвернувшийся под ногу камушек.

— Чем тогда ты здесь занимаешься?

— Тем, что слежу за порядком. Кабель там заменить или что-нибудь с путей убрать. Работа и сама по себе нудная, так ведь ещё и станция нерабочая — так какой в этом вообще смысл?

— Не большой, чем в том, что ты до сих пор это не бросил. Ты же сам рассказывал про тоннели и про то, что они могут вывести, куда захочешь.

Он замер на миг, затем вздохнул и присел на один из ящиков.

— Так-то оно так. Я бы и рад уйти, да только... не могу.

— Почему?

— Просто не могу. Считаю, это моё наказание.

После этой фразы он помрачнел, и как бы я ни пытался выяснить, что он имел в виду, больше ничего добиться не получилось. Тогда я решил сменить тему.

— Слушай... Я бы хотел узнать кое-что ещё. Насчёт тоннелей, про которые ты говорил.

— Что именно? — Отозвался он.

— То, как местность меняется прямо у меня за спиной... Как это устроено?

— Ах, это... — Он пожал плечами. — Не знаю. Да и никто, наверное, не знает, она просто так... работает. Какую бы дорогу ты ни выбрал, всё равно придёшь туда, куда положено.

— Но это же звучит, как будто от меня ничего не зависит! Как будто кто-то другой мной управляет.

— Ну, можно и так сказать. Я в этом не вижу ничего неправильного.

Я задумался. Что-то в его толковании не давало мне покоя.

— А что, если эту предопределённость попробовать сломать?

— Сломать? Как?

— Ну... Например, если я вообще никуда не пойду и останусь здесь, как ты предлагал, то никуда и не попаду, правильно?

— Это будет значит, что ты сюда и направлялся. Да и потом, вряд ли ты останешься навсегда, — возразил он. — Рано или поздно ты продолжишь путь. Смотри.

Он поднял из-под ног какую-то железку и вытянул её перед собой, затем, убедившись, что я внимательно наблюдаю, разжал узловатые пальцы, и та с лязгом упала обратно.

— Видишь? — Он нагнулся и снова подобрал её, а потом, размахнувшись, зашвырнул подальше. — Как бы я её ни кидал, она в итоге всё равно упадёт вниз, отличаться будет только траектория. Если я стану держать её в руке, рано или поздно я устану или умру, и тогда она окажется на земле. Спрячу в шкаф — дерево сгниёт, и опять тот же результат. То же самое и с людьми, конец всегда один и тот же.

Я ничего не ответил — на то, чтобы перевернуть сказанное, требовалось время.

Интересная точка зрения, но... Но что-то меня в ней смущало. Мне было неприятно думать, что от меня ничего не зависит, тем более, здесь.

Смотритель, не дождавшись, когда я соберусь с мыслями, добавил:

— Надеюсь, я удовлетворил твоё любопытство.

— Да... Вполне.

— И что-то не похоже, что тебе это понравилось, — заметил он, взглянув на меня.

— Не в том дело, просто... — Я нахмурился, подбирая подходящие слова. — Да нет, всё в порядке.

— Вот и здорово. Ну так... Что скажешь? По поводу того, чтобы остаться тут.

Я ещё раз обвёл глазами станцию, вид которой, сдобренный всеми этими развалинами и мигающим светом, даже немного завораживал. В ней было что-то притягивающее.

— А знаешь... Почему бы и нет? Всё-таки один раз живём, так?

— Именно, — рассмеялся он, вставая. — Тогда, пожалуй, для начала надо всё здесь тебе показать. Пойдём, проведу небольшую экскурсию.

По-прежнему хромя, он направился к дальнему концу платформы.

Глава 7. Прибытие поезда

Когда ты день за днём занимаешься одной и той же рутинной, монотонной и нудной до такой степени, что она превращается в чисто механическую привычку, важно вовремя прерваться и отдохнуть. И, несмотря на всё происходившее со мной, путешествие по загробному миру как нельзя лучше подходило под это описание, так что я ни капли не жалел о том, что поставил его на паузу. Наконец, впервые с момента пробуждения, я никуда не спешил очертя голову, да и станция по сравнению с заснеженным горным склоном или пещерой, погруженной в непроглядную тьму, казалась довольно приятным местом, пусть и со своими недостатками. За срок, проведённый на ней, мы со Смотрителем даже успели подружиться — такого я до сих пор не мог сказать ни о ком из встреченных здесь, ни о Курильщике, ни о Счетоводе, ни тем более о белолицей девушке, которая никак не покидала мои мысли.

Проблемы на станции как будто появлялись сами собой, поломки возникали там, где только что их ещё не было. Мы коротали время за раскопкой завалов, починкой кабелей и другой работой, а когда работы не было, играли вытесанными из камней фигурками в шахматы или попросту разговаривали. От Смотрителя я узнал о многом из того, что касалось устройства этого мира, всё ещё нового и незнакомого для меня. Например, он избавил меня от беспокойства по поводу преследующих меня фантомов, объяснив, что они представляют собой нечто вроде призраков, иногда попадающихся на глаза кому-нибудь из мертвецов. Правда, при этом он доказывал, что они, будучи бестелесными, способны разве что напугать, а в остальном абсолютно безобидны. А значит тот, кто запустил поезд, в котором я находился, всё же был чем-то иным.

— Ты их видишь, — говорил он, пока мы вытаскивали из тоннеля очередную порцию обломков и выгружали их на платформу, — потому что всё глубже увязаешь в нашем мире, становишься его частью. Не пойми меня неправильно, ты и так его часть, с той самой секунды, как умер, но на первых порах тебя ещё что-то связывает с живыми. Так сказать, отголоски жизни, что постепенно затухают.

— Как остаточная активность, — пробормотал я, с напряжением поднимая искорёженную железку и подавая ему, стоящему наверху.

— Что?

— Остаточная активность. — Повторил я. — Есть такие исследования... О том, что происходит с человеческим мозгом после смерти. И они выяснили, что в нём какое-то время сохраняются электрические импульсы или вроде того... В общем, как будто ты продолжаешь жить по инерции, хотя ни сердце, ни сам мозг уже не работают.

— Да, — согласился он, — звучит очень похоже на то, о чём я говорил. Но чем больше времени прошло с твоей смерти, тем прочнее ты становишься частью мира мёртвых, тебя засасывает всё глубже. Ты как бы превращаешься не просто в мертвеца, попавшего в загробный мир, а в одну из крупинок, его составляющих.

— И что случится, когда я... Окончательно ею стану?

— По большому счёту ничего. Останешься тем же самым, поменяются только некоторые мелочи, вроде этих самых призраков. Будешь видеть их постоянно.

— Я не стану одним из них? Откуда тогда они берутся?

— Нет, не станешь. Никто не знает, кто они такие, — он грустно покачал головой,

спрыгивая вниз. — Они вроде бы люди, но словно находятся в ином измерении, и по-настоящему мы их не видим, только их... эхо.

— А может, они такие же мертвецы, как и мы, но из другого места? Например, умершие ещё раз, уже тут?

Он замер.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю... Просто я думал, что будет с тем, кто умрёт еще раз, уже в этом мире.

— Понимаю. Но, если честно, насчёт этого я предпочитаю даже не делать никаких предположений.

Говорили мы и про хлопки, вызывающие гром. Смотритель рассказал, что эта сила может навредить, если не научиться пользоваться ей правильно — в чём я и сам уже убедился. Вот только как научиться, когда нет учителей? Он сам, по его собственным словам, вполне обходился без умения достать из кармана нужную вещь в нужный момент, да и вообще ему больше нравилось работать руками, поэтому помочь ничем не мог. Кроме того, он уверял меня, что такие способности проявлялись лишь у новичков, совсем недавно пересёкших границу двух миров, и с течением времени возможность творить подобные чудеса ослабнет, а потом и вовсе сойдёт на нет.

Увы, мне ничего не удалось вытянуть из него о том, за что его наказали ссылкой сюда или, что казалось мне гораздо важнее, кто это сделал: стоило мне заикнуться об этом, как он становился мрачнее тучи, и в конце концов все попытки я прекратил. Это поселило во мне сомнения касательно того, нет ли в загробном мире кого-то более могущественного, чем мы, обычные мертвецы. И довольно скоро эти сомнения получили серьёзную подпитку, пусть и не совсем так, как я предполагал.

Не меньший интерес вызывала и его внешность, специфическая, мягко говоря, однако подобный вопрос я и вовсе ни разу не поднимал.

У меня ушло немало времени на то, чтобы изучить всю станцию, и она оказалась значительно больше, чем мне представлялось поначалу: платформа простиралась метров на четыреста от нашего импровизированного лагеря, плюс столько же до противоположного края. За ближайшей к нему лестницей, заваленной камнями, расположились ещё две — одна ничуть не в лучшем состоянии, зато вторая была свободна и вела к длинному извилистому коридору, который, правда, заканчивался точно такой же грудой обломков. Немного не доходя до тупика, я обнаружил вход в помещение, судя по всему, зала наблюдения. Ряды растерзанных и пропитавшихся пылью кресел, разбитые мониторы перед ними и пульт управления в центре комнаты — нерабочий, как, наверное, любые здешние приборы. Буквально от каждого из этих предметов веяло не меньшей заброшенностью, чем от самой станции, и, скорее всего, при желании из них можно было бы узнать немало нового, но всё же моё внимание привлекло кое-что иное.

В углу, под потолком, красовалась квадратная решётка вентиляции. Я уже видел такие на платформе, но там они располагались чересчур высоко, чтобы до них добраться, до этой же я легко дотянулся, встав на спинку кресла. Впрочем, из затеи всё равно ничего не получилось. Труба оказалась слишком узкой для меня, так что после нескольких неудачных попыток от этой идеи я отказался, хотя впоследствии и возвращался туда ещё пару раз, а однажды даже захватил с собой Смотрителя в надежде на то, что он что-нибудь подскажет. Когда же окончательно стало ясно, что рассчитывать не на что, я почти всерьёз принялся подумывать, нельзя ли обойти завал, пробившись через стену.

Был и другой маршрут в обход заблокированных лестниц — на пяточке неподалёку от лагеря Смотрителя расположился лифт. Сломанный, само собой, и выглядящий настолько хлипким, что я и подойти к нему не решался, не то что залезть внутрь. Встроенная в колонну шахта шла сквозь потолок и вела прямым ходом на верхний этаж, но забираться в неё, рискуя остаться погребённым под грудой камней и мусора, не очень-то хотелось, и этот вариант тоже пришлось отместить.

Чем сильнее я углублялся в проблему, тем чаще мне казалось, что никакого иного способа покинуть станцию, кроме как через тоннели, действительно нет. В одном из них я нашёл дверь, судя по выцветшей табличке, ведущую в технические помещения, но и её открыть не удалось. Наглухо запертая, она выглядела так, будто с момента закрытия успела врасти в стену — да она даже мхом покрылась от старости и сырости! О том, чтобы попробовать вскрыть её без инструментов, не было и речи. В общем, так или иначе получалось, что Смотритель не ошибался насчёт выхода на поверхность.

Как-то раз в том самом коридоре с залом наблюдения в верхней части станции мы наткнулись на очередной повреждённый участок проводки, и пока Смотритель возился с ней, заменяя оплётку, я скучал в сторонке, односложно отвечая, когда он что-то спрашивал, и мысленно изобретая новые маршруты наружу. Машинально я достал из кармана найденный ещё на склоне горы компас и теперь стоял, отстранённо крутя его в руках.

— Тут, кажется, всё готово, можем идти, — проговорил он, поворачиваясь и вытирая ладони друг о друга, потом скользнул глазами по вещице, которую я держал. — Что это там у тебя?

— Что?.. — Отозвался я, по-прежнему витая в облаках. — А, это. Да так, ерунда. Нашёл когда... В общем, нашёл случайно.

— На вид как компас. Исправный?

— Не сказал бы.

— Дай-ка взглянуть.

Я протянул компас ему. Он откинул крышку и несколько секунд следил за стрелкой, больше похожей на флюгер на крыше дома в ветреный день, чем на то, чем ей полагалось быть, затем вернул прибор мне:

— Бесплезная штука.

— Ну, может, кто-нибудь поймёт, что с ним не так.

— Например, то, что у нас здесь нет магнитных полюсов, по которым обычно ориентируется стрелка?

— А. — Я застыл, смотря на шероховатую поверхность коробочки у себя в руке. Странно, что сам не догадался. — Вот ты о чём.

— Ага. Я ведь говорил, всё вокруг изменяется. Там, где вчера был север, завтра будет... Будет что-то другое.

Я стоял, вертя коробочку в пальцах.

— Так что, думаешь, стоит выбросить его?

— Да нет же, зачем? Оставь, вдруг пригодится. Спину же не тянет. И я...

Его прервал внезапный звук удара, сотрясший стены; замигали невидимые лампы, сверху, из трещины у нас над головами, посыпалась каменная крошка.

— Это что за... — Начал было я, но замолк, едва Смотритель вскинул руку, напряжённо к чему-то прислушиваясь. И мне потребовалась всего пара секунд, чтобы сообразить, к чему именно: через толщу бетонных блоков и металлической обшивки до нас доносился

характерный нарастающий гул, какой бывает от проезжающего поезда метро. По коже у меня побежали мурашки.

Чуть не падая с ног, мы бросились обратно на станцию, и Смотритель при этом почти не отставал от меня. Мы кубарем скатились по лестнице на платформу, где не было, конечно же, никакого поезда — лишь мусор и всё те же ржавые рельсы, по которым ничего не ездило, наверное, с самого сотворения этого мира.

Смотритель с шумным вздохом опустился на ступеньку, и теперь уже я шикнул на него, продолжая вслушиваться. Вскоре гудение возобновилось, но сейчас оно постепенно затихало, словно состав отдалялся; с потолка снова посыпался мусор. Я поднял глаза туда, наверх, затем перевёл взгляд на Смотрителя.

— Ты же говорил, что поезда здесь не ходят.

— Ну, — он пожал плечами, — они и не ходят. По крайней мере, не ходили до твоего появления. Раньше такого точно не случалось.

— Ладно. — Я нахмурился. — Интересно, кто там...

— Люди, — абсолютно спокойно ответил он. — Сами по себе поезда даже в нашем мире не ездят.

— Вот только что это за люди. — Я нервно забарабанил пальцами по перилам, размышляя. — Так... Если туда приезжают поезда, значит, верхняя станция в состоянии получше. Может, там даже найдётся прямой выход наружу. Как бы туда попасть... Всё перекрыто, намертво. Разве что кроме...

Я соскочил на платформу и зашагал мимо колонн, увлекая за собой Смотрителя, пока мы не достигли лифта, по-прежнему вздёгнутого на тросах, как висельник на суку — если и был шанс пробраться наверх прямо сейчас, то только через него, точнее, через шахту. Осталось решить, как пролезть по ней и не оказаться раздавленным в лепёшку: я не сомневался, что от малейшего прикосновения вся конструкция рухнет, не преминув погрести под собой и меня, так что этот метод даже в нынешних условиях казался не лучшим вариантом. С другой стороны, и медлить не стоило. Если поезд ещё не уехал, надолго задерживаться он всё равно не станет.

— Ты что, всерьёз собираешься *туда*? — Смотритель перебил мои лихорадочные мысли, беззаботно выйдя вперёд, так близко к куче металлолома, над которой покачивался лифт-маятник, что от взгляда на него невольно закружилась голова. — Не то чтобы я тебя отговаривал, но... Зачем всё усложнять?

— Усложнять? — Растерянно переспросил я.

— Ты ведь можешь просто воспользоваться тоннелями, раз созрел идти дальше, не забыл? Зачем так рисковать, ища другой путь?

— Есть одна причина, — вздохнул я. — И она стоит того, чтобы рискнуть.

— То есть?

— Вряд ли сейчас подходящий... — Хотя, осёкся я, с чего бы вдруг момент был неподходящим? Если я опоздаю и наверху уже никого не застану, ничего не случится, разберусь сам. Да и потом, у них и без того уже было полно времени, чтобы сделать ноги. — Ладно, попробую объяснить. Ты находишься здесь, по эту сторону, гораздо дальше меня и, наверное, гораздо лучше знаешь, что и как устроено. Но то, что все дороги приведут меня к чему-то одному, просто... я просто в это не верю. Не так давно мне казалось, что после смерти я стал свободнее, что рамки, которые меня ограничивали раньше, пропали.

— А получается, — подытожил Смотритель, — что ты по-прежнему связан, так же, как

и при жизни, а то и сильнее. Да?

— Именно.

— И это, — продолжил он развивать мысль, — твой способ доказать, что я не прав.

— Нет, не... А хотя, можно и так сказать. Просто если я возвращусь в тоннель, значит, я как бы сдался, согласился с тобой. А я не хочу быть той деталью, что всегда падает вниз.

— Хорошо, я понимаю. — Он вздохнул, глядя куда-то себе под ноги, словно что-то обдумывал.

Я повернулся обратно к лифту.

— Мне нужно будет как-то проникнуть в шахту, видимо, через кабину. Я попытаюсь залезть в неё и оттуда выбраться на крышу.

— Рискованно, но может сработать. — Он помолчал, потом протянул мне ладонь. — Независимо от того, кто окажется прав, удачи тебе. Надеюсь, ты найдёшь своё прошлое, как того желаешь. И надеюсь, что мы ещё встретимся.

Я пожал ему руку в ответ и, не затягивая прощание, переключился на решение задачи с лифтом — всё, что необходимо, было сказано, теперь пора заняться делом.

Часть кабины просматривалась за заклинившими дверями. Возможно, получится их открыть, если встать вот сюда, сбоку, и аккуратно, чтобы не задеть ничего лишнего, достать до... Механизм опасно заскрипел, когда я рывком раздвинул створки, и откуда-то из его глубин со стуком высыпалась новая порция винтиков. Я, стараясь даже дышать плавно, шагнул внутрь и тотчас замер, всем телом внимая собственным ощущениям. Под моим весом эта махина заколыхалась, как лист на ветру, но вроде бы держалась. Осмелев, я поднял голову — наверху, как и предполагалось, находился люк, и чтобы поддеть его и сдвинуть в сторону, как нельзя кстати пришёлся кусок трубы, затерявшийся на полу среди прочего хлама.

После этого предстояло самое трудное — на всё у меня будет едва ли больше, чем полминуты, и действовать нужно будет быстро. Единственная задержка или промах, и плакал весь мой план. Я судорожно сглотнул, собираясь с духом, и... прыгнул, ухватившись за край только что проделанного в потолке отверстия.

Центр тяжести лифта сместился, кабина накренилась, чуть не стряхнув меня обратно, и заскрежетала с удвоенной силой, я же, почувствовав, что соскальзываю, принялся отчаянно карабкаться, стирая в кровь пальцы, и не остановился, пока не распластался ничком на крыше. Расслабляться, однако, было рано; я вскочил на ноги и заметался в поисках чего-нибудь, за что можно зацепиться. Уже в последнее мгновение, за секунду до того, как кабина сорвалась, мне под руку попался какой-то штырь, на котором я и повис. Через миг тросы лопнули, а ещё через один снизу раздался грохот, и в горле у меня запершило от взметнувшегося облака пыли. Упавший лифт превратился в уродливую кучу металла, полностью перекрывающую путь из шахты на станцию. Я бросил на него короткий взгляд. Похоже, теперь последний мост окончательно сожжён. Даже если каким-то образом спустится обратно, пробиться сквозь эту грудку будет не проще, чем через каменные завалы на лестницах, а то и ещё тяжелее.

Нашарив ступнёй опору, я начал долгий подъём на верхний этаж.

Глава 8. Побег

Во время подъёма мне уже трижды приходилось останавливаться, чтобы передохнуть, а шахта и не думала кончаться. Она тянулась и тянулась, будто одна огромная глотка исполинского чудовища, и я сам, по доброй воле, заползал в неё, тогда как челюсти за моей спиной давно захлопнулись. От подобной аналогии становилось не по себе. Я попытался было прогнать эти мысли, но в подвешенном на высоте в несколько десятков метров состоянии, когда неизвестно, что ждёт впереди — и ждёт ли вообще хоть что-то — это оказалось затруднительно, и я продолжил подъём, уповая на то, что рано или поздно он завершится.

Постепенно у меня появлялось ощущение, словно меня нарочно водят по кругу, подсовывая пройденные участки заново. Вот эта ржавая балка, зазубренная слева, мне уже точно встречалась, а подвернувшийся под ногу выступ, по форме повторяющий стопу, попадался столько раз, что я уже наизусть знал, где он находится и опирался на него чуть ли не вслепую. Если дело действительно не в моём разыгравшемся воображении, то положение и впрямь паршивое — запертый в ловушке, я мог пролазить так, подобно жуку в стеклянной банке, очень долго. Я уже пролез больше, чем эта шахта казалась со стороны.

Вскоре, однако, наверху забрезжил свет. Я поудобнее перехватил перекладину, за которую держался, и, прищурившись, попробовал что-нибудь рассмотреть. Было похоже, что я наконец достиг выхода из шахты. Отсюда он, правда, выглядел размытым пятном посреди темноты, но моей радости это не помешало — хоть какой-то признак того, что я близок к цели. Передохнув с минуту и собравшись с силами для финального рывка, я полез дальше.

Добравшись до дверей лифта, к счастью, ничем не перекрытых, я выбрался на вторую станцию. Уже потом, вспоминая, какое расстояние отделяло её от нижней, я удивлялся тому, что мы со Смотрителем вообще умудрились услышать прибывающий сюда поезд, но сомневаться, что он проезжал именно здесь, не приходилось — сбоку платформы, на путях, стоял ещё один, сцепленный из нескольких вагонов. Явно повидавшие виды, они всё же были новее того, в котором я столкнулся с загадочным незнакомцем, пытавшимся меня убить. Как минимум все стёкла оставались на месте, хотя и оказались забрызганы какой-то бурой грязью, как будто кто-то прямо на ходу выплеснул на поезд целое ведро краски.

То же впечатление производила и сама станция. Абсолютно точно копируя планировку первой, сохранилась она гораздо лучше: ровные ряды аскетичных колонн, не тронутых паутинами трещин, аккуратные и чистые скамейки, никаких завалов, куч мусора или торчащих всюду оголённых проводов. И, что самое главное, никакой пыли, которой мне сполна хватило на станции Смотрителя.

Немало было и других отличий. Само убранство верхней станции выглядело богаче и разнообразнее: громадные хрустальные люстры, фрески на стенах, пусть и осыпающиеся... Одна из них сохранилась в достаточной степени, чтобы я смог разобрать изображение на ней — множество маленьких домиков, сгрудившихся вокруг огромного по сравнению с ними пламени, вздымающегося под порывом ветра до самых небес.

Я осторожно двинулся вдоль пустого состава. Я не замечал вокруг ни души, но это ещё не значило, что тут действительно никого нет: здесь было полно укромных уголков, откуда в любой момент мог появиться очередной житель загробного мира.

И мои подозрения не замедлили подтвердить трое незнакомцев, вышедших мне

навстречу из-за лестницы. Несмотря на готовность к чему-то подобному, от неожиданности я встал как вкопанный, они, увидев меня, сделали то же самое, и некоторое время мы молча рассматривали друг друга, держась на расстоянии. Они напоминали обычных бродяг — поношенная до состояния лохмотьев одежда, громоздкие рюкзаки за плечами, кляксы намертво въевшейся в кожу грязи. Один из них, тот, что повыше, повязал лицо какой-то бесцветной тряпкой, оставив открытыми только глаза, двое других щеголяли спутанными в колтуны бородами и не менее неряшливыми шевелюрами.

Столкнись я с такой троицей не в этом мире, а при жизни, вряд ли у меня возникли бы вопросы касательно их рода занятий. Здесь же, как я уже понял, внешний вид мало что значил. Точнее, мало о чём говорил.

— Привет, я... — Начал я, но запнулся на середине фразы, когда они, коротко переглянувшись, все вместе бросились на меня. Я отпрянул назад, налетев на ближайшую колонну, что дало мне ещё пару секунд, однако перевес всё равно был на их стороне, и через мгновение я уже лежал на полу, чувствуя, как на запястьях туго затягивается обрывок провода. Для пущего удобства связывающий уселся на меня, вышибив весь воздух из лёгких, так что ничего иного, кроме как дёргаться и хрипеть в попытках не задохнуться, мне не оставалось. Затем, проверив путы, парень слез с меня и перевернул на спину, словно набитый песком мешок. Все трое обступили меня, насупившись и время от времени обмениваясь хмурыми взглядами. Они не заговаривали, и я решил подождать, чтобы понять, что они собираются делать дальше.

Спустя минуту или две один из бородачей обратился к тому, что носил маску:

— Думаешь, он от них?

— А если б мне знать, — отозвался тот, не отрывая от меня взгляда холодных белесых глаз. — Всё может быть. Рисковать нам нельзя.

— Ну и что делать-то будем? Тут оставим?

— Совсем, что ли, спятил? — Встрял третий. — А как найдёт его кто-нибудь, тогда что?

— Тихо, тихо, — успокаивающим тоном произнёс человек с повязкой, по всей видимости, главный у них. Он по-прежнему смотрел на меня в упор, не моргая, и от этого становилось всё неудобнее.

— Откуда он вообще взялся-то, — пробормотал оборванец, стоящий справа от него. Тот, покосившись в сторону пустой шахты лифта, кивнул.

— А может, он сам нам и расскажет? А, дружок? Не из-под земли же ты появился, в самом деле?

Двое его подручных скупно хохотнули, всё ещё внимательно следя за мной. Я, насколько позволяла моя поза, пожал плечами:

— А может, лучше начнём с вас? А то я, кажется, прослушал, как вас зовут, кто вы такие и чем здесь занимаетесь.

Эти слова почему-то стёрли ухмылки с их лиц. Даже главарь как-то неуволимо посерьёзnel, точнее, ещё холоднее стал его взгляд — хотя, казалось бы, куда уж дальше. Какое-то время он продолжал сверлить меня глазами, задумчиво наклонив голову на бок, потом резко повернулся к своим и объявил:

— Берём его с собой. — И, воспользовавшись вызванной оторопью, добавил: — Задерживаться нельзя, бросать его здесь — тоже. Пока что возьмём с собой, а там видно будет, что к чему. Да и в случае чего на ходу от балласта избавиться будет проще, чем тут.

Он ушёл вглубь станции, оставив нас втроём, после чего его помощники отошли к противоположным путям и принялись о чём-то шептаться. Разобрать, о чём именно, не получалось, но судя по интонациям и жестам, они спорили. Хотелось верить, что не по поводу того, кому из них достанется такая прекрасная обязанность, как избавление от балласта.

Закончив пререкаться, они вернулись ко мне. Меня подхватили под мышки, поставили на ноги и потащили к поезду. Перед тем, как угодить внутрь, я краем зрения успел заметить лестничный пролёт в дальнем углу платформы, чей двойник с нижней станции полностью загромодило обломками. Здесь же никаких завалов и в помине не было, а наверху лестницы, в пределах видимости, мигали разноцветными лампочками турникеты, за которыми выстроились в ряд стеклянные двери. Похоже, *этот* выход на поверхность открыт.

Как следует всё рассмотреть не вышло — меня без особых церемоний запихнули в салон и швырнули на сидения, не потрудившись даже обыскать. После этого один из сопровождающих остался охранять, а второй пошёл обратно. Со своего места я заметил, как он начал переносить в головной вагон ещё какие-то тюки и сумки, раза в два крупнее его самого — вылитый муравей-рабочий, волочащий в муравейник травинки и веточки. Перетаскав весь багаж, он залез в поезд сам и присоединился к главарю, сосредоточенно возившемуся с чем-то в переднем вагоне.

Ожидая отправки, я то и дело поглядывал на своего вынужденного соседа. Он лениво развалился напротив меня и, казалось, совсем обо мне забыл, погружившись в собственные мысли. Может быть, отдельно от остальных его всё же удастся разговорить? Не похоже, что он слишком умён, чтобы попасться на удочку.

— Эй, приятель, — осторожно обратился я к нему, — куда направляемся? Не знаю, что вам...

— Заткнись, — сухо отозвался он, слегка поморщившись из-за того, что я его побеспокоил.

— Да уж... Очень вежливо, ничего не скажешь.

— Слушай-ка, — он подался вперёд, наклонившись в мою сторону. — Не утомнишься, подыщу тебе какой-нибудь кляп. Сообразил?

Я сообразил и больше к нему с расспросами не приставал.

Вскоре их приготовления завершились. Главарь заглянул к нам, чтобы удостовериться, что всё в порядке, и вернулся в передний вагон. Двери закрылись с приглушённым шипением, и поезд медленно тронулся, оставив станцию позади и увязнув в темноте тоннеля, едва взрезаемой слабыми фарами. Лампы в самих вагонах тоже светили кое-как, но их, по крайней мере, хватало, чтобы хоть что-то вокруг различить; внутренности же тоннеля, мелькающие в окнах бесконечным гипнотизирующим потоком, лишь изредка удавалось выхватить из общего мельтешения.

Вода, сочащаяся из трещины в стене, рисует узоры, и они отпечатываются в памяти, в самой подкорке.

Не могу сказать, управлял ли кто-то из них составом, или, взяв старт, они пустили всё на самотёк, но двигался он неравномерно, то сбрасывая скорость, то убыстряясь. Поначалу я тревожился, не столкнёмся ли мы с чем-нибудь, но затем подумал, что мои похитители вроде бы не очень-то из-за этого волнуются, а они явно занимаются подобным не первый раз. Это меня немного успокоило.

Щербатая кирпичная кладка, выглядывающая из-под толстой металлической стяжки, болезненно-зелёной от плесени.

Я до сих пор нервничал из-за того, что удалось выхватить из их разговора. «Думаешь, он от них?» Что это должно значить, каких ещё «них»? Да и кто они сами такие? Я снова искоса посмотрел на своего надзирателя. Стоптаные облезшие ботинки, залатанная и выцветшая камуфляжная куртка — спору нет, в дороге он провёл немало времени, причём скорее под проливным дождём или где-нибудь на болотах, чем в сухом поезде метро или в чистом поле. Первоначально я счёл его бродягой, теперь же он больше напоминал туриста, заблудившегося где-нибудь вдалеке от цивилизации.

Ритмичный стук колёс убаюкивает, от него настойчиво клонит в сон.

Так или иначе, то, что они приняли меня за кого-то, перед кем испытывали очевидный страх, само по себе ещё не подразумевало, что они плохие парни. Однако и из этого умозаключения не следовало, что мне ничего не угрожает — не получив нужных ответов, они определённо не станут колебаться, прежде чем выбросить меня прямо на рельсы — «избавиться от балласта». А правильные ответы у меня вряд ли найдутся. Так что чем раньше я отсюда уберусь, тем лучше.

Какая-то конструкция попадает в свет и отбрасывает тень, похожую на огромного уродливого паука, которая через долю секунды пропадает.

Я ощупал за спиной провод, стягивающий запястья. Узлы крепкие, не сорвать. Меня не привязали к поручням, так что я мог бы попробовать вырубить единственного своего охранника, но сомневаюсь, что справился бы с этим, даже будь мои руки свободны. А если двое других это заметят, то мне точно крышка. Им и тормозить не понадобится — все вагоны соединены сквозными дверями, от кабины машиниста до нас можно добраться меньше, чем за минуту.

Одинокий огонёк на занесённом снегом поле потухает, выпустив последний язык дыма.

Я вскинулся ото сна. Когда я успел задремать?..

Получалось, что мне, будучи ограниченным в движениях, необходимо было не просто одолеть сидящего рядом громилу, но и повернуть всё так, чтобы его друзья ничего не успели предпринять. И чем отчаяннее я напрягал извилины, тем яснее становилось, что это невозможно. Разве что случится чудо...

Внезапно озарившая меня идея поначалу даже удивила, настолько она лежала на поверхности, но чувство восторга быстро сменилось разочарованием; в голове всплыл красочный рассказ Смотрителя о том, к чему может привести неумелое экспериментирование с магией загробного мира, да и невольной устроенная лавина ещё не до конца стёрлась из моей памяти. С другой стороны, а есть ли иной выход? Хуже уже точно не будет. По крайней мере, мне.

Я, глубоко вдохнув, зажмурился и сосредоточился. В первую очередь надо заставить оковы исчезнуть или хотя бы ослабить их. Я понятия не имел, как это сделать, поэтому попросту представил, что узлы сами собой развязываются до такой степени, чтобы я мог высвободиться. Я повторял этот образ в мыслях, вновь и вновь — туго натянутый вокруг запястий провод постепенно обвисает, как обмякал бы человек, медленно теряющий сознание. От того места, где он врезался в кожу, расплзается и понемногу утихает боль. Он обвисает. Поезд раскачивает меня влево-вправо. Провод на моих запястьях обвисает...

Мою импровизированную медитацию что-то нарушило. Очнувшись, я прислушался к ощущениям и едва сдержал торжествующий крик — путы действительно соскользнули вниз.

Я чуть было не поднял их перед собой, дабы удостовериться, что это не иллюзия, но вовремя остановился. Предстояло кое-что ещё, гораздо более рискованное.

На этот раз я не стал закрывать глаза, а вместо этого вытаращился в дальний конец вагона, где он сочленялся со следующим. Я не знал, что именно должно произойти и как они должны рассоединиться, так что решил воспользоваться только что испытанным способом. Дважды я отвлекался из-за шума и мигающего освещения, но мало-помалу всё же сумел отгородиться от всего этого и сконцентрироваться на одной вещи — на том, как сцепка выходит из своих пазов. Я её не видел, но контур механизма, расположенного где-то возле колёс, как будто вычерчивался сквозь обшивку и притягивал мой взгляд.

Поезд тряхнуло, на секунду выведя меня из ступора, но почти сразу я вернулся в состояние полутранса. Воздух наэлектризовался — по спине пробежала дрожь, я почувствовал, как встают дыбом волосы по всему телу. Посередине между мной и тем углом вагона, куда я неотрывно смотрел, раздался сухой щелчок — такой бывает, когда снимаешь толстый шерстяной свитер и от трения по волосам проскакивает искра. Вот только сейчас он был погромче.

Мой сторож, до того так и сидевший неподвижно, встрепенулся и огляделся по сторонам:

— Это что было?

И прежде чем я успел что-нибудь ответить, щёлкнуло второй раз. Нас опять встряхнуло, и вся передняя часть состава вместе с головным вагоном отцепилась — я продолжал сидеть, ошеломлённо наблюдая, как она отдаляется, и чем больше увеличивалось расстояние между нами, тем сильнее росло изумление. Получилось! Да ещё и практически наобум.

Мой триумф, впрочем, был недолгим: бродяга, которого произошедшее застало врасплох и который поначалу бросился сломя голову за уезжающим в темноту поездом, словно мог его догнать, запоздало очухался. Он с угрожающим видом возвращался ко мне из противоположного конца вагона. Когда он достаточно приблизился, я рванул ему навстречу и, нацелившись в висок, вложил весь свой вес в один короткий удар. То ли от длительного сидения в неудобной позе ноги затекли, то ли нас по инерции снова дёрнуло — но я промахнулся, только скользнув кулаком по скуле здоровяка, отчего тот отшатнулся. Этого промедления хватило, чтобы следующий удар пришёлся, куда нужно, и он обмяк на полу.

Я постоял над ним ещё немного, дабы убедиться, что он не придёт в себя в самый неподходящий момент, после чего навсегда позабыл про него. Теперь необходимо было позаботиться о том, чтобы убраться отсюда до того, как остальные заметят, что случилось, и пустятся в погоню. Наша половина состава тем временем почти остановилась; я проверил дверь, ведущую назад, в хвостовую часть — открыта. Я перебрался в соседний вагон, затем следующий, и так до тех пор, пока не спрыгнул на землястый пол, покрытый жирными чёрными пятнами.

Впереди, там, куда укатили двое других, что-то загрохотало — совсем как в тот раз, когда на подходе к станции Смотрителя сошёл с рельс один-единственный вагон. Я пошёл в обратном направлении — как и прежде, в неизвестность, лишь бы подальше от неприятностей. Естественно, если этим ребятам всё же взбредёт в голову погнаться за мной — а я отчётливо помнил, как они обсуждали, что задерживаться им не стоит — то нечего будет и думать о том, чтобы оторваться от них, и моя фора тут никакой роли не сыграет. Я надеялся, что по пути наткнусь на какой-нибудь побочный тоннель или что-нибудь подобное и смогу скрыться там. В крайнем случае вернусь на станцию — там-то точно был

выход наружу.

Не прошло и получаса, как я набрёл на дверь в стене. Куда она вела, я ещё не знал, но предположил, что к каким-нибудь инженерным сооружениям, судя по таким же, виденным мною раньше. Но, в отличие от них, эта не была заперта, и потому, должен сказать, мне сильно повезло — если бы всё-таки пришлось тащиться пешком до самой платформы, спотыкаясь об утопающие в рыхлой земле шпалы, можно только догадываться, сколько на это ушло бы времени.

Не зная наверняка, а преследуют ли меня вообще, я воровато прошмыгнул внутрь и поплотнее затворил за собой дверь.

Глава 9. Артерии

Едва дверь закрылась, в нос ударила нестерпимая вонь, в которой запах канализации смешивался с ароматом мусорной свалкой и чего-то гниющего. Она отчётливо витала в воздухе ещё на входе, но внутри, лишившись последней отдушины, усилилась, наверное, десятикратно.

Здесь не было так же темно, как в тоннеле снаружи: под потолком тускло мерцали небольшие обрешеченные фонари, то ли не такие древние, как всё остальное в загробном мире, то ли ещё не тронутые временем. Я уже привык к полутьме, поэтому даже при таком бледном освещении чувствовал себя достаточно комфортно.

Тамбур, в котором я очутился, вёл к узкой металлической лестнице, идущей вниз. Несмотря на то, что с двух сторон её теснили осыпавшиеся кирпичные стены, на ступеньках я не заметил ни следа пыли или грязи, обычно слой за слоем оседающих в подобных местах. Видимо, эти катакомбы не такие уж необитаемые, какими казались на первый взгляд. Я начал спускаться и, боясь по неловкости поскользнуться, придерживался за кирпичи — до тех пор, пока не понял, что от прикосновений они разваливаются ещё быстрее.

Я долго проблуждал по переплетению всевозможных коридоров, соединённых перемычками и оканчивающихся тупиками, ветвящихся и окружным путём возвращающих меня туда, где я побывал пять минут назад. В конце концов они вывели меня ко второй лестнице, уходящей ещё ниже — если до этого я бродил по расположенному под тоннелями метро подвалу, то теперь добрался до его подпола. Я заранее приготовился передвигаться на ощупь: там, внизу, тоже был свет, но гораздо слабее, нежели на верхнем этаже. И вонь, в этой точке она становилась заметно сильнее. Я подумал, что мог бы пробраться через весь этот лабиринт, ориентируясь только по ней.

Когда до пола оставалось две или три ступеньки, под ногой что-то хлюпнуло. Я, решив, что угодил в накапавшую сверху лужу, но потом сообразил, что весь нижний уровень затоплен — и, скорее всего, именно от заполнившей его жижи шёл невыносимый запах, который делался всё тошнотворнее. Как я и полагал, раньше здесь было устроено не что иное, как технические помещения, главные кровеносные артерии любой подземки — тут и там маячили остатки бывшего обустройства, аппаратуры, труб и прочих вещей. Сырость и непонятным образом текущее время отлично потрудились, уничтожив всё буквально под корень. Если на станции Смотрителя царил просто разруха, то в этих залах образовалась настоящая помойка, подтопленная и гниющая. Будь тоннели над моей головой целиком залиты нечистотами так, чтобы они постепенно стекали сюда, и то вряд ли это ухудшило бы ситуацию — артерии и так уже забились дерьмом.

Я вытянул перед собой руку, дабы в темноте случайно не налететь на что-нибудь, и осторожно двинулся вперёд. Едва ли инженерный отсек обслуживал только одну станцию, а значит, он должен соединяться и с другими, и я куда-нибудь обязательно выйду. Обрато подниматься в любом случае рискованно из-за возможных преследователей. Даже сейчас, чуть ли не по колено в отходах, я старался не слишком-то шуметь. Насколько я видел и слышал, кругом не было никаких признаков ни человека, ни кого-либо ещё, но напряжение всё равно не покидало меня ни на секунду, не столько из-за смрада, сколько из-за самой атмосферы этого места. Если где и прятаться монстрам из ночных кошмаров, так в мерзких дырах вроде этой.

Стены большую часть времени оставались скрытыми во тьме, разглядеть их получше удавалось только неподалёку от какой-нибудь лампочки, не то закоптелой, не то просто грязной. Они прогнили настолько, что, казалось, могли бы рассыпаться от лёгкого касания или даже дуновения ветра — и в этом случае мне повезло, что здесь не гуляли сквозняки. Хотя, может быть, им бы удалось хоть немного разогнать запах. На редких сохранившихся участках просматривались царапины, как будто прочерченные ногтем по свежей штукатурке и вырисовывающие диковинный орнамент. Оставшиеся же фрагменты, малочисленные и разрозненные, не складывались ни во что вразумительное.

Во всём прочем нижний коридор ничем не отличался от верхних, разве что был пошире и вёл прямо, безо всяких боковых закоулков. Чем глубже я заходил, тем тяжелее становилось переносить вонь. Я натянул воротник до носа и упорно продолжал идти, стараясь не думать о том, как буду пахнуть сам, когда выберусь отсюда.

Я по-прежнему не замечал чьего-либо присутствия, хотя однажды мне на мгновение почудились звуки, вторящие моим хлюпающим шагам, словно кто-то шёл позади меня. Я замер, прислушиваясь, но одновременно со мной замолк и мой незримый преследователь. Пришлось списать произошедшее на эхо, но я всё же не был до конца уверен, что дело в нём.

По дороге мне несколько раз попадались перекрытые решётками арки, но я протискивался через них без особых затруднений — до тех пор, пока не наткнулся на такую, у которой просветы между прутьями оказались слишком узкими. Прильнув к ним вплотную, я попробовал рассмотреть, что находится в следующем помещении, но увидел лишь огоньки светильников, те же белесые точки, что сияли за моей спиной, но расположенные как-то по-другому, как будто там, дальше, потолки выросли, а стены раздвинулись шире. Впереди был какой-то зал, и мой маршрут явно пролегал сквозь него.

Я огляделся по сторонам, надеясь найти что-то, что помогло бы проникнуть внутрь, но сразу понял, что затея бесполезная. Кругом только грязь и мусор. Опять попытался пролезть в решётку — куда там, её, в отличие от предыдущих, ставили не для того, чтобы каждый встречный мог свободно прогуляться туда и обратно.

На глаза попался кусок кладки, обрамляющий арку; от коррозии он истончился так сильно, что подожди я ещё чуть-чуть, и никакой стены вовсе не останется. Можно будет спокойно заходить и выходить, когда захочется. Или можно не ждать, а немного... ускорить процесс. Подтолкнуть в нужном направлении.

Где тонко, там и рвётся... Я провёл пальцами по кирпичам, ощупывая их, затем слегка стукнул кулаком, из-под которого мокрым песком посыпалась гниль. Хорошо, попробуем. Отступил на пару шагов назад и, коротко разбежавшись, врезался в стену плечом. Сработало, как я и рассчитывал — от удара секция лопнула на сотни обломков разного размера и формы. Я же, потеряв равновесие, оказался на полу, в той самой жидкости, запах коей последние часы вызывал у меня тошноту. Выругавшись, я поднялся на ноги и с отвращением осмотрел то, во что превратилась моя одежда. При первой возможности надо переодеться. И принять холодный душ.

После сожалений о, считай, потерянном костюме я решил вернуться к более приземлённым проблемам и принялся осматривать помещение, в которое попал. Сходу оценить его масштабы не получалось: свет ламп, цепочкой тянувшихся в никуда, практически не разгонял темноту, рассеиваясь через пять-шесть метров и даже близко не добираясь до центра зала. Впрочем, уже это само по себе кое-что говорило: значит, зал достаточно большой.

Я пошёл слева, вдоль стенки, измеряя пройденное расстояние шагами. Ходьбу затрудняли то и дело попадающиеся под ноги щербины в полу и оставленные на полу вещи, невидимые из-за мутной воды. Когда счёт превысил полторы сотни, из тени впереди проступил громоздкий силуэт, наподобие тех, что я начал видеть перед спуском в пещеру. Но этот был гораздо выше и шире. Он напоминал скорее какое-нибудь животное или чудовище, чем человека.

Я встал столбом, готовясь уносить ноги, если существо меня заметит, но в следующий миг позволил себе расслабиться и нервно усмехнулся: испугавшая меня фигура на самом деле была всего лишь нагромождением хлама. Подойдя ближе, я понял, что куча барахла, явно рукотворная, играла роль чьего-то лагеря. Не лучшее, конечно, место для стоянки, но это определённо была именно она — в самом центре композиции покачивался подвешенный гамак, неумело сшитый из десятков лоскутов, но на удивление хорошо сохранившийся. За ним к стене привалился необъятный шкаф-стеллаж, заполненный всяким скарбом, по большей части бесполезными побрякушками, лежащими, однако, на верхних полках, подальше от затопленного пола. Пачки заскорузлых от влаги бумаг, черепки посуды, камни, украшения, ржавые железки, спутанные клубки проводов — вряд ли этот мусор хоть для кого-то мог представлять малейшую ценность. Я почувствовал облегчение от того, что не застал хозяина всего этого добра, кем бы он ни был.

Я аккуратно обогнул лагерь и двинулся дальше; на противоположном от входа конце зала зияла точно такая же арка, в этот раз ничем не загороженная; за ней отчётливо просматривалось очередное переплетение подземных коридоров и тоннелей, слабо освещённых. И до того, как я успел разглядеть их как следует, из тьмы послышался уже знакомый звук — чьи-то булькающие по жиже шаги. Сейчас я не шевелился, а значит, эхо было ни при чём. К тому же, похоже, там шли, переговариваясь шёпотом, сразу двое. Неужели похитители меня всё же догнали? Я метнулся к стене, нырнул в первую попавшуюся нишу и вжался в неё, задержав дыхание.

То, что появилось из темноты, действительно было человеком, но от него меня пробрала дрожь гораздо сильнее, чем от какого-нибудь потустороннего монстра. Одетый только в набедренную повязку, едва прикрывающую наготу, невообразимо тощий, но при этом жилистый, он передвигался на четвереньках, как самый настоящий зверь — из-за того, что по воде шлёпали сразу две пары конечностей, я и подумал, что идут двое. Волосы и борода, пропитанные вонючей ряской, слиплись в неряшливые сосульки и намертво сплелись друг с другом, превратившись в одну цельную массу, из которой выглядывал острый нос. То, что я счёл за приглушённый разговор, оказалось невнятным и сбивчивым бормотанием — как будто всё остальное недостаточно свидетельствовало о том, что у парня не все дома.

Трудно сохранять полную невозмутимость, стоя по щиколотку в нечистотах и будучи покрытым ими же с ног до макушки, но я всё же замер, ожидая, когда дикарь прокрадётся мимо и освободит дорогу. Это не помогло: он что-то учуял и, застыв в нескольких метрах от меня, начал водить косматой головой из стороны в сторону, словно принохиваясь.

Я сжался, но слишком поздно: через мгновение этот человек повернулся ко мне, и я увидел его лицо целиком. Такое же худощавое, как и он сам, с острыми чертами, всё в грязных подтёках, в глазах застыло странное выражение, а оскаленные зубы ещё больше усиливали сходство с животным. Не поднимаясь с четверенек, он утробно зарычал и направился ко мне. Я молча наблюдал за ним, парализованный страхом, а если бы и мог

сдвинуться с места, бежать всё равно было некуда.

— Кто здесь? — Прохрипел он, яростно втягивая воздух носом. — Я тебя чую, слышишь? Не уйдёшь!

Он резко прыгнул, одним махом преодолев разделяющее нас расстояние, и приземлился прямо мне на грудь. Я пошатнулся — скорее от внезапности, чем от его веса — и снова повалился на залитый отходами пол. Тонкие скрюченные пальцы впились в мою шею, и дикарь зашипел мне в лицо:

— Не уйдёшь, не уйдёшь, не уйдёшь! Не пущу!

— Отвяжись!.. — Я попытался оттолкнуть его прочь, но ладони только беспомощно скользнули по жидкой грязи, покрывавшей его кожу. Теперь, так близко к нему, стало ясно, что не так с его глазами — абсолютно белые, они ослепли от долгого пребывания в катакомбах. Как и прочие незрячие твари, ориентировался он, видимо, исключительно по звуку и запаху, хотя второе я представлял очень плохо, учитывая всю эту вонь. От него самого, однако, пахло ещё хуже — когда он надел на меня, я чуть не потерял сознание, но быстро пришёл в себя, поняв, что он не просто меня душит, а тянется зубами к горлу. Несмотря на небольшие размеры, парень был цепким, и отшвырнуть его, сопротивляющегося, оказалось делом нелёгким. После непродолжительной возни мне всё же удалось его отпихнуть, и я сразу вскочил на ноги, успев увернуться от следующей атаки и пинком отправить противника в массивную, но хрупкую кирпичную стену, отчего та посыпалась на куски, погребая его под собой.

Воспользовавшись заминкой, я ринулся в коридор и понёсся прочь, совершенно забыв о ямах, которые могли попасться на пути. В надежде оторваться от преследователя я петлял как можно сильнее, но всё напрасно: как я ни кружил и ни плутал, его полужвериный вой и не собиравший отставать, всё время держась позади меня.

«Ну а чего ты, дурак, ещё ожидал?» — мысленно огрызнулся я сам на себя. В темноте он чувствовал себя свободнее, чем рыба в воде, да и лабиринты эти наверняка знал наизусть. Глупо было бы ожидать, что я так легко от него избавлюсь. Будь я жив, моё сердце должно было бы бешено колотиться — не столько от бега, сколько от осознания того, что мне грозит.

Стремительно скачущая на четвереньках фигура промелькнула слева, в параллельном тоннеле, заставив меня свернуть направо. Здесь своды опускались ниже, а развилки резко исчезли — похоже, он намеренно загонял меня в тупик, как охотник загоняет добычу. И если так, то он, пусть и одичавший, соображал вполне неплохо.

Едва я об этом подумал, огоньки ламп впереди рванули вверх: я всё-таки споткнулся о какой-то камень и с громким всплеском растянулся в грязи. Барахтаясь, я перевернулся на спину, а подоспевший дикарь опять запрыгнул на меня, пригвоздив к полу, и потянулся к моей шее. На этот раз скинуть его не удавалось, и в голове у меня пронеслась мысль о том, что произойдёт раньше — он перегрызёт мне горло или же я захлебнусь тошнотворными помоями. Я бы, конечно, предпочёл избежать обоих вариантов, но приходилось быть реалистом.

Внезапно он замер, напоследок клацнув зубами над самым моим ухом. Он задёргал носом, настороженно принюхиваясь к чему-то. Откуда-то из глубины катакомб эхом разнёсся звук упавшей с потолка капли, и на него это подействовало как удар током: он подскочил как ужаленный, осоловело оглядываясь по сторонам, затем сорвался с места и через секунду пропал во тьме. Обычно так собаки реагируют на отпугивающий свисток.

Я встал, напрягая слух в попытке понять, что могло его прогнать. Тишина, ни шороха... В этот момент на крошечный пяточок, кое-как освещаемый дальним фонарём, вышел, не нарушая безмолвия, человек — на двух ногах, не на четвереньках. Внешность и одежду было не разобрать, но внутри у меня похолодело так же, как когда-то от объятий белолицей девушки. Моим спасителем не мог быть никто иной, как те бродяги, от которых я сбежал. Ну, или одного из силуэтов, попадавших мне на глаза тут и там, но те по большей части оставались незаметными, а не маячили на свету.

Получалось, что я задолжал благодарность за спасение своим же похитителям, хотя перспектива новой встречи с ними всё равно не слишком меня радовала. Я прижался к стене и стоял так, не шевелясь, до тех пор, пока человек снова не исчез в темноте. Выждав после этого ещё немного, я осторожно двинулся в противоположную сторону, стремясь оказаться подальше отсюда.

Дальше тоннель не сужался и не расширялся; я достаточно долго брёл по нему, никуда не сворачивая, и в конце концов вышел туда, куда, видимо, меня и гнал дикарь: к тупику. Точнее, не совсем к тупику: притороченная сбоку вертикальная лестница вела наверх, но состояние кирпичей всё ещё оставляло желать лучшего, половина креплений болталась в воздухе, а оставшиеся грозили присоединиться к ним в любую минуту. Подниматься по ней было опасно, но возвращаться обратно, туда, где рыскали те парни, а в придачу к ним и сумасшедший, пытавшийся перегрызть мне горло — гораздо опаснее.

Я устало сел прямо в хлюпающую под ногами жижу — сильнее уже не испачкаюсь — и окинул лестницу взглядом. По сравнению с шахтой лифта, по которой я карабкался не так давно, она казалась небольшой, пусть и была высотой в полсотни метров, не меньше. На самом верху виднелось нечто, похожее на круглый люк. Оттуда, с потолка, по-прежнему стекала вода, где-то отдельными каплями, а где-то целыми ручейками, вымывающими в гниющих стенах извилистые ложбины. Любопытно, на какой я сейчас глубине? Вряд ли, конечно, по этой лестнице я сразу выберусь на поверхность, но надо же с чего-то начинать. Да и потом, у некоторых всё обстоит намного хуже. Взять хотя бы ту девушку из палатки, окоченевшую и почти лишённую способности двигаться. Её образ опять всплыл у меня в памяти. Интересно, что с ней всё же стало?

Я слегка улыбнулся. После всех этих бешеных поездок, прыжков с поезда на полном ходу, лавин и прочего, что мне какая-то лестница? Встав, я подошёл к ней и подёргал за одну из перекладин, проверяя прочность. Железо жалобно застонало, мне на голову посыпались камешки, но конструкция выдержала. А значит, должна выдержать и меня самого.

Выдохнув, я забрался на нижнюю ступеньку и замер, прислушиваясь сквозь плеск стекающей с меня грязи к скрежету металла и ожидая, когда он затихнет, чтобы ползть выше.

Глава 10. Игрок

Очередная станция метро на предыдущие не походила ни капли. Сразу я на это внимания не обратил — вывалившись из люка, первым делом измождённо распластался на холодных бетонных плитах, пытаюсь отдышаться и ничего не замечая; сейчас я бы, наверное, не сдвинулся, даже если бы стены вокруг стали рушиться. Только через несколько минут я достаточно передохнул, чтобы поднять голову и как следует оглядеться. Здесь не было уже ставшей привычной разрухи, если не считать нескольких куч мусора, аккуратно сваленных в дальних концах платформы — словно это место, в отличие от других, ещё не пришло в запустение. Выстроившиеся вдоль путей колонны стояли целыми, безо всяких следов повреждения, скамейки между ними как новые... Чисто и спокойно.

Зловонная грязь, пропитавшая меня от подошв и до кончиков волос, продолжала ручьями стекать с одежды, оставив там, где я только что лежал, небольшую лужицу. Похоже, сохнуть придётся ещё долго, а от запаха избавляться и того дольше.

Я прошёлся вдоль края платформы, рассматривая вьющийся по стене узор из лепнины. Он почти полностью сохранился, и среди составляющих его фигур можно было разобрать картинки-иероглифы: вот эти линии напоминают волны, тут что-то вроде дерева, это глаз, а вот два треугольника, один на другом. Изображения, никак друг с другом не связанные и ни о чём особом мне не говорившие, но всё равно вызвавшие какие-то смутные, тревожные воспоминания, как будто из прошлой жизни. Не успел я как следует распознать и осознать это ощущение, как оно улетучилось.

Даже звук здесь был какой-то другой, точнее, он вообще был. Раньше меня везде так или иначе сопровождала та тишина, которая, наверное, и должна быть в мире мёртвых — непроницаемая до звона в ушах и прерываемая только завыванием ветра, хлюпаньем воды или хрустом снега под ногами, словно в глухом лесу, где на мили и мили вокруг больше никого, ни единой души. Здесь же — ничего подобного, хотя ничьего присутствия я всё равно не улавливал. Здесь тишина была как будто... обычнее.

Я обогнул широкую чистую лестницу, и, поборов искушение сейчас же броситься по ней наверх, медленно двинулся вглубь станции. При этом приходилось то и дело задира́ть голову — рисунки украшали и потолок; они вились множеством дорожек, хаотично пересекаясь и переползая с одного свода на другой, и я сам не заметил, как они привели меня к противоположному концу платформы. Уткнувшись в ещё одну лестницу, которой она заканчивалась, я растерянно огляделся — если в затопленной канализации нашлось, кому поселиться, то здесь и подавно найдётся. Не может быть, чтобы тут совсем никого не было.

В подтверждение моей мысли впереди, на ярусе, куда вели ступеньки, выросла человеческая фигура, облачённая в просторные чёрные брюки и белую рубаху. Она появилась так внезапно, что я и подумать не успел о том, чтобы спрятаться. Впрочем, необходимости в прятках и не было: рослый парень, насвистывая какую-то мелодию, сосредоточенно вытирал мокрые волосы и явно уделял этому занятию гораздо больше внимания, чем происходящему вокруг, поэтому некоторое время я оставался незамеченным. Когда же он всё-таки опустил измазанное в чём-то чёрном полотенце и увидел меня, стоящего в каких-то нескольких метрах от него, я буквально кожей почувствовал, как он напрягся, но всего на секунду — видимо, сыграл роль не страх, а то, что он не привык, чтобы его застигали врасплох. В конце концов, он выглядел выше меня на полголовы и был шире в

плечах — чего ему бояться? Он старательно хмурился, но взъерошенные после мытья тёмные волосы и странновато прищуренный левый глаз придавали ему скорее забавный вид, чем суровый или угрожающий.

Он спустился на пару ступенек и остановился, скрестив руки на груди и наклонив голову набок, а я, не двигаясь с места, терпеливо дожидался, пока он меня рассмотрит. Закончив с этим, он вопросительно вскинул подбородок:

— И что ты за фрукт? — Он повёл носом и поморщился. — И из какой дыры вылез? Воняешь хуже, чем дохлая лошадь.

Я оторопел. Злобы или явного желания оскорбить в его словах не звучало, только чистая констатация факта — от меня сейчас действительно далеко не цветами пахло. И, пожалуй, было бы даже, наоборот, странно, не заметь он этого. Хотя, конечно, необязательно говорить об этом вот так, в лоб.

Не дождавшись ответа, он взглянул мне за спину. Я повернулся назад, в ту сторону, где находился ведущий вниз люк, и в глаза мне сразу бросилась протянувшаяся оттуда ко мне цепочка влажных следов, уже понемногу подсыхающих. Картина, объясняющая всё проще и красноречивее любых слов.

Повернувшись обратно, я нарочито беспечно пожал плечами, но всю театральность жеста испортила хлюпнувшая в неподходящий момент где-то в складках одежды жижа. Последовала секундная пауза, после которой парень сначала прыснул, а потом и вовсе захохотал в голос, сложившись пополам. Прошло не меньше минуты, прежде чем он успокоился и выпрямился, утирая наворачнувшиеся от смеха слёзы.

— Вот так шутка, приятель, — проговорил он. Напускную суровость как рукой сняло. — Ты в той жизни, должно быть, был тем ещё весельчаком, а?

— Я...

— Ладно, пойдём — покажу, где освежиться. А то от тебя ведь и правда несёт за версту, тут уж без обид.

Он резко крутанулся на пятках и зашагал обратно, туда, откуда появился. Мне ничего не оставалось, кроме как проследовать за ним.

Мы пришли в раздевалку для станционных рабочих — шахматный орнамент выложенного плиткой пола, ряды шкафчиков, скамейки и расположившаяся в углу душевая, отгороженная занавеской. Всё ещё посмеивающийся себе под нос парень достал из одного из шкафчиков комплект чистой одежды — оказавшейся тёмно-синей рабочей спецовкой — и бросил её мне, после чего без лишних слов удалился.

Приглашать меня дважды нужды не было — больше всего на свете сейчас мне хотелось избавиться от запаха, казалось, навсегда введшегося в кожу. Я мигом содрал с себя загрубевшие тряпки, в которые превратилась моя прежняя одежда, и сложил их бесформенной кучей на краешек одной из скамеек. Если представится возможность, позже надо будет их сжечь.

После всех тех приключений, которые я пережил, душ казался настоящим чудом и наивысшим достижением цивилизации. Перед тем, как взяться за мочалку, я несколько минут простоял неподвижно, подставив под струи воды лицо и наслаждаясь тем, как напор смывает с тела всю ту грязь, что скопилась за... За чёрт его знает, сколько времени. Это было такое чувство, словно я мылся впервые в жизни. В каком-то смысле, так оно и было.

Покончив с мытьём, я натянул чистый наряд, на удивление пришедшийся в пору, и вышел наружу. Новый знакомый, уже переодевшийся в такую же форму, какую выдал и мне,

ждал, прислонившись к стене напротив двери, небрежно очиняя ногти ножом и опять напевая вполголоса ту же мелодию, которую я слышал от него поначалу. На его шее я заметил тонкий опоясывающий шрам, как от ожога, а на голове у него теперь красовалась широкополая шляпа, скрывающая добрую половину лица. Её вид сразу пробудил во мне воспоминания о том, что я уже встречал его. Точнее, не совсем *его*.

— Ты же был... Там, на той мельнице! — Вырвалось у меня. Он замолчал и дёрнулся так, как будто споткнулся, хотя и стоял на месте. Затем помедлил, словно раздумывая, нужно ли вообще что-то отвечать, после чего поднял голову и взглянул на меня из-под шляпы. Я только сейчас сообразил, что зажмуренный левый глаз был вовсе не прищуром — он попросту отсутствовал, на его месте зияла пустая глазница.

— На мельнице-то я был... Да вот с тобой, видать, разминулся.

— Да нет, я про статуэтку! Там были статуэтки, и одна из них твоя точная копия. — По выражению его лица я увидел, что он понял, о чём речь. У нас одновременно промелькнула одинаковая мысль: выход тогда мне каким-то образом открыла фигурка, которую я вырезал. Но таких фигурок там были десятки, если не сотни. Раньше я особо не задумывался, откуда они взялись, теперь же получалось, что каждой из них отметил своё посещение другой такой же мертвец, как я. Что, если это была своеобразная плата за то, чтобы попасть в этот мир, такая монетка для Харона? Но тогда чем именно расплачивались мы, и кто был Хароном?

Одноглазый, и впрямь догадавшись о моих мыслях, произнёс:

— Я выстругал ту статуэтку, когда застрял внутри и не мог выбраться. Только тогда дверь открылась.

— То же самое, — отозвался я. — И как давно с тобой это было?

— Четыреста тридцать восемь лет назад, — ответил он, ни на секунду не задумавшись.

— Четыреста... погоди, ты так точно помнишь?

Он озорно сверкнул единственным целым глазом:

— Да нет, просто угадал.

— Угадал?..

— Ну да. Назвал случайную цифру, а она оказалась правильной. Угадал. С тобой что, такого никогда не было?

Я промолчал, не понимая, серьёзно он говорит или подшучивает; он же, как ни в чём не бывало, добавил:

— Меня, кстати, называют Игроком.

И, не дожидаясь, когда я представлюсь в ответ, он резво устремился к другой двери, в противоположном конце холла. За ней уместилось помещение, определить изначальное предназначение которого я бы не взялся, однако сейчас его переделали во что-то наподобие гостиной — пара диванов, весьма неплохо, между прочим, сохранившихся, столик, заваленный корявыми рисунками, бумагами и мешочками подозрительного вида, сваленная прямо на полу гора книг и много другого хлама, назначение которого не очень-то укладывалось у меня в голове. Всё это напоминало уже виденное в катакомбах логово одичавшего, но более чистое и приведённое в порядок, пусть и хрупкий. Комнатка, и без того крошечная, из-за всего этого добра казалась ещё теснее, но вместе с тем и уютнее.

Игрок плюхнулся на один из диванов и, устраиваясь поудобнее, указал на второй:

— Не люблю, знаешь ли, разговаривать на ходу. Когда ногам хорошо, и котелок лучше варит.

Я сел напротив. Он тем временем, порывшись в нагромождении предметов на столе,

достал оттуда курительную трубку с вороньей головой вместо чаши. Из-под другой кучи он извлёк пыльный чёрный мешочек, от которого до меня даже с расстояния донёсся терпкий душистый запах табака. Он тщательно, щепотка за щепоткой, набил трубку, потом так же неторопливо её раскурил и, с наслаждением выпустив носом сизое облако, откинулся на спинку.

Я смотрел на трубку, не в силах оторвать взгляда, словно завороченный: в глубине маленьких круглых прорезей-глаз переливались гипнотизирующие красные искорки, а из угрожающе изогнутого полураскрытого клюва тянулись тонкие струйки дыма, окутывая курильщика вместе с трубкой неким подобием тумана. Из состояния забвения меня вывел голос Игрока:

— Насчёт времени: его тут удобней считать не днями и годами, а людьми. День и ночь у нас не сменяются, а по ощущениям судить трудновато, тем более здесь, под землёй.

— Совсем как с пространством, — пробормотал я.

— Вот-вот. А с людьми удобнее. Люди это накопившийся опыт, как и время, в общем-то. Я успел повстречать пару сотен, но я, сколько себя помню, сижу тут отшельником, так что смело можешь удваивать. Примерно, конечно.

— А у меня... — Я заворочал мозгами, подсчитывая всех, с кем столкнулся за всё время. Это оказалось сложнее, чем я рассчитывал. — Десяток?

— Ого! Новичок ещё, зелёный. — Игрок сделал ещё одну затяжку, вороньи глаза налились кроваво-красным и заблестели с новой силой. Выдохнув, он перегнулся через подлокотник, достал откуда-то из-за дивана яблоко и, небрежно протерев его рукавом, бросил мне. — На, подкрепись.

Я поймал угощение, повертел его в руках.

— Я думал, нам не нужно есть.

— Не нужно, — подтвердил он. — Но можно. Вкус мы ведь чувствуем, так зачем от удовольствия отказываться? Тем более, у мёртвых не так уж его и много, удовольствия-то.

Я впился зубами в яблоко с сомнением, сравнимой только с удивлением следующей секунды, когда освежающий и, в какой-то степени, неизвестный вкус разлился во рту. От него даже голова закружилась, так, что пришлось схватиться за подушку, на которой я сидел. Игрок, заметив моё состояние, усмехнулся:

— Вот и я об этом. Первый раз самый... Самый головокружительный. А теперь... Кхм... — Он ещё раз от души затянулся и пристально посмотрел на меня. — Выкладывай, чего там с тобой приключилось. Явно же ты сюда не с увеселительной прогулки забрёл.

— Ну, — я решил, что не стоит затрагивать совсем уж всё, что со мной произошло с того момента, когда я очнулся на покрытой золой траве посреди погружённого в сумрак поля, — всё пошло наперекосяк, едва я встретил трёх парней, а они, ни слова ни сказав, на меня набросились и связали.

Игрок вдруг посерьёзnel. Он даже наклонился вперёд, поближе ко мне, но не издал при этом ни звука и никаким другим образом не прервал меня, так что я продолжил:

— Они запихнули меня в поезд и повезли куда-то, но я сбежал и спрятался внизу, в затопленных тоннелях. Там есть ещё один... человек. Весь грязный, заросший и...

— Да-да, я понял, — он нетерпеливо взмахнул рукой, призывая опустить подробности.

— Так вот, он до меня почти добрался, но что-то его спугнуло. И я думаю, что это была та же троица, от которой я смылся. Ну, а потом я выбрался сюда.

Он по-прежнему молчал, нахмурившись и уставившись куда-то мимо меня. Подождав

немного, я рискнул нарушить тишину:

— Так ты что, их знаешь?

— Знаю? Да уж знаю, как пить дать! — Он досадливо поморщился. — И вот, что я тебе скажу, приятель: лучше бы ты их ко мне домой не приводил.

— Что? Да с чего ты взял...

— Что они и в самом деле пойдут за тобой? — Раздражённо перебил он. — Эти, как ты выразился, парни — настоящие отморозки, из тех, кто болтать попусту не привык. Раз ты от них улизнул, просто так они тебя не оставят, нагрянут сюда по горячим следам. Мы можем ждать гостей, в любую минуту.

Между нами повисла зловещая пауза.

— Ну... Послушай, если я в одиночку одолел их троих, то вдвоём мы и подавно управимся. Если они вообще в состоянии...

— Троих?! — Его брови поползли вверх. — Ты правда думаешь, что их только трое? Да их сотни, в этих тоннелях они кишат, как крысы. Когда они сюда заявятся, их точно будет больше, чем трое.

— Сотни? — Я вообразил подземные переходы, забитые этими людьми, такими же, как мои недавние знакомые, и поёжился. — Кто они такие?

— Болваны, — неожиданно спокойно ответил Игрок, поднимаясь на ноги, — вот кто они такие. Вставай. Надо убираться отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Я наблюдал за тем, как он собирает в объёмную наплечную сумку всякое барахло, раскиданное по комнате и приносимое им откуда-то снаружи. Действовал он при этом крайне избирательно — то, что я посчитал бы ценным, в большинстве случаев отправлялось в кучу мусора, а то, на что я и смотреть не стал бы, он аккуратно рассовывал по карманам. Среди таких вещей, например, была какая-то непонятная безделушка на красной нитке, пара игральные кости и целая коллекция мешочков, в том числе и тот, с табаком.

Хоть Игрок и заявил мне вполне недвусмысленно, что следует поспешить, сам он особо и не торопился. Напоследок он вытащил из-за дивана какую-то увесистую палку и, покрутив в руках, перехватил её наподобие дорожного посоха. Закончив со сборами, он перекинул заметно прибавившую в весе сумку через плечо и мельком взглянул на меня, всё ещё нерешительно стоящего в стороне.

— Ты идёшь? Если останешься здесь и подождёшь Беглецов, я возражать не стану, только сначала, чем бы ты их ни разозлил, приготовь убедительные извинения. Которые тебе всё равно ничем не помогут.

— И куда пойдём? — Я догнал его и пристроился сбоку.

— Там видно будет. Пока что главное — выбраться отсюда. Их, конечно, и на поверхности немало, но под землёй, во всех этих катакомбах, всё же больше. И потом, внизу меньше места для... манёвров.

Мы вышли в коридор, где я его встретил, и, пройдя мимо душевой, направились дальше, к повороту, за которым оказалась ведущая вверх лестница. Я не переставал вспоминать слова Игрока, в том числе спонтанно отметил, что его ничуть не заинтересовал дикарь, пытавшийся меня загрызть.

— Так всё же, кто они?

Он покосился на меня живым глазом.

— Я их называю Беглецами. Они... фанатики, если попроще.

— Это... Мало о чём говорит. Ты сказал, их сотни?

— Ага.

— Честно, мне и в голову не приходило, что мертвецы могут собраться в настолько большую группу.

— А они могут. И собираются. Я, правда, всех сразу не видел, но знаю наверняка. У них есть что-то вроде постоянного лагеря, но половина обычно бродит по окрестностям, ищут припасы.

— Припасы для чего?

— Ну... — Он опять поморщился. — Для своей работы. Они одержимы одной идеей. Тупой до невозможности — поэтому я и говорю, что они фанатики. Потому что нормальные ни до чего подобного не додумались бы.

— И что за идея?

Игрок, не глядя на меня, достал из глубины кармана помятую соломинку, отстранённо прикусил её, и только после этого ответил:

— Сбежать отсюда.

Глава 11. Персональный ад

Я едва за ним поспевал — высокий и жилистый, Игрок вышагивал широко, постоянно оставляя меня позади и раз за разом вынуждая его догонять. Мы довольно быстро пересекли переплетение коридоров, вестибюлей и лестниц, попав в результате на столь долгожданную мной поверхность. Проведя столько времени под землёй, я инстинктивно ожидал увидеть солнечный свет, но в этот момент мне показалось, что я вернулся туда, откуда моё путешествие началось — перед нами раскинулась уже знакомая сумрачная пустошь, в потёмках похожая на один сплошной беспокойный океан. В ноздри мне ударил запах дыма.

«Сбежать отсюда». Не сказал бы, что эта фраза произвела на меня эффект разорвавшейся бомбы, но пара вопросов всё же возникло, и чем дольше мы молчали, тем больше они зудели внутри моей головы. Было, однако, не до разговоров: мало того, что я не успевал за Игроком, мне ещё и приходилось периодически оглядываться, чтобы убедиться, что за спиной не объявились обещанные сотни преследователей. Сам же Игрок, нагруженный многочисленными пожитками и шестом-посохом, для крепости стянутым металлическими кольцами, не выказывал ни малейшего признака усталости или желания остановиться, так что для расспросов нужно было ждать, когда он решит передохнуть.

Местность, через которую мы двигались, казалась смутно знакомой. И не удивительно: покрывающая всё от горизонта до горизонта полутьма уравнивала любые холмы или низины. С учётом этого, а также привычки здешних троп прыгать с места на место, я, даже точно зная, куда направляюсь, не стал бы вышагивать с той же прытью, что и Игрок. Он демонстрировал её с не меньшим упорством, что и молчаливость, за время нашего знакомства ставшую в моих глазах самой нехарактерной для него чертой. На своей станции, пока не услышал мою историю, он не замолкал ни на секунду. Сейчас же он за всю дорогу, вплоть до привала, он не проронил и десятка слов. Зато когда мы наконец устроили возле россыпи крупных валунов стоянку, Игрок заговорил первым:

— Тебе что-то покоя не даёт, с тех самых пор, как мы наружу поднялись, — заявил он, усаживаясь посреди травы. Как будто это не он сам не так давно расписывал мне все ужасы, которые произойдут, если вовремя не уйти со станции.

— Да. Эти... Как ты их назвал, беглецы? Ты сказал, их идея...

— Это выбраться отсюда, — закончил он за меня. — Так в чём проблема?

Я медлил, подбирая слова.

— Не мог бы ты рассказать об этом подробнее? Я тут не так долго, и о чём-то подобном слышу впервые. Отсюда и правда можно сбежать? Как? И куда?

Он вздохнул.

— Ладно, давай поболтаем. По-хорошему, нам бы отойти сначала на приличное расстояние, прежде чем языками чесать. А ещё лучше — закопаться поглубже, чтоб они нас и вовсе никогда не отыскали... Да только они и из-под земли достанут, если захотят.

Он поудобнее прислонился к камню, возле которого мы расположились, совсем не торопясь раскурить свою трубку-ворона и уставился единственным глазом в одну точку.

— Люди, — начал он, и его профиль поглотило выдохнутое вместе со словами облако дыма, — умирали всегда. Кто-то, конечно, болтает, что раньше, мол, они были бессмертными, а умирать стали уже потом, в наказание за то или за это, и всё в таком духе. Но это всё чушь собачья. Мы умирали всегда, это я точно могу тебе сказать. И, как ты,

наверное, догадываешься, далеко не каждому это по душе. Некоторые при жизни пытаются найти средство, которое подарило бы им бессмертие. А здесь... Одни с такой участью смиряются, другие нет. Вот ты, когда понял, что случилось, сильно психовал?

— Вообще не психовал... Что бы это ни значило.

— Вот-вот. И я тоже, и большинство тех, кто здесь оказывается. Мы смиряемся со смертью, постепенно. Но не все из нас. Некоторые, когда до них доходит, что они умерли... Как бы выразиться... В общем, они ведут себя неестественно.

— Неестественно, — повторил я механически, пробуя слово на вкус. — Неестественно для кого-то, узнавшего о своей смерти? И о существовании загробной жизни?

— Ну да, да, — отмахнулся он, рассыпав сноп искр. — Рассуждая логически, в подобной ситуации именно такого поведения и следует ожидать, но опыт — как минимум, наш с тобой — подсказывает, что это неверно. Как человек, уходящий на дно на середине реки, не хочет сдаваться и бултыхается на поверхности, так и они суеются, надеясь, что на поверхность ещё смогут выбраться. Вот только в отличие от нашего утопленника они *уже* на дне, когда пора бы успокоиться.

— Ладно... Продолжай.

— Так вот... — Он вгрызся зубами в трубку и нахмурился. — О чём я говорил? А, да. Рано или поздно среди таких идиотов, не желающих принимать факт собственной смерти, должен был появиться кто-то, кто сплотил бы их и повёл в одном направлении. И он появился — не знаю, правда, когда и где, потому что произошло это ещё до того, как здесь очутился я. Но он появился. Человек, по чьим присмотром осоловелые от ужаса одиночки, до того не находящие себе места, стали объединяться в маленькие группки, группки — в банды посерьёзнее, а банды в итоге слились в самую обыкновенную армию. Армию, которая упорно идёт к одной цели, несмотря ни на что. Цель, приятель, оправдывает средства — можешь считать это их официальным девизом и прямым руководством к действиям. Начали они с того, что обустроили где-то посреди чистого поля лагерь. Да что там лагерь — настоящую крепость! Позже туда со всех краёв загробного мира стали стекаться мертвецы, такие же психи, как они, и не успели мы глазом моргнуть, как их собралось несколько сотен. А сейчас наверняка уже и за пару тысяч перевалило. Да... Из этого своего лагеря они регулярно высылали — и до сих пор высылают — так называемые поисковые отряды. Те набирают им новых рекрутов и рыщут по окрестностям в поисках припасов, и чтоб мне пропасть, если я хоть самую малость представляю, зачем они им на самом деле. Не гнушаются и грабят, если кто-то из встречных к ним присоединиться не хочет, а некоторых и вовсе забирают с собой. Готов последний глаз на кон поставить, недолго делу и до убийства дойти, не будь мы и без того мертвы.

Он замолчал, переводя дыхание после длинной тирады.

«Некоторых и вовсе забирают с собой». Я сглотнул, вспомнив, чем чуть было не закончилась стычка с теми тремя.

— И что они делают с теми, кого забирают?

— А вот как кого-нибудь из них пощастливится встретить, так и поинтересуйся. Мне пока не довелось.

Я поёжился, размышляя о том, насколько контрастировало умиротворение, в котором жил на своей станции Смотритель, или комфорт покинутой обители самого Игрока с озвученной им историей людей, которых он называл Беглецами. И, словно прочитав мои мысли, он пробормотал вполголоса, как будто бы обращаясь сам к себе:

— Каждый сам создаёт для себя собственный, персональный ад. Это справедливо для живых, это справедливо и для нас.

— Что ты имеешь в виду?

— Беглецы — мы с тобой могли бы быть такими же, как они, у них был шанс выбрать такую же жизнь, как у нас — всё по-честному. Нет никакой судьбы, предназначения, предначертания и прочей ерунды. При других обстоятельствах, в другой ситуации мы бы попросту поменялись местами, и тогда уже они бежали бы от нас, как от чумы. Но каждый из нас пошёл своим путём. Каждый из нас волен выбирать самостоятельно. По сути, в любую секунду есть миллион разных вариантов того, что произойдёт дальше.

Я хмыкнул. Идея, кардинально противоположная тому, что мне доказывал Смотритель.

— А разве всё это не заложено в человеке изначально?

— То есть?

— Я хочу сказать, вряд ли здесь я слишком уж отличаюсь от того, каким был при жизни. Если тогда я любил, допустим, апельсины, а боялся темноты и насекомых, то и сейчас буду. Тебе так не кажется?

— Возможно... — Игрок философски пожал плечами. — Возможно, какие-то общие склонности и остаются, но сами-то люди меняются, разве нет? Жизнь в посмертном мире всё равно что продолжение жизни той, настоящей. И так же, как живые люди могут изменять свои взгляды и мнения о чём-то, так и после смерти они на это вполне способны.

Пожалуй, именно тогда, сидя в сумраке в компании чудаковатого долговязого парня, я впервые *всерьёз* задумался: а что будет после? Я размышлял о чём-то подобном и раньше, но теперь Игрок подтолкнул мои мысли на несколько иную колею. Если всё, что со мной происходит, просто продолжает меня прошлого, то насколько вообще бесконечна эта жизнь после смерти? Стал ли я бессмертным или мне отведён определённый срок? И память, не восстанавливается ли она со временем? Значит, и у меня шанс всё ещё есть. Бесконечность — достаточный срок для исполнения невозможного.

А кроме того, что будет, когда я и здесь умру? Попаду ли я ещё куда-то, в ещё более загробный мир, или наступит окончательный финал? За время, проведённое по эту сторону, я много раз подвергался опасности, но никогда не воспринимал это как реальную проблему. Я пока не *углублялся* в вопрос, что случится, если я сорвусь в пропасть, меня собьёт поезд в тоннеле метро или в горах съест какой-нибудь зверь. Устать мёртвые могут, замёрзнуть тоже. Могут ли мёртвые умереть?

— Но... — Мои мысли вернулись обратно к словам Игрока. — Не настолько же кардинально меняются взгляды на вещи, чтобы из одной крайности бросаться в другую?

— А настолько кардинальных взглядов и не существует. Точнее, их очень мало. Не бывает полностью хорошего или полностью плохого человека, девяносто девять процентов людей — это что-то посередине, а не крайности вроде безусловного добра или зла. У них может быть какая-то основа, стержень, и вот от него они отклоняются туда-сюда, колеблются.

— По твоей логике получается, что эти... Беглецы, которых ты сам не так давно называл болванами и фанатиками и от которых мы убегаем — абсолютно такие же, как ты или я, не хуже и не лучше?

— Правильно, — невозмутимо подтвердил он, покачивая сжатой в зубах трубкой. — Всё дело в том, с какой стороны посмотреть. Кто-то совершает ошибки, а кто-то нет. Точнее, совершают все, просто одни понимают это и пытаются их исправить. Вся разница.

Я ничего не возразил, решив что на этом поле мне его не переиграть.

— А никто не пробовал... Ну, справиться с ними?

— Справиться? Как же, например? — Он удивлённо приподнял брови, отчего шрам на месте отсутствующего глаза растянулся в ломаную линию. — И кто? Остальные мертвецы, в отличие от Беглецов, не кучкуются, а в одиночку их не одолеть, нужна по меньшей мере вторая такая же армия. А это, сам понимаешь... Клин клином.

— А кто-нибудь посущественней простых мертвецов?

— Посущественней? Ты про высшие силы, следящие за порядком? Про всемогущих хозяев мира мёртвых и наших добрых надсмотрщиков? Если здесь такие и есть, то им на происходящее наплевать. Лично я не склонен верить в такие сказки.

Дав понять, что рассказ, а вместе с ним и привал, окончен, он поднялся на ноги и закинул уже было сумку на шею, но вдруг замер, вглядываясь в темноту за моей спиной. Молниеносно обернувшись туда, куда он уставился, я успел заметить чей-то силуэт, метнувшийся вбок и растворившийся в тени. Судя по всему, фантомы, на какое-то время оставившие меня в покое, опять вспомнили о моём существовании. Или, скорее, один конкретный фантом — в нём как-то подспудно узнавались знакомые черты, уже виденные однажды в поезде метро, пущенном под откос.

Когда я повернулся обратно, Игрок пристально смотрел на меня, по-прежнему не двигаясь, застыв в одной позе:

— Что, твой приятель?

— Нет. Я несколько раз видел мельком что-то похожее. То есть, кого-то. Ни малейшего представления, кто это, но он пытался меня... убить. Как минимум, однажды.

— Ты о нём не упоминал.

— Честно говоря, я уже и забыл про него. Он давно не появлялся.

— Хм... Забыть про кого-то, кто желает твоей смерти? Любопытно. Я-то думал, это я странный. Ладно... И как давно он тебя преследует?

— Да почти с тех самых пор, как я здесь очутился. Думаешь, это один из них?

Он ещё раз скользнул взглядом по холму, где только что был призрак:

— Едва ли. Будь это кто-то из Беглецов, он бы не крался, а сразу напал. Или, в крайнем случае, привёл бы подмогу.

— А может, он просто ждёт удачного момента после неудавшейся попытки? Или это один из тех, от которых я сбежал? Я же слышал, как они перевернулись, двое других могли не остаться на ногах, и теперь он ведёт себя осторожнее.

— Нет, это с ними тоже не работает. Им неудавшаяся попытка — что комариный укус, только становятся злее. Ладно, — он поправил сумку, — хорош языком трепать. И так порядочно задержались. Пойдём.

Равнина, по которой мы шли, больше напоминала ту, где я оказался в самом начале, чем предгорья, скрывавшие вход в пещеру и туннели. Заросли высокой тёмно-рыжей травы, сухой и как будто пожухлой внешне, но в то же время налитой соком и жизнью, всё так же тянулись к горизонту, где в нескольких местах веерами полыхали грозы. Я снова попал туда, откуда начал путешествие, прошёл по кругу... И почему у меня постоянно возникает это ощущение?

Несмотря на отсутствие воспоминаний о прошлом, пейзаж наводил на мысли о каком-нибудь крошечном острове посреди океана, открытом ветрам со всех сторон — как если бы его кажущаяся бескрайность действительно была только кажущейся, и где-то там, за

пределами видимости, плескалась и пенилась холодная вода. Не знаю, откуда у меня взялось такое впечатление, но на пару коротких мгновений, отдавшихся в памяти чем-то болезненно знакомым, я ощутил на губах солоноватый привкус, какой всегда чувствуется неподалёку от побережья. Сквозь тяжёлую, свинцовую тишину я, казалось, даже различил на секунду шум морского прибоя и душный аромат цветущего луга, словно живой мир на миг проступил через мёртвый.

Красивое воспоминание. Вот только воспоминание ли?

Глава 12. Знакомое лицо

Я уже долгое время не замечал вокруг ни единого напоминания о существовании Беглецов — с тех самых пор, как мы покинули убежище Игрока. Должно быть, нам всё же удалось оторваться. А может, поспешный побег и вовсе с самого начала был лишним.

Сам Игрок явно так не считал — он продолжал вышагивать через исходящие волнами травяные заросли настолько уверенно, словно в левой руке держал карту, а в правой компас. Что ж, оставалось только довериться ему и его чутью и надеяться, что он знает, что делает. Сам я в любом случае не знал, куда идти — не имея, по сути, никакого начального маршрута, я умудрился с него сбиться и теперь не представлял, что делать дальше, даже если бы не случилась вся эта история с Беглецами.

Кстати, что касается компасов — тот, что я нашёл перед встречей со Счетоводом, у меня до сих пор сохранился. Он не выпал, пока Беглецы тащили меня, связанного, по платформе, я не потерял его в затопленных катакомбах и не забыл переложить из старой одежды, когда переодевался после мытья. Сейчас он болтался в кармане спецовки бесполезным грузом; я то и дело вспоминал о нём, доставал и, чтобы чем-то занять руки, принимался подбрасывать его в воздух и ловить обратно. Забавно, но Игрока эта штука совсем не заинтересовала. В такие моменты он только косился на меня здоровым взглядом с таким видом, как будто я отвлекал его от каких-то важных мыслей, да ещё что-то скептически хмыкнул, выслушивая мои объяснения касательно того, как компас ко мне попал. Не было похоже, что на него эта невзрачная помятая коробочка произвела какой-то особый эффект.

Игрок шёл так, будто мог видеть в темноте. В отличие от него, спокойного и даже какого-то воодушевлённого, я чувствовал себя не в своей тарелке, по большей части из-за вновь давшего о себе знать призрака — кем бы он ни был и чего бы ни хотел на самом деле. Не то чтобы он доставлял серьёзные проблемы, но замечать его я начал всё чаще: как правило, он стоял в темноте поодаль от места нашего привала, так, что его нельзя было как следует разглядеть, но по позе получалось понять, что смотрит он именно в нашу сторону. Пусть он и не причинял реального вреда, его силуэт навевал не самые приятные воспоминания, снова и снова возвращая меня к вопросу — а что случилось бы, не выберись я тогда из вагона вовремя? Я спросил об этом у Игрока, надеясь, что ему известно побольше, чем Смотрителю, однако ответ меня разочаровал:

— Что происходит с теми, кто умирает здесь, никто не знает. И едва ли хоть один умник, включая тебя, так уж рвётся узнать.

Не в меньшей степени мои мысли занимала и замерзающая девушка. В голове то и дело звучал её голос, просящий о помощи, перед глазами возникало её лицо карандашно-серого цвета. В такие секунды я ловил себя за то, что в настоящей жизни принял бы, наверное, за уколы совести.

Хоть Игрок и не смог — или не захотел — ответить, что происходит, если умереть в послесмертном мире, это ничуть не умаляло его знаний об окружающем нас мире, и не мешало нам беседовать на иные темы. Чем дальше мы шли, тем больше я слышал о нём самом и о том месте, в котором мы находились. По осведомлённости о правилах загробного мира он напомнил мне Смотрителя, тоже вложившего в мою голову столько, что хватило бы на отдельную энциклопедию. Но если тот был энциклопедией, то Игрок — целой книжной

полкой. При этом он, как и я, ничего не помнил о своей прошлой жизни. Точнее, то, что он помнил, его жизнью быть просто не могло — скорее, эти его воспоминания были набором разрозненных и, на первый взгляд, никак не связанных друг с другом видений о разных людях, словно подобранных в случайном порядке. Он пересказал мне совсем немного, но и этого оказалось достаточно, чтобы разбудить моё любопытство. Я на какое-то время отвлекся от беспокойства из-за Беглецов и намертво вцепился в его историю, стараясь выяснить все подробности. Его самого загадка собственного прошлого не волновала — по крайней мере, он не подавал вида — но на мои вопросы всё равно отвечал с охотой.

Среди личностей, застрявших у него в памяти, не получалось найти хоть какую-нибудь зависимость или закономерность. В одном из «воспоминаний» Игрок был изжелта-смуглым парнишкой лет десяти, закованным в тяжёлые каторжные колодки. С макушкой погрузившись в озеро, он прятался от вооружённых короткими саблями людей, в то время как они бродили вдоль берега и прочёсывали покрывающие отмель заросли кустарника. В другом он становился уже взрослым мужчиной, высоким, суровым и крепким; он ехал верхом через заснеженные горы, пряча лицо от слепящей метели, его борода от холода обросла инеем. Затем, рассказывал Игрок, угол обзора как будто менялся, и у него за спиной оказывалась целая армия, закованная в доспехи и шлемы, с копьями и щитами, пешая и конная, везущая телеги с провизией и осадные машины — в растянувшейся марширующей через перевал цепочке виднелись даже боевые слоны. Третьим образом был высушенный болезнью старик, худощавый и бледный, чьи черты всё ещё сохраняли остатки благородства, но постепенно таяли, подтачиваемые недугами и одиночеством. Он, не вставая с постели, умирал где-то на отдалённом острове, забытый и покинутый всеми.

Были там и прочие: темнолицый парень, дремлющий под навесом посреди пустыни, сидящий во главе шумного пиршественного стола бородатый здоровяк. Пожилой, но до сих пор полный сил мужчина, с трудом отбивающийся от пары десятков противников с кинжалами, величественный юноша лет восемнадцати, в окружении толпы беседующий о чём-то с нищим стариком... Таких примеров Игрок запас сотни, если не тысячи — он перечислял их без передышки, и складывалось впечатление, что он выдумывает их на ходу.

Однако я ему верил. Экцентричный и, без сомнений, со своими странностями, он всё же не походил на того, кто станет прибегать ко лжи ради привлечения внимания.

Описываемые им люди выглядели по-разному и занимались разными делами, они жили в разных местах и даже, судя по всему, в разных эпохах. Несмотря на то, что они находились не в чьей-нибудь голове, а именно в его, ни о ком из них Игрок не мог сказать, кто это. Как и я, хотя иногда события, про которые он говорил, казались мне смутно знакомыми. Вообще, ощущение близости к разгадке в последнее время появлялось у меня всё чаще; нечто подобное бывает, когда ты стараешься вспомнить что-то, что вертится на уме, совсем рядом, но постоянно ускользает от тебя за миг до озарения. Как сон, который забывается уже через несколько секунд после пробуждения, и тебе остаётся, может быть, настроение, но не память о нём самом. Может, попробуй я заснуть, тоже увидел бы что-то подобное из своего прошлого? Я так до сих пор и не вспомнил про свою прошлую жизнь ни малейшей детали.

Однако нужды спать, как и есть или пить, у меня теперь не было. Возможно, я и смог бы заснуть, если бы попробовал, но в любом случае пока что мне было не до этого. Регулярно мне ни с того ни с сего начинало мерещиться, что я вспоминаю что-то о своей предыдущей жизни, но каждый раз воспоминание ударялось о какой-то барьер внутри моих извилин и отскакивало обратно, туда, откуда возникло. Наверное, приблизительно так

чувствуют себя люди, страдающие амнезией. Запертые внутри небольшого кусочка собственного мозга и не способные пробиться за его пределы.

У меня язык так и зудел рассказать Игроку и об этом — после краткого и, вроде как, безразличного упрёка по поводу того, что я умолчал о пытавшемся меня убить призраке, это казалось логичным. В конце концов, опыта у него явно больше, чем у меня, так что, пожалуй, не будет лишним держать его в курсе событий, по меньшей мере пока мы в одной лодке. И всё же я промолчал.

И чем дальше, тем сильнее я тревожился из-за всего происходящего. Фантом попадался мне на глаза всё чаще и чаще, его контур в потёмках узнавался всё лучше, и становилось понятно, что отвязавшись, в лице Беглецов, от одной проблемы, мы нажили себе другую. Он словно постоянно обгонял нас и держался впереди, чтобы показаться в самый неподходящий момент.

Ситуацию усугубляла темнота, в которой подкрасться к нам было проще простого. Я в очередной раз обратил на неё внимание: темно было не потому, что солнце не появлялось на небе, хотя и поэтому тоже, конечно. Тень как будто росла из воздуха, как будто она и была самым воздухом. Из-за неё даже на открытом месте я чувствовал себя взаперти, как если бы находился в тесном помещении, лишённом окон. Однажды преследователь подошёл к нам совсем близко, и тогда мне впервые удалось разглядеть его — до этого у меня никогда не получалось рассмотреть, как он выглядит. Когда я, подняв взгляд от земли, различил его, он, не шевелясь, стоял прямо за спиной Игрока, но в следующую же секунду скрылся с глаз. Обернувшись туда, куда я вытаращился, Игрок уже ничего подозрительного не заметил. Лицо призрака, увиденное всего на мгновение, показалось мне, как и многое другое, знакомым, но, в отличие от остального, с ним всё обстояло как-то... иначе. Я точно помнил, что видел его где-то раньше, но где? Сцена фотографией отпечаталась у меня в памяти, в самой подкорке — ни о чём не беспокоящийся Игрок, копающийся в своей сумке, и равнодушное, лишённое всяких эмоций лицо фантома у него за плечом.

Спустя какое-то время мы выбрались к воде. Игрок остановился у самой кромки, его ноги утопали в податливом мокром песке; я встал чуть позади. Уже при первом взгляде становилось ясно, что с единственным попавшимся мне в мире мёртвых водоёмом что-то не так. Здесь не было обычной для реки или озера отмели, плавно переходящей в воду, словно синий кусок попросту наложили поверх поля. Даже трава продолжала расти практически вплотную к воде и при этом не подгнивала.

Игрок так и стоял на одном месте, вглядываясь вдаль, то есть, пытаясь вглядываться — рассмотреть другой берег сквозь сумерки получалось с трудом. Я видел только то, что он вообще есть, а значит, мы подошли к реке или небольшому пруду. Водоём определённо не был тем океаном, который мне причудился совсем недавно, и соли в воздухе не чувствовалось, однако плеск накатывающихся волн на этот раз оказался вполне реальным. Я наклонился и зачерпнул шипящую пену ладонью, Игрок молча проследил за моим движением.

— Ну что, — проговорил я задумчиво, наблюдая, как вода пополам с крупинками песка течёт между пальцев. — Куда поворачиваем теперь?

— А никуда, — ответил он спокойно, с лёгкой ухмылкой в голосе. — Мы как раз там, где нужно.

Он повернулся ко мне и, торжественно воздев руки к небу, начал декламировать:

— Древние легенды гласят, что путь в страну мёртвых пролегает через реку, чьи воды

чернее самых чёрных душ, чей взор трогал здешние земли. Угрюмый костлявый перевозчик, одетый в истлевшее рубище, берёт с умерших плату за то, чтобы взять их в свою лодку и отвезти на другую сторону, где они наконец смогут обрести покой — так повелось с сотворения мира и будет продолжаться до самой его гибели. Ни один живой и ни один мертвец, не способный заплатить ему, не попадут туда, в эти пустоши... Где я и планирую укрыться от Беглецов. — Закончил он и опустил руки.

Я уставился на него, как на сумасшедшего. Выдержав солидную паузу, Игрок рассмеялся.

— Шучу, конечно. Все эти легенды — ерунда. Я просто хочу пройти через воду, чтобы сбить их со следа.

— Сбить со следа? — Переспросил я. — Сомневаюсь, что выслеживать нас они будут по запаху. Они же не собаки-ищейки.

— Ага, они хуже ищек. Ну, с субъективной точки зрения, — добавил он, поймав мой укоризненный взгляд. Я ещё не успел забыть о его философских рассуждениях насчёт добра и зла.

На том берегу изредка загорались пульсирующие всполохи гроз, скудно освещая расположившийся по ту сторону ландшафт: всё те же сплошные поля, но там они, кажется, становились более холмистыми, с перепадами высот, как если бы я смотрел из речной долины на окаймляющие её возвышенности. Возможно, так казалось из-за темноты. Я поднял глаза к небу. Столько молний, а дождя ещё ни разу не было, совсем как говорил Курильщик. А вот снег шёл — в горах, где я встретил Счетовода. И девушку в палатке... Может, она покинула своё убежище и теперь тоже где-то в этих краях? Нет, едва ли, если только она умудрилась справиться со своей проблемой. В животе снова заныло.

Игрок вошёл в воду глубже, по колено. Я осторожно последовал за ним. Холодная, с непривычки почти ледяная влага сразу же заполнила обувь и поползла по ногам, перехватывая дыхание; это опять напомнило прикосновение той девушки, похожее на настоящую ледышку. Мы шли вброд, каждый шаг перед собой Игрок ощупывал посохом. Выше груди вода не поднималась, и плыть, к счастью, не приходилось, но всё равно в самых глубоких местах он нёс сумку над головой, чтобы не намокла.

Где-то ближе к середине переправы появилось странное ощущение, как будто я в океане — если особо не приглядываться к тому, что впереди или за спиной, можно подумать, что суши тут и вовсе нет. От этой мысли я очнулся, наступив ногой в ямку и чуть не упав лицом вниз. Дальше пришлось идти аккуратнее, дабы не споткнуться ещё обо что-нибудь.

Продвигались мы медленно, и не в последнюю очередь благодаря тому, что в середине речки течение значительно усилилось, но на переправу ушло не больше нескольких минут. С плеском и хлопаньем мы выбрались на противоположный берег; я оглянулся назад. Отсюда ту сторону, откуда мы пришли, невозможно было отличить от этой. И там, и там глазам открывался один и тот же пейзаж: едва видные поля, время от времени подсвечиваемые вспышками молний, тянущиеся до самого горизонта, но исчезающие в окружающей нас тьме. Если на миг усомниться в качествах Игрока как проводника, можно поверить, что мы развернулись и прошли по кругу, или даже пересекли реку в точке изгиба русла, и опять же остались на том же берегу — в темноте заблудиться немудрено. Сам же Игрок, выйдя на сухое место, с довольным видом уселся прямо на траву и запустил руку в свою котомку. Через несколько секунд он извлёк из неё маленький непрозрачный бутылёк и, отвинтив крышку, шумно глотнул, затем передал мне. Я понюхал содержимое, но, не уловив никакого

запаха, пожал плечами и тоже хлебнул. На вкус напиток напоминал что-то ягодное, вроде сока или лимонада, но совсем незнакомое. Не знаю, что именно там было, но от первого же глотка приятное тепло разлилось по всему телу, особенно по стопам, почти отмёрзшим после прогулки по реке. Я сел рядом с Игроком, с наслаждением вытянул ноги к воде и снова глотнул из бутылки.

— Ладно, ладно, — проговорил он, забирая оставшееся питьё. — Не увлекайся. Неизвестно, когда я теперь запасы пополню.

— Что это? — Я перевёл дыхание, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Вино. Моего собственного изготовления, между прочим. Бодрит, а?

Я хотел было спросить, из чего оно, но от тепла меня так разморило, что я предпочёл промолчать. Вместо разговоров я откинулся назад, опёршись на руки, и с удовольствием осмотрел другой берег — он всё же оказался чуть пониже этого. Река, вьющаяся бумажной лентой, и широко раскинувшиеся за ней поля лежали перед нами, немного ниже, словно на большом экране в кинотеатре. Глядя на пейзаж, Игрок глубоко вздохнул. Минуты ему хватило на то, чтобы раскурить трубку, и теперь он сидел, выдыхая дым и рассыпая по земле искры.

Призрака, даже если он был где-то там, я не видел. Трудно сказать, нужно ли ему так же, как и нам, перебираться через реку, или он мог бы, не промолив ног, сразу попасть сюда. Перед глазами опять возникло его лицо, похожее на гипсовый или пластилиновый слепок, на лицо манекена, стоящего за стеклом витрины — с такими же сплошными белками глаз, без зрачков. Память, в которой уже раз, заныла, безуспешно пытаюсь припомнить, где и когда я прежде сталкивался с этим лицом, пугающим и безразличным. Такого пустого выражения, лишённого всех эмоций, не может быть ни у человека, ни у животного, ни у привидения. У статуи, торчащей в центре главной городской площади — пожалуйста, но не у человека.

И в следующее мгновение я вспомнил. Обволакивающий холод заново прокатился волной по всему телу, высасывая всё тепло, и возвращая его во тьму. Конечно, глаза, пустые наподобие кукольных, слегка исказили его черты, но сомнений не было и быть не могло — тогда, на старой полуразрушенной мельнице я увидел его же. Я мог бы смотреть в него, как в зеркало. Страшное и уродливое зеркало.

У фантома было моё лицо.

Глава 13. Пожарище

Я привык к тому, что мало что из увиденного в загробном мире поддавалось объяснению с рациональной точки зрения, но случившееся только что не лезло ни в какие рамки. Я оставался на том же месте, где сидел, может быть, даже спокойный с виду, но внутри у меня бушевала буря. Что значит это совпадение? Если, конечно, отбросить остатки здравого смысла и решить, что встреча с собственным двойником в мире мёртвых действительно может быть совпадением. До неё мне казалось: если выяснить, кто — или что — это, то станет проще разобраться в его мотивах, понять, почему он меня преследовал и пытался убить. Вместо этого ко всем загадкам добавилась новая, да ещё и меняющая все предыдущие.

Игрок, похоже, ничего не замечал, да и что было ему замечать? Внешне никаких поводов для волнения я не давал, а его самого, судя по отрешённому выражению лица, слишком занимали какие-то посторонние мысли, чтобы он обращал внимание на второстепенные детали. Докурив трубку, он поднялся на ноги и деловито предложил продолжить путь: «А то до смерти просидим».

В отличие от того берега, сравнительно гладкого и однообразного, здесь ландшафт менялся достаточно быстро. Холмы встречались всё чаще, становились они всё круче, и из-за этого мы двигались гораздо медленнее. Игрок большую часть дороги молчал, раздумывая о чём-то своём, и я не особо возражал — произошедшее к болтовне не слишком располагало, и сейчас всё, чего мне хотелось, это просто побыть в тишине, наедине с собственными мыслями.

Довольно скоро чудная река осталась далеко позади, скрывшись за первым более или менее высоким холмом. Ещё через какое-то время я перестал нервно оглядываться на каждый шорох в ожидании, что мой двойник-фантом появится откуда-то из темноты, а потом он и вовсе затерялся среди всего прочего, что занимало мою голову, и отошёл на второй план. Время и в самом деле лечит, в том числе и мысли.

На горизонте показалось зарево; поначалу я принял его за очередные грозовые всполохи, но быстро понял, что ошибаюсь. Грозы теперь почти всегда прятались за окружающими нас возвышенностями, а если и становились видны, их легко было заметить в сумраке, из-за цвета — этакие бледно-белесые пятна на границе неба и земли, в центре которых отчётливо вырисовывались паутинки молний.

В этом же свечении никаких молний не было, само оно мягко отливало тёмно-алым светом, еле различимым на фоне свинцового небосвода, и делалось ярче и больше по мере того, как мы шли. Такого с грозами тоже пока что не происходило — обычно приблизиться к ним не получалось, они как будто постоянно находились на одном и том же расстоянии, отодвигаясь от нас и самостоятельно затихая со временем. Сперва я сомневался, что направляемся мы именно к тому месту, но сомнения развеялись очень скоро. Игрок вёл нас прямо на загадочный красный отсвет, огибая холмы, встающие на пути, и другие препятствия, никуда не сворачивая с курса. Я хотел спросить его, что это за свет и куда мы идём, но он так ускорился, что я и поспевал-то за ним из последних сил.

Такой темп он держал ещё довольно долго, вплоть до нашего следующего привала, словно торопился попасть туда, куда мы шли. К тому моменту, когда он наконец устал и остановился, едва заметное зарево разрослось до половины горизонта, и теперь напоминало

не то отблеск большого лесного пожара, не то багровый рассвет, который вот-вот разгонит темноту. До сих пор мне здесь не попадались леса, способные гореть с подобной силой. Впрочем, рассвет тоже пока не наступал, но это не означало, что когда-нибудь не рассветёт.

И только во время следующего отдыха я впервые с самой переправы решился заговорить с Игроком. Он задумчиво рассматривал выросшую на небе алую кляксу, полужёжа в траве, подперев голову кулаком и подложив под локоть сумку вместо подушки. Я сел рядом.

Река, которую мы пересекли, может, и была самой обыкновенной речушкой, но после неё меня не оставляло странное ощущение, совсем как в мои первые секунды тут, в стране мёртвых: ощущение потерянности, ошеломлённости, словно я заблудился где-то и не могу найти выход. Оно, это чувство, копилось внутри, рождая тревогу и страх; если вначале мне хотелось побыть в тишине, то сейчас неудержимо тянуло перекинуться с кем-нибудь хоть парой слов, лишь бы не чувствовать себя одиноким.

Я покосился на Игрока. На его лице в отсвете зарева переливались те же оттенки красного, что и в тлеющих угольках-бусинках на месте глаз у его трубки-ворона, как будто он сидел у костра. Жутковатое зрелище. Мне показалось было, что Игрок меня не замечает, однако он подал голос первым, заставив меня вздрогнуть от неожиданности:

— Как ты думаешь, куда бы нас привела та река?

— Река?..

— Я имею в виду, — он заворочался, устраиваясь повыше, — пойдёшь ты, например, вниз по течению, в конце концов дошли бы до устья? Должна же река где-то начинаться и заканчиваться. Как считаешь?

— Не знаю. — Я помолчал мгновение. — Может, если бы мы пошли вдоль берега, то так и ходили бы по кругу. Может, река бесконечно бежала бы вперёд, как эти поля.

— Вот именно! — Он взволнованно затянулся трубкой и заговорил дальше низким, утробным голосом. — Пространство здесь постоянно скачет с места на место. И время такое же — ты не всегда замечаешь, как оно течёт. Тебе кажется, прошла всего минута — в привычном для живых понимании — а на самом деле убежал уже месяц. Одна секунда для кого-то может растянуться в целую вечность. А может быть, мы вообще видим только тех, чьё время идёт так же, как наше. И тогда одновременно в том же самом месте, где находимся мы, есть те, у кого оно быстрее или медленнее, но чтобы нам узреть друг друга, нужно, чтобы что-то совпало. Чтобы совпали наши ритмы.

Закончив сумбурную речь, он снова уставился в одну точку, вгрызаясь зубами в трубку. Я осмотрелся по сторонам.

— Получается, для нас эта секунда тянется так долго, что вокруг всегда ночь?

— Нет, всё немного по-другому. Но в общих чертах принцип ты уловил. Хотя, — поспешно добавил он, — я не утверждаю, разумеется, что так оно и есть, это лишь моё скромное мнение. А вот что касается пространства... Та река может исчезнуть в десяти метрах от нас, а может течь так далеко, что нам не дойти, даже если будем шагать миллион бесконечных жизней. Тут ты прав. Пространство в загробном мире меняется прямо у нас за спиной.

— Да, я с этим уже столкнулся. Но я не знал, что и со временем здесь то же самое.

— Может, так и есть. Как по-твоему, если время такое же, как пространство, можем ли мы и по нему пройти круг, вернувшись к началу?

Я ничего не ответил. Ответить было попросту нечего. Игрок же, по всей видимости, воспринял моё молчание по-своему:

— Поэтому я и не хотел никуда уходить со станции, — вздохнул он. — Потому что снаружи слишком много неизвестного. Время, пространство, люди... Я не трус, но всё же предпочитаю знать наверняка, что меня ждёт за следующим поворотом.

Я решил, что настал подходящий момент для плавного перевода разговора к интересующей меня теме:

— Кстати, насчёт следующего поворота... Что это за штука?

Игрок глянул на красное пятно, на которое я указал, затем пристально посмотрел на меня.

— А как сам думаешь?

— И предположить боюсь. — Я помолчал и, поняв, что он всё ещё слушает, продолжил. — Была бы обычного белого цвета, я бы сказал, что простая гроза. Но на грозу не похоже.

— Конечно, не похоже. — Согласился он, ухмыляясь.

— А что же тогда?

Он улыбнулся в пустоту уголками губ:

— Скоро сам увидишь. Имей терпение.

Местоположение источника алого свечения оказалось гораздо ближе, чем я рассчитывал: мы достигли его ещё до очередного привала. Последний холм, за которым он от нас скрывался, я преодолевал, уже почти забыв о недавних переживаниях из-за фантома. Возможно, сказалось взывавшее любопытство.

Когда мы поднялись на вершину, перед нами распростёрлась широкая долина, пролёгшая между двумя сходящимися вместе грядями. Под нами, в самой чаше долины, было... нечто. С первого взгляда оно действительно напоминало лесной пожар — огромный настолько, что языки пламени, развевающиеся наподобие парусов, доставали чуть ли не до нас. Но что-то с ним было не так, что-то неуловимое. Пульсирующий огонь, тягучий и перетекающий из одной формы в другую, был прозрачным, но не так, как обычно бывает огонь, а скорее как жидкость или стекло. Кроме того, в его центре находилось что-то массивное, что, очевидно, и горело, но мне никак не удавалось разглядеть, что именно. Как будто какие-то гигантские листья... В долине, по всему периметру этой колоссальной жаровни, концентрическими кругами выстроились какие-то хлипкие с виду сооружения, в которых я, прищурившись, распознал всевозможные шалаши, хижины, шатры и палатки.

Игрок восхищённо пихнул меня локтем в бок:

— Ну что? Красота, а?

Я неопределённо мотнул головой, не отрывая глаз от пламени. Эта махина по размерам значительно превышала любую станцию метро из всех, где я до сих пор побывал, и яркость её была соответствующей, несмотря на всю призрачность и прозрачность. Рядом с ней было светло, как днём. Я очень давно не испытывал подобного ощущения. При таком свете и трава, покрывающая холмы вокруг, становилась ярко-золотой, с угольными прожилками сажи. Или это и был её настоящий цвет?

— Ага, — ответил я, не в силах отвернуться от этого зрелища. — Вот только... Что это всё-таки такое?

Он посмотрел на беззвучно бушующее пламя, наклонив голову, точь-в-точь художник, любующийся только что законченным творением, и так же восторженно произнёс:

— Пожарище.

— Что... Что ещё за пожарище?

— Я так называю места вроде этого. Понимаешь, — он воткнул посох в землю, освобождая руки, и начал объяснять, активно жестикулируя, — в мире живых иногда случается что-то, из-за чего гибнет сразу много людей. Какие-нибудь катастрофы или бедствия.

— Ага, понятно.

— И каждое такое событие, оно как бы отражается в нашем мире. Когда происходит что-то настолько масштабное, у нас появляется... такое вот, — он показал пальцем вниз, в сторону пожарища.

Я окинул гигантский объект оценивающим взглядом. Бедствие... Катастрофа... Что за катастрофа могла произойти, если её «отражение» оказалось таких размеров?

— И что, каждый раз то, как эта штука выглядит, зависит от того, что именно за бедствие случилось?

— Нет, конечно, — он поморщился, как учитель, услышавший от ученика несусветную глупость. — Ты мыслишь слишком... практично. Тебе не хватает воображения. Всем плевать, *как* катастрофа произошла, главное — сам факт, что пожарище появляется. Скопление энергии всех переходов из одного мира в другой, всех новых мертвецов. Это, можно сказать, своеобразный памятник, монумент. И выглядит он всегда так же, более или менее.

— А там что? — Я кивнул в сторону палаток у подножия пожарища, собравшихся в целый посёлок. Отсюда были видны отдельные крошечные фигуры, снующие туда-обратно.

Игрок подал мне знак идти за ним и принялся осторожно спускаться с холма вниз, к хижинам, на ходу продолжая говорить, из-за чего ему приходилось то и дело оборачиваться на меня, рискуя наступить на какой-нибудь камешек и кубарем полететь вниз.

— Такие места — это что-то вроде городов в мире мёртвых.

— А здесь бывают города? — От удивления я и сам чуть не оступился. Затем, восстановив равновесие, остановился у края пропасти и внимательнее присмотрелся к поселению. Настоящий город?..

— Нет, только пожарища. Так вот, обычно мертвецы появляются в этом мире по одиночке, совершенно отрезанные от других. Я попал сюда так, и готов спорить, ты тоже. — Я кивнул, забыв, что он меня сейчас не видит, а он тем временем продолжал. — А вот люди, погибшие от той самой катастрофы, они все обязательно очутятся рядом со своим пожарищем, все вместе. Как будто целый кусок живого мира переносится к нам.

Получалось, я в какой-то степени был прав, думая про призрачный огонь.

— И что же, — я, обходя крупный валун, опять взглянул вниз, на поселение. — Все эти люди погибли одновременно?

— Вряд ли. — Он ловко соскользнул на уступ пониже, подняв тучу пыли и заставив меня закашляться. — К пожарищам часто стягиваются и другие мертвецы, независимые от него. Единственная разница в том, что они могут отсюда уйти. А те, кто возник вместе с пожарищем — нет. Они привязаны к нему.

Привязаны... Мне невольно вспомнился Смотритель с его «ссылкой».

— Звучит, как наказание...

— Наказание? Не носи чушь. Наказание — это когда каждый сам по себе и одиночество — сама суть нашего существования. А быть уверенным, что рядом всегда кто-то окажется — благо, а не наказание.

Мы спускались в долину всё глубже, и маленький, как мне показалось поначалу,

посёлок всё больше превращался в огромное скопище построек. Я даже не пытался подсчитать, сколько их, решив, что лучше будет внимательнее смотреть под ноги.

Трущобы вокруг пожарища кипели жизнью; тут и там виднелись целые толпы народа, кто-то невозмутимо занимался своими делами в сторонке от всех, другие прохаживались по улицам, образованным рядами палаток. В нескольких местах я отчётливо заметил густой трубной дым, стелющийся поверх крыш. Вскоре до нас стал доноситься и диссонанс, сливающийся из множества самых разных звуков в характерный шум города.

Наконец мы оказались у подошвы холма, путь отсюда к поселению проходил через небольшую арку, сформированную выщербленной скалой. Она располагалась так, что внутри проёма были видны только хижины, а вот контур самой арки-кольца обрамляло призрачное пламя.

Игрок, не останавливаясь, пошёл дальше. Я, задержавшись на секунду, шагнул вслед за ним, сквозь арку.

Глава 14. Старые друзья

Глядя на всех этих людей, трудно было представить, что они все до единого мертвы: слишком шумные, слишком занятые.

И слишком многочисленные. Игрок не преувеличил, когда назвал пожарище подобием города — изнутри посёлок, выросший возле призрачного огня, казался ещё более многолюдным, чем сверху, с вершины холма, пусть оттуда и проще было оценить его масштабы. Здесь я впервые за всё то время, что себя помнил, очутился в настоящей толпе, окружённый одиночками, парами и целыми группами, которые гурьбой проносились мимо, увлечённые своими беседами, и через секунду скрывались за следующей оравой, не замечая нас. Это походило на какой-то необъятный базар — за исключением того, что тут, кажется, никто ничего не продавал. У каждого и без того хватало своих дел.

В моих глазах все они смотрелись непривычно — не только их количество, но и сами они, каждый в отдельности. С начала путешествия по загробному миру я встретил немало странных людей — взять хоть того же Игрока, вышагивающего сейчас бок о бок со мной. Однако большинство из них были такими же обычными, какими, наверное, и бывают люди в повседневной жизни. Само собой, я этого не помнил, но представлялось логичным, чтобы живые не выглядели, как музейные экспонаты, обвешанные кучей тряпок, сумок и ещё чёрт-те чем — в отличие от жителей пожарища. На миг мне даже почудилось, что я попал в один из снов Игрока, настолько прохожие отличались внешне, словно принадлежали к разным эпохам. Про постройки же я мог сказать прямо противоположное: среди них нехитро было заблудиться, до того все хижины и шалаши были похожи друг на друга, и никаких ориентиров, кроме гигантского пламени в центре городка. Впрочем, какое дело до ориентиров, если конкретного пункта назначения нет?

При этом само место не казалось каким-то иным, ничего сверхъестественного в нём не чувствовалось — если, конечно, не брать во внимание тот факт, что это было поселение мертвецов около огромного призрачного огня.

Игрок бодро шагал, увлекая меня за собой куда-то вглубь посёлка. Само пожарище между тем по-прежнему вздымалось на границе поселения подобно горе, дополняющей нависающие над нами холмы. Скоро оно затерялось на периферии зрения, превратившись во всего лишь ещё одну деталь ландшафта, воспринимаемую, как само собой разумеющееся. Свет от него, как и прежде, был достаточным для создания иллюзии самого настоящего дня, хотя никакого жара от пламени не шло. Не было и красных отсветов, какие отбрасывают костры в темноте и какие мы видели по пути сюда.

— А сколько здесь всего человек? — Спросил я, провожая взглядом очередное сборище, голов в пятнадцать-двадцать, не меньше.

— Десятки, — пожал плечами Игрок. — Сотни, тысячи. Кто ж их подсчитает-то? Когда я их проводывал в прошлый раз, уже с одного края другой не мог рассмотреть, а тогда их и вполтину не набралось бы столько, как теперь. Новые приходят постоянно, а уходят отсюда реже, чем кто-нибудь из Беглецов умывается.

— Значит, ты тут уже бывал? — Это меня почему-то удивило.

— Ещё до того, как заперся на станции. — Он поддал ногой камушек, тот пропрыгал по земле и стукнулся о чей-то ботинок. — Давно это было.

— Ты говорил, что встречал пару сотен человек. А здесь точно будет побольше.

— А я их в расчёт и не беру, считаю только одиночек, вроде тебя. А то был бы уже дряхлым стариком.

Мы посторонились, пропуская растянувшуюся на всю ширину дороги четвёрку людей, одетых как вылитые заправские моряки, минуту назад вернувшиеся из дальнего плавания. Я озадаченно посмотрел им вслед. Чем вообще все эти люди, здешние обитатели, занимаются? То есть, понятно, что они живут в посёлке так же, как одиночки на своих станциях, в палатках или ещё где-нибудь, но что конкретно они делают, кроме того, что просто ходят туда-обратно? Чтобы идея собрать из них армию для войны с Беглецами сработала, нужно противопоставить им что-то действенное, иначе даже при численном превосходстве те возьмут нас опытом. Конечно, Игрок пока ничего не рассказывал мне про такую идею, но это и без того было очевидным. Зачем ещё ему сюда возвращаться?

Никто из прохожих не уделял ни малейшего внимания ни нам, ни друг другу — кроме тех, что ходили группами. Я подумал, что среди них и кроме нас должно найтись немало тех, кто прибыл к пожарищу из других мест, и начал пытаться вычислить таких в толпе, но вскоре бросил эту затею. Все они были для меня на одно лицо, и ни про кого не получалось сказать наверняка, коренной ли он или пришлый.

Чем дольше мы петляли по узким улочкам, выстроившимся из крохотных, словно игрушечных, домиков, тем сильнее мне казалось, что Игрок не просто бредёт по ним наугад, а идёт вполне целенаправленно — так же, как до этого он не просто шёл через поля, а направлялся к пожарищу. Он выбирал не самые очевидные повороты, проталкивался к проходам, которые без него я бы и вовсе не заметил, и протискивался в тончайшие щели между фанерными стенками хибар, оставленные там явно не для этого. Через какое-то время он остановился и принялся растерянно оглядываться по сторонам, бормоча что-то под нос. Я понял, что он заблудился.

— Что-то не то. — Сообщил он, едва я с ним поравнялся. — Если память меня не подводит, а такого обычно не бывает, то они тут всё перестроили. Вот и не могу разобраться...

— В чём разобраться? Что ты ищешь?

— Да так... Хочу старого знакомого навестить.

Он ещё немного покрутился на месте, выбирая направление, и, остановившись лицом к пылающей на фоне неба горе, двинулся туда, продираясь сквозь скопления людей и ряды хижин; я последовал за ним.

— Интересно было бы узнать, — проговорил я, стараясь не отставать, — сколько из них погибло в той катастрофе, из-за которой возникло пожарище, а сколько прибилось к ним позже.

— Изначальных здесь не так уж и много, — ответил Игрок, не сбавляя шага и продолжая высматривать правильную дорогу. — Десятая часть, не больше.

— Так мало?

— А ты как хотел? Их-то больше не становится, а пришлые всё прибывают.

Мы вышли к одной из хижин, ничем не выделяющейся среди остальных. Перед ней спиной к нам стоял человек, одетый во что-то вроде кожаного фартука; обычно такими пользуются кузнецы, но в незнакомце не было ни капли от этого ремесла. В моём представлении любой кузнец должен был быть верзилой с руками толщиной в моё туловище, способными и молот поднять, и лошадь для подковки удержать. Этот же парень ростом уступал нам обоим, да и особой силой похвастаться не мог, судя по тщедушной фигуре.

Когда мы приблизились, он, не замечая нас, соскребал какую-то надпись, начертанную на дощатой дверце жилища. Я вытянул шею, попытавшись рассмотреть, что там написано, но от букв уже мало что осталось.

Игрок встал позади него, сложив руки на груди, и ожидая, пока его знакомый сам обернётся, но тот, кажется, чересчур увлёкся, и моему другу в итоге пришлось похлопать его по плечу. Человек, наконец, оглянулся; его лицо ещё меньше наводило на мысль о привычности к тяжёлому физическому труду: не старое, но болезненное, с длинной жиденькой бородой, кустистыми бровями и вялыми полуприкрытыми глазами. Впрочем, увидев нас, глаза он распахнул так, что сделался похожим на лягушку. Игрок в ответ с широкой улыбкой раскинул руки, будто собираясь обняться, но через секунду застигнутый врасплох незнакомец нахмурился.

— Ты. — Констатировал он без всякого выражения.

— Я, — радостно подтвердил Игрок всё с той же ухмылкой от уха до уха, опустив, однако, ладони.

— И чего ты здесь забыл? — Спросил у него незнакомец, меня удостоив лишь беглого взгляда.

— Ха! А ты всё такой же гостеприимный, как я посмотрю. Разве по мне не соскучился?.. Ну ладно, ладно, не кипятись, — сдался он. — Просто решил заглянуть на огонёк, по старой памяти.

— По старой памяти? — Нарочито удивлённо повторил парень. — Старая память у тебя крайне избирательна. То, что я вряд ли буду рад тебя видеть, ты, похоже, не помнишь.

Эти слова слегка остудили энтузиазм Игрока:

— Ну... Не настолько же всё плохо, в самом деле?..

— Именно настолько.

— Я... — Он запнулся, окончательно помрачнев. Даже края шляпы как будто опустились, ещё больше закрывая лицо. — Ты б хоть притворился, что ли. Друг, как-никак...

— Друг?! — Тот так энергично затрясся от внезапного приступа хохота, что даже пришлось схватиться за стенку. — Насмешил, честное слово! Если бы мне был нужен такой друг, я бы с удовольствием нашёл по соседству какого-нибудь паршивца, которому перед смертью вышибло последние мозги.

— Да ты... — Заново начал было Игрок, но тут уже не выдержал я:

— Послушайте, оба! Раз уж решили сцепиться, так хотя бы не у всех на глазах.

Конечно, никто из прохожих ничуть не заинтересовался происходящим, однако мои слова возымели действие. Игрок и его «друг», угрюмо переглянувшись, обменялись едва заметными кивками. Хозяин, сварливо хмыкнув напоследок, отпер дверь и посторонился, пропуская нас.

Внутри оказалось довольно просторно для такого маленького домика. Снаружи он выглядел так, что на входе ты невольно нагибался, чтобы не задеть затылком потолок, но переступив порог, можно было спокойно выпрямиться во весь рост. Обстановка смотрелась на удивление уютной для места вроде этого и чем-то походила на берлогу самого Игрока на станции метро: такая же теснота, такие же скопления вещей, разве что слегка других. Меньше мебели и книг, больше мусора и инструментов. Я мог бы поклясться, что один угол целиком занимала заваленная посторонним хламом кузнечная наковальня, при том, что само помещение напоминало об этой профессии даже меньше, чем его обитатель.

Пока парень оставался снаружи, я улучил момент и шепнул Игроку:

— Ну и что вы такого не поделили?

— А ничего, — ответил за него хозяин, уже проскользнувший внутрь и теперь запирающий дверь обратно. — Просто ему надо научиться разбираться, с кем он имеет дело, кому стоит доверять, а кому нет. Ты-то сам не из этих?

Я предпочёл промолчать. Я не особо понимал, о чём он, но не нужно было обладать гениальным умом, чтобы сообразить, что он Игрока, мягко говоря, недолгобливает.

Закончив с замком, он повернулся к нам и окинул обоих тяжёлым взглядом, в этот раз уделив мне чуть больше внимания. Странно, но в его глазах горело что-то такое, что заставило меня подумать, будто для его препираний с Игроком имелся по-настоящему весомый повод. Не какая-то мелочь, а что-то действительно серьёзное.

— Слушай... — Начал Игрок, но тот его перебил:

— Забудь. Что было — то было. Погорячился я. Ты, конечно, порядочная сволочь, но... — Он вздохнул и сел на то, что я посчитал наковальней, и указал нам на такие же бесформенные конструкции в других углах комнаты. — Ну давай, рассказывай, зачем на самом деле пожаловал.

Игрок замялся. Я не привык видеть его таким: сомневающимся, оробевшим. Не укрылось от меня и то, что перед тем, как ответить, он украдкой посмотрел в мою сторону.

— А не знаю, — в конце концов признался он. — Нет никакой причины. По пути нам, вот и подумал, что неплохо бы заглянуть. Мы ведь и правда друзья... То есть, были друзьями.

Его собеседник цыкнул и многозначительно покачал головой.

— Что, опять в бегах?

По тому, как Игрок сник, можно было бы сразу, даже не зная предыстории, сказать, каков ответ на этот вопрос, но Кузнец уже более или менее успокоился и не стал наседать на него с новой порцией упрёков. Вместо этого он тихонько усмехнулся в бородёнку и поинтересовался:

— Ну и чем ты им в очередной раз насолил?

— В том-то и дело, что ничем, — пробормотал Игрок и кивнул на меня. — Вот он нагрязнул ко мне в логово с тремя из них на хвосте. Пришлось срочно сниматься с места.

— Вот как? — Тот удивлённо приподнял брови и снова перевёл на меня взгляд — на этот раз куда более внимательный. — Без шуток? Это ты разворошил их улей?

— Не то чтобы разворошил, — я содрогнулся от воспоминания о встрече с Беглецами. — Скорее попался под горячую руку.

Услышав это, он искренне рассмеялся:

— Точно, про них по-другому и не скажешь. Хотя, думаю, общее представление о них ты и так уже имеешь?

— Ну да... Общее.

— Я всегда говорил — если есть в смерти что-то хуже, чем сама смерть, так это они, болваны. Не счесть, сколько от них бед все натерпелись. — Было похоже, что тема Беглецов его увлекает гораздо сильнее, чем что-либо ещё. Сильнее, чем ссора с Игроком, от которой он так быстро отошёл.

— Они тогда и поймать его успели, — вставил Игрок.

— Даже так? Как же ты, приятель, свинтить умудрился?

— Ну... — Я задумался. — Мне просто повезло. Не очень умные попались.

— Ну да, ну да. И всё равно, один против троих?

Я хотел ещё что-то возразить, но понял, что меня не особо радует тема этой беседы и я

не против её сменить. К счастью, меня прервал громкий стук в дверь, и хозяин, извинившись, поднялся и пошёл открывать. Судя по звучащим голосам, пришёл кто-то из соседей, и он на какое-то время вышел наружу, оставив нас с Игроком наедине. Наступила долгая неловкая пауза, в течение которой мой друг решил, видимо, лучше изучить убранство дома; как будто избегая моего взгляда, он отвернулся к противоположной стене и упорно молчал, нервно барабанил ногой по полу и теребил в руках трубку.

Я неопределённо передёрнул плечами — плевать, конечно, что у них случилось и о ком была та реплика насчёт доверия, однако во всём происходящем точно чувствовалось что-то нездоровое. Нечасто я видел Игрока настолько подавленным, чтобы он не нашёлся, что сказать. Впрочем, это ещё ничего не значило: я в любом случае не собирался винить его за что-то, что произошло в прошлом, даже если там было нечто, действительно заслуживающее осуждения. Всё-таки, он уже не раз меня выручал, так что в каком-то смысле за мной оставался должок.

В таком несуразном молчании мы провели не меньше пяти минут. Когда Кузнец вернулся, он, кажется, не заметил возникшего в его отсутствие напряжения.

— Ничего важного, — зачем-то пояснил он, усаживаясь обратно на своё место. — Так на чём мы остановились?..

Остаток визита прошёл за пустой болтовнёй, не имевшей особого смысла. Так разговаривают о чём-то незначительном люди, вынужденные проводить время в чьём-то обществе и не способные уйти, когда захочется. Самым забавным в этом было то, что увереннее всех себя вёл сам хозяин дома. Он был похож на мечтательного старика, ударившегося в болезненные воспоминания о молодости. О своей недавней неприязни к Игроку он позабыл.

Беседа растянулась на долгие часы; уже прощаясь, мы задержались в дверях, хотя мне казалось, все мыслимые и немыслимые темы для обсуждения исчерпаны. Игрок, похоже, стал понемногу приходить в себя после устроенной взбучки.

— Ещё к кому-то из наших планируешь заскочить? — Спрашивал его Кузнец, когда мы стояли на пороге.

— Нет, нет... Может, позже. — Тот уклончиво тряхнул головой, давая понять — у нас есть другие дела.

— Ладно... Будет желание — заглядывай.

Они достаточно тепло обнялись, мне Кузнец на прощание не менее доброжелательно пожал руку, и мы наконец покинули его жилище.

На улице по моим ощущениям уже должно было смениться время суток, так долго мы пробыли внутри, однако, конечно, ничего не поменялось — вокруг до сих пор сиял день, создаваемый пожарищем. Не убавилось и людей.

Какое-то время Игрок продолжал хранить молчание, затем я спросил:

— Этот человек — он пришлый или местный? Я имею в виду, он попал сюда вместе с пожарищем или пришёл позже?

— Пришлый, пришлый... Мы с ним вместе сюда притащились, давно. Я же говорил, — добавил он, — что уже бывал тут. И ещё, послушай... То, о чём он рассказывал... Это в прошлом.

Я бессвязно промычал что-то, но услышав в моём голосе столь желательные одобрительные интонации, Игрок взбодрился.

— Ты не думай, я не врал и... И не недоговаривал, ничего такого. Всё правда в

прошлом, и... И ни на что не влияет.

Я почувствовал лёгкое раздражение. Во-первых, я всё ещё не понимал, о чём речь, а во-вторых, почему эта проблема настолько сильно его волнует, что он пытается убедить меня, что никакой проблемы и нет? Словно убеждает не меня, а самого себя.

Краем глаза я выхватил в толчее кого-то знакомого; мысли прервались. Я замедлил ход и повернулся в ту сторону, чтобы разглядеть, кто это, но через миг лицо человека уже скрылось из виду за вереницей спин. Это, впрочем, не помешало мне понять, что как минимум одна неприятность по-прежнему идёт за нами по пятам: на то самое мгновение в толпе я снова увидел своё собственное лицо.

Глава 15. Ошибки прошлого

Оторвались мы от преследователей или нет, но теперь стало ясно, что фантом перешёл реку сразу за нами и сейчас он находился где-то рядом, среди живущих здесь мертвецов. Странно, но я не особо паниковал по этому поводу — должно быть, подсудно чего-то такого и ожидал. Если Беглецы были, в сущности, такими же людьми, как и все остальные, то копирующий чужую внешность призрак даже для загробного мира воспринимался как что-то сверхъестественное и необычное, по крайней мере, не то, к чему со временем привыкаешь и перестаёшь замечать. Так что вряд ли нам с Игроком стоило полагаться на то, что его остановит или собьёт со следа простой ручей. В конце концов, мы и приблизительно не представляли, на что способно это существо — могло оказаться, что он уже обратился в кого-то ещё и в эту самую секунду остаётся незамеченным прямо у меня на виду.

И всё же я был рад, что с тех пор, как мы посетили Кузнеца, мы всё время проводили на ногах, бесцельно слоняясь по оживлённым улицам — чем многочисленнее вокруг, тем меньше шансов, что фантом снова нападёт. С того момента, как он мне показался, когда я вышел из хижины, больше я его не видел, но его присутствие ощущалось буквально кожей. Я точно знал, что он где-то рядом.

Игрок, похоже, не торопился с выполнением своего плана, которым, кстати, так до сих пор со мной и не поделился. Может быть, он хотел сначала присмотреться к городу-пожарищу, где он давно не бывал, оценить обстановку, узнать, что изменилось, пока он отсутствовал... А может, встреча со старым другом, так драматично воспринявшим его возвращение, что-то в нём подкосила. Внешне с ним всё было в порядке, однако я всё равно чувствовал, что что-то не так. Он стал молчаливее, не выпускал и без того горячо любимую трубку из рук, и складывалось впечатление, что его гнетёт нечто такое, о чём он мне так и не рассказал напрямую. Иногда он всё же выдавал какие-то скупые и абстрактные комментарии, вроде:

— А вот тут раньше проходила граница посёлка, — когда мы оказались в каком-то месте, абсолютно ничем не отличающемся от какого угодно другого. В этом случае я тактично отмалчивался, дабы ненароком не усугубить ситуацию. Разговоры обо всём, что затрагивало его прошлое, были теперь для меня под запретом. Я провёл рядом с ним достаточно времени, чтобы понимать, что не стоит давить и требовать выложить всю правду — сам поделится, когда захочет. *Если захочет.*

Что же касалось города — не знаю насчёт прошлого, но нынешние его масштабы воистину впечатляли. Застройка тянулась так же бесконечно, как местные поля, и чем дальше от центра, тем шире становились кольца, образуемые шеренгами домиков.

Вообще-то, кольцами оставались только те улицы, которые расположились ближе всего к пожарищу, там, где долина была достаточно широкой для них. Разрастаясь дальше и упираясь в обступившие их со всех сторон возвышенности, они превращались в слегка закруглённые полосы, таким образом заполняя всё свободное пространство между холмами.

Сами холмы отсюда, разумеется, тоже были видны: покрытые травой, ярко-рыжей при свете прозрачного пламени, и ещё более густой, чем вблизи, как мех какого-то сказочного животного. Рядом с ними я чувствовал себя крошечным и незначительным, как муравей, пробегающий под ногами у слона. Совсем недавно такими же маленькими казались мне и сами здешние обитатели, когда я смотрел на них сверху, спускаясь с одной из указывающих в

небо вершин. Что касается самого неба, то мне впервые удалось его как следует разглядеть. Ничего особенного — ни привычной синевы, ни облаков. Просто пустота, напоминающая натянутое там, наверху, бесконечное полотно. Необъятная даль, уходящая в космос, за которой, кажется, ничего нет. Как будто её что-то перекрывает, словно это на самом деле не небо, а прозрачный купол.

Исчезли из виду и уже ставшие привычными грозы, пылающие на горизонте. Точнее, деться-то они, скорее всего, никуда не подевались, просто их стало не видно из-за обилия холмов и дневного света, так же, как до этого я затруднялся разглядеть красное на чёрном, ещё на подступах к пожарищу. Всё это в совокупности делало поселение в моих глазах более реальным и осязаемым, чем всё прочее.

На улицах мы несколько раз столкнулись с другими знакомыми Игрока; к счастью, с ними не было таких сцен, как с Кузнецом — они лишь немного удивлялись, встретив нас, перекидывались с Игроком парой слов, и растворялись в толпе, напоследок приглашая его заходить при случае в гости. У него же, похоже, такого желания не оставалось. После очередной такой встречи я решил, что настало наконец время для разговора.

— Такое чувство, — произнёс я, догоняя его, — что пешком этот городок не пройти, уж слишком большой. Был бы я живым — давно бы ноги стёр в кровь.

Он хмуро взглянул на меня из-под полы шляпы и, помедлив, ответил:

— А никому в голову и не взбрёт по нему просто гулять. Он для этого и правда слишком большой. Люди здесь даже соседей, и то не всех в лицо знают.

— Значит, — проговорил я, вспомнив свои опасения, — при желании можно спрятаться среди них и никто не подумает, что ты чужак?

— В целом — да. Другое дело, что обычно это тоже никому не взбредает в голову. Любой Беглец среди этих людей будет выделяться, как свинья на танцах.

Получается, фантом действительно мог ошиваться поблизости и вряд ли кто-нибудь что-нибудь заметил бы. Хотя, со своим пустым, безэмоциональным лицом он бы выделялся даже здесь, в толпе. Интересно, как скоро кто-то заподозрит что-то неладное?

— А есть в мире мёртвых города ещё больше?

Игрок на мгновение задумался:

— Не знаю, я же не в каждом из них успел побывать. Кроме этого, я видел только одно пожарище... Оно гораздо меньше, всего-то тысячи две человек. Но и моложе. Сейчас небось, тоже выросло. Не до таких размеров, конечно, но всё-таки...

— А как люди узнают про такие места?

— Кто-то случайно натывается, кого-то приводят те, кто уже знает. И сам понимаешь, вторым способом чаще, чем первым. Некоторым везёт, и они замечают свет от огня где-нибудь неподалёку.

Продолжить расспросы помешал раздавшийся у нас за спинами звук, похожий на приглушённый взрыв. Я резко обернулся. Пламя пожарища на моих глазах энергично взвилось вверх, как костёр, в который плеснули бензина, и моментально выросло чуть ли не вдвое выше холмов; оно яростно металось и билось из стороны в сторону, словно на сильном ветру, однако ни исходящее от него освещение, ни температура не поменялись. Я огляделся — никто, включая Игрока, не обращал на это никакого внимания.

— Что происходит? — Спросил я, не отрывая взгляда от взъярившегося огня.

— Новое пожарище, — ответил Игрок будничным тоном. — Только что ещё одно возникло.

— Где?

— Где-то. Каждый раз, когда появляется новое, все старые делают так.

— То есть — делают?

— Они... Как бы сказать... Они как одно целое, один живой организм. Не в том смысле, что и вправду живые, а просто единая система. Как коллективный разум у насекомых.

Необычная вспышка, продлившаяся считанные секунды, постепенно затихала. Пламя успокаивалось и возвращалось к прежним размерам. Через несколько мгновений уже ничего в нём не напоминало о произошедших изменениях.

— Коллективный разум? — Переспросил я, не в силах отвернуться от пожара, окончательно пришедшего в нормальное состояние. — Но это же и означает, что они должны быть живыми, а они...

— А они — что? Не могут ими быть? — Игрок чуть насмешливо приподнял бровь над здоровым глазом. — А почему, собственно?

— Да потому что это огонь! Не человек и не зверь, а просто огонь.

— Ну, во-первых, не «просто», — поправил он меня. — А во-вторых, мы с тобой сейчас тоже не люди, мы мертвецы. А мертвецы по определению не могут быть живыми, не могут ходить, разговаривать. И всё же мы живём, ходим и разговариваем. То, что мы знали про жизнь и смерть, осталось где-то позади, запомни это. Здесь всё по-иному. Огонь — штука странная. Он двигается? Двигается. Разговаривает? Ещё как! Так почему бы ему и не быть живым, тем более в мире мёртвых?

Я с подозрением посмотрел на него:

— Ты что, опять шутишь? Ещё один из твоих розыгрышей?

Он деланно вздохнул:

— Ну... Не совсем. Вообще-то, они правда загораются в одно и то же время, как будто их что-то связывает.

— А это ты откуда знаешь? Ты ведь их видел всего-то два, и то не смог бы быть возле обоих сразу, так?

Едва я успел обрадоваться тому, что он начал забывать о ссоре с Кузнецом, как улыбка снова сошла с его лица. Не понимая, что такого сказал, я смотрел на него в ожидании ответа. Поколебавшись, он проговорил:

— Да, не смог бы. Мне кое-кто рассказал.

— Кто же?

Он опять замялся. Было видно, как он мучительно борется с желанием ничего не говорить. В конце концов он выдал из себя:

— Беглецы.

— Что? — Я слегка оторопел. — Они вроде бы не из тех, кто вот так запросто станет с каждым встречным чем-то делиться, тем более информацией.

— С каждым встречным нет, — он поднял на меня взгляд, в котором теперь чётко виднелось стальное ожесточение. — А друг с другом — да.

Я замер, пока смысл его слов постепенно разливался по моему мозгу.

— Ты хочешь сказать...

— Да, именно это я и хочу сказать.

Он сказал это медленно, с расстановкой, будто объяснял что-то идиоту.

— И всё же... Не уверен, что понял тебя правильно...

Он снова вздохнул — и на секунду зажмурился.

— Я был одним из них, одним из Беглецов. Поэтому так много и знаю про них, да и вообще про мир мёртвых... И кстати, я думал, ты уже и сам догадался. После той сцены...

Я молчал. Игрок заметно ссутулился, однако по-прежнему смотрел мне прямо в глаза. Мне это казалось чем-то невозможным, очередной его шуткой, сном — да чем угодно, только не правдой. Из всех, с кем я познакомился, по эту сторону, он сильнее всех прочих ненавидел Беглецов и всё, что было с ними связано. И вдруг он оказывается одним из них?

Я не заметил, как за разговором мы вышли в конец улицы, в тупик, отгороженный двумя совершенно одинаковыми хижинами и крутым склоном холма. Здесь даже было темнее и тише, чем в остальной части городка. Я устало прислонился к ближайшей стене; Игрок с виноватым видом встал поодаль.

— Значит, — язвительно подытожил я, — тот парень так на тебя набросился, потому что считает предателем. Да, я мог бы и догадаться. Но почему ж тогда в итоге он так быстро остыл?

— Да потому, что это в прошлом, я же объяснял! Это была сиюминутная злость, ничего серьёзного. На самом деле он знает, что я не способен на... на что-то плохое, — закончил он не совсем уверенно.

— Ну да, само собой. Зачем ты вообще к нему пошёл?

Тот развёл руками:

— Я же говорил, мы с ним друзья. Просто хотел повидаться, вот и всё.

Я ковырнул землю носком ботинка, вывернув толстый пласт — мысли в голове слишком роились, нужно отвлечься. Нужна передышка. Игрок, вздохнув, присел у противоположной стены.

— И что, собирать свою армию ты тоже решил чисто из ностальгических соображений?

Наступила его очередь непонимающе хмуриться:

— Что? Какую армию?

— Армию, которую ты планируешь создать, — чуть ли не выкрикнул я. — Как ты там говорил? «В одиночку их не одолеть, для этого нужна по меньшей мере вторая такая же армия», так, кажется? Сразу надо было понять, что ты ничем от них не отл...

— С чего ты это взял? — Перебил он меня. — Да проще дохлаю лошадь заставить скакать, чем местных организовать на что-нибудь. Тем более, часть из них и не сможет никуда уйти, помнишь? Они же привязаны. Да и с чего бы мне заниматься набором армии?

— Ну а зачем бы иначе ты сюда вернулся? С друзьями повидаться?

— Вообще-то, — ответил он уже спокойнее, — затем же, зачем ушёл вместе с тобой со станции, которая для меня стала домом. Спрятаться от Беглецов...

Он не закончил фразу, но мой внутренний голос сделал это за него: «... которых привёл ты».

— А если они нас найдут и сюда пожалуют? Об этом ты не подумал? Не боишься подвергать риску десятки, сотни, тысячи человек? В том числе друзей, как ты утверждаешь.

— Ну, к пожарищам они обычно не суются, что-то их отпугивает. А если и понадобится, местные за себя смогут постоять. Их же намного больше, чем всех Беглецов вместе взятых. И без пожарища бы справились.

— Надо же, — фыркнул я. — Какая предусмотрительность! В таком случае, раз уж ты хотел быть в безопасности на своей станции, почему было не прятаться прямо здесь?

— Когда я... Хм-м-м... Когда я *примкнул* к Беглецам, путь сюда мне в какой-то степени был заказан. Я стал изгоем. Предателей, как ты выразился, нигде не любят. Хотя, местные

награждали меня и куда менее лестными эпитетами. А сейчас время прошло, те события многие позабыли, и мне можно попробовать вернуться, тем более, шанс подвернулся. Всё-таки, я бы мог, наверное, назвать это место домом. Если бы только помнил значение этого слова.

Дверь возле Игрока распахнулась и из неё вышла пожилая женщина. Она поочередно посмотрела на нас так, словно не слышала разговора снаружи и никого не ожидала увидеть, потом, хмыкнув, двинулась вниз по улице. Я проводил её взглядом, затем перевёл его на Игрока. Тот сидел, внимательно глядя на меня единственным глазом. Кипевший во мне последние минут гнев постепенно улетучивался, так же, как недавно утихало после всплеска энергии пламя пожарища. Я на мгновение представил себя на месте друга: совершившего ошибку и теперь вынужденного расплачиваться за неё не то что всю жизнь, а гораздо дольше. На миг мне даже стало его жалко. Может, и нет ничего страшного в том, что когда-то он поступил не совсем правильно. В конце концов, как я и думал по этому поводу — он уже не раз меня выручал, так неужели я буду его винить за что-то, произошедшее так давно, что я не имею к этому отношения?

Вспомнил я и про первую задачу своих поисков, несколько заброшенную в свете последних событий — найти способ вспомнить, кем я был при жизни. Что, если там, в *моём* прошлом, скрывается что-то такое же неприятное? Стоит ли себя в этом винить?

— Ну так что? — Спросил Игрок с нарочитой небрежностью. — Я навязываться не стану. Одно слово — и разойдёмся так же, как сошлись. Будем каждый сам по себе.

— Не... Не болтай ерунды, — проворчал я. — Я... Я погорячился. Извини.

Забавно: только повторив вслед за Кузнецом извинения, я понял, почему он, поначалу вроде бы не готовый идти на компромисс, уступил и забыл про обиду, да ещё так быстро. Он, знающий Игрока лучше, чем я, видимо, тоже решил, что ошибки прошлого не стоят дружбы. Странно, но мне и самому полегчало, как будто проблема заключалась во мне.

— Ну... — Оставался, однако, ещё один вопрос, который я должен был задать. — Чем ты у них занимался?

— Тем же, чем и все. — Он поднялся на ноги, отряхивая штаны от пыли. — Я ходил в поисковом отряде. Вместе с двумя такими же умниками. Мы искали припасы.

— Ты ведь говорил... — Я поморщился, вспоминая. — Говорил, что не представляешь, зачем им эти припасы.

Он кивнул:

— А я и не представляю. Нам сказали искать — мы искали. Тащили всё, что на глаза попадалось, всякий мусор: железки, топливо, оружие, книги, одежду. Даже еду, хотя, казалось бы, на кой она мёртвым? Я успел смотаться рейдов на пятнадцать-двадцать, прежде чем улизнул. На одном из них, кстати, свою станцию и присмотрел, начал время от времени туда наведываться, чтобы отдохнуть... А позже окончательно на неё перебрался.

— И ты не боялся, что за тобой могут следить?

— А что ещё мне оставалось? Риск того стоил.

Я замялся, не зная, как сформулировать ещё один, последний вопрос.

— А ты, пока жил с ними... Ну, ты же не имел дел с теми, кто ловил других людей?

Он грустно улыбнулся, как бы говоря: хотел бы я, чтобы это было так. Увы, с некоторыми вещами ничего поделать нельзя, как бы ни хотелось.

Мы направились обратно по той же улице, и чем сильнее мы удалялись от тупика, тем оживлённее она становилась. Я заметил, что если идти из затенённого угла к освещённому

участку, откуда пожарище видно получше, то создаётся впечатление, будто солнце выходит из-за облаков или наступает рассвет, совсем как в нормальном мире... Суррогат, конечно — в действительности здесь и погоды-то как таковой нет. Не холодно, как в горах, где я нашёл замерзающую девушку, не жарко, не ветрено или ещё как-то, погоды просто нет. Иногда, когда нет абсолютно никаких звуков, появляется особая, звенящая тишина; такая же «звенящая» пустота ощущалась сейчас вместо погоды.

Ненастоящее солнце, вроде театральных декораций — плоских, картонных. Местных такая фальшивость, похоже, не очень волнует. А если бы и волновало, что с того? Едва ли кто-то из них способен на это повлиять.

Меня кольнула внезапная мысль — а что, если я попробую? Я уже давно не пользовался магией, но вдруг получится? Кое-кому удавалось хлопком ладоней вызывать гром и молнии, а я теперь стал гораздо опытнее, чем был Курильщик при нашей встрече. Так может, выйдет вытворить что-то эдакое? А не выйдет, так я хоть попытаюсь.

На мгновение я засомневался: в памяти невольно всплыл тот раз, когда я хотел помочь Счетоводу, и нечаянно устроил лавину. Однако тогда я и не понимал, что творю, сейчас-то всё по-другому. Просто надо быть осторожнее, вот и всё.

Я на ходу, не замедляя шага, попытался припомнить, как это делается: сосредоточился на одной мысли и постарался внушить её самой реальности, повторяя и повторяя, раз за разом. Я хочу, чтобы пожарище окутало облаками... Пожарище, окутанное облаками... Облаками... На меня опускается тень, я поднимаю глаза к пожарищу, закрытому пеленой, вижу тучи, собирающиеся возле вершины...

На долю секунды я даже опять впал в какое-то подобие транса, но быстро встрепенулся и бросил взгляд на гору-пламя. Ничего не поменялось — ни единого облачка, никаких изменений. Сказалось то ли отсутствие практики, то ли масштабы задачи. Ну что ж, попробовать стоило. По крайней мере, и ужасного ничего не случилось.

Мимо сновали люди, каждый занят чем-то своим. Человек пятнадцать сгрудилось вокруг пары, увлечённо играющей в какую-то игру с камешками прямо на земле. Трое молодых девушек переговаривались о чём-то на столь повышенных тонах, что невозможно было разобрать, о чём именно. Мужчина в потёртой серой одежде, напоминающей рабочую спецовку, переходил от дома к дому и коротко спрашивал о чём-то тех, кто открывал ему дверь, а затем шёл дальше. Город был похож на муравейник, со всеми его лабиринтами, одинаковыми улицами и массой прохожих на них. Я чувствовал себя здесь неуютно, словно не привык к таким местам. Если подумать, поля были мне больше по душе, в них ощущалось нечто спокойное, умиротворяющее, как в самой вечности. Про Игрока то же самое сказать я не мог: он, кажется, не только ориентировался тут не хуже, чем рыба в воде, но и получал от пребывания в городке истинное удовольствие.

— Так ты хочешь остаться? — Обратился я к нему, выворачивая из переулка на одну из улиц-дуг.

— Было бы неплохо, — отозвался он. — Других вариантов у меня сейчас всё равно нет. Куда мне податься? Про станцию можно забыть, это как пить дать.

— Тогда... — Я запнулся. — Не знаю. Меня как будто постоянно тянет вперёд. Если мы здесь исключительно ради того, чтобы спрятаться, то я бы предпочёл двигаться дальше.

— Вот оно что...

— Это вовсе не из-за той истории, — поспешно добавил я. — Просто не думаю, что это моё место.

— Да? А где тогда твоё?

— Послушай, я серьёзно. Для тебя твоя станция была домом, да и пожарище, наверное, тоже. А мне ни то, ни то не годится. Для меня и то, и то — чужое. А я должен найти своё.

Он вздохнул:

— Ну и куда ж ты в таком случае отправишься?

— Если бы я только знал... А что, есть предложения?

— Просто любопытствую.

Мне на ум пришёл давний разговор со Смотрителем, когда он мне объяснял, что всё предопределенно и мой путь обязательно выведет меня туда, куда следует, как бы я ни исхитрялся. Сохранилось ли у меня до сих пор стремление доказать, что он заблуждался? Возможно. А может быть, появилось что-то ещё.

— Помнишь, — начал я медленно, — ты говорил, что не веришь в существование высших сил, присматривающих за этим местом?

— Ещё бы не помнить.

— А что, если они всё же есть?

— Тогда... — Он на секунду задумался. — Тогда я с радостью пообедаю своей шляпой.

— Я не шучу.

— Я тоже. — Он нахмурился. — И, конечно, если действительно существует кто-то всемогущий, способный навести здесь порядок, но не делающий этого, то он самый ленивый и лицемерный ублюдок из всех, какого только можно представить, в любом из миров. К чему вообще такие вопросы?

— А вот к чему. Тебе никогда не хотелось узнать, кто ты такой? Я имею в виду, кем ты действительно был, а не в одном из этих твоих видений.

— А какой смысл? Допустим, узнаю, а дальше что?

От того, как его собственные слова складываются в цельную картину, я почувствовал необычайное удовлетворение. Совсем как предвкушение перед рассказом хорошей истории или смешной шутки.

— Мы являемся, по твоему, опять же, выражению, продолжением себя предыдущих. Получается, не пытаться вспомнить свою жизнь — всё равно, что добровольно отказаться от части себя, от собственного прошлого. Представь, например, что ты не помнил бы о том, что был когда-то одним из Беглецов.

— Звучит достаточно здорово...

— Нет, — перебил я его, — не звучит. Здорово было бы, если бы ты и в самом деле никогда к ним не присоединился. Но раз ты уже это сделал, забывать об этом нельзя, иначе ты станешь, по сути, тем же, кем был тогда. Сейчас ты осознал свою ошибку и стал лучше, а забудь о ней — и откатишься обратно, к тому, с чего начинал.

— Хорошо. — Проговорил Игрок после короткой заминки. — Представим, что ты меня убедил. И что с того?

— Так вот. Если кто-то и знает о тебе больше, чем ты сам, так это тот самый ублюдок, о котором мы говорили минуту назад.

— А с чего ты вообще взял, что он существует? Есть какие-то доказательства?

— Нет. Только косвенные подтверждения... Закономерности, повторения. Вроде всех этих фокусов с пространством и временем, или синхронных пожарищ. Они, конечно, ничего не доказывают, но на определённые мысли наводят.

Повисла пауза. Мы молча шли по улице, полной людей.

— Так себе подтверждения, — всё же произнёс Игрок и снова замолчал. Я ждал, когда он разовьёт мысль.

— И всё-таки, — наконец продолжил он, — что ты собираешься делать?

Я едва заметно улыбнулся:

— Ну, если всё же окажется, что и в самом деле где-то есть такой ублюдок, то почему бы его не навестить?

Глава 16. Исток

Уже через пару часов мы покинули пожарище — нас там больше ничего не задерживало, да и собирать вещи нужды не было. Многочисленные визиты к старым друзьям Игрока, пожалуй, придётся отложить до более подходящего момента. Может быть, к тому времени среди них увеличится количество тех, кто не станет покрывать его бранью, вспоминая о том, что он натворил. К сожалению или к счастью, человеческая память в отношении плохих поступков несовершенна, тем более если речь идёт о мертвецах, и сейчас это играло нам на руку: никогда не лишне иметь запасной план, пускаясь в опасное предприятие.

И вряд ли у кого-нибудь возникли бы сомнения, что наше предприятие опасно. Не говоря о Беглецах, возможно, до сих пор рыщущих по округе, и фантоме, меняющем обличия, мы не знали, с чем нам предстоит столкнуться, когда мы найдём то, что ищем. Путь первооткрывателей редко бывает гладким.

Несмотря на слова, сказанные Игроку, от пожарища у меня остались по большей части положительные впечатления, пусть оно и вырвало меня из сумеречного и одиночного образа существования, к которому я успел привыкнуть. И всё-таки я уходил без особой скорби — так, будто наведаясь туристом в какой-нибудь милый захолустный городок, посмотрел, как там всё устроено, но не собираюсь же я оставаться навсегда? Единственное, о чём я жалел, так это о том, что не удалось отыскать противоположный край посёлка — вышли мы из него ровно там же, где и вошли. Пройдя сквозь арку и поднявшись на тот же самый холм, мы отправились в дорогу, взяв немного правее, чем то направление, откуда пришли. При свете огромного пламени ориентироваться на просторах загробного мира оказалось значительно проще, да и холмы уже не казались такими одинаковыми и постоянно перемещающимися, как в темноте — ещё одно преимущество пожарища. После того, как всё закончится, надо будет хорошенько подумать, не вернуться ли всё же сюда насовсем.

Когда мы пересекали перевал, отрезающий пожарище от остального мира, Игрок в последний раз оглянулся на пылающий огонь, и свет снова отразился в его здоровом глазу. Постояв так несколько секунд, он отвернулся и зашагал прочь. На то, чтобы свет за нашими спинами окончательно погас, ушло время, слишком короткое по сравнению с тем, за которое он превратился для нас из маленького сияния на горизонте в громадный костёр. Больше пожарища не было видно. Холмы вновь погрузились в темноту.

Мы шли молча. Силуэт Игрока впереди мелькал с такой скоростью, словно он пытался от меня убежать, и я за ним едва поспевал. Не знаю, о чём он при этом думал, но выглядело это так, будто он злился на что-то, хоть я и не мог понять, на что именно. Он сам, без моего участия, вызвался меня сопровождать, я на этом не настаивал. Не в том плане, что его компания мне надоела, просто сейчас он ничем не мог помочь, и его присутствие теряло всякий смысл. Собственно, в этом и заключалась главная проблема нашего поиска — Игрок не представлял, где может находиться «ублюдок», как я про себя продолжил называть гипотетического хозяина загробного мира. Что уж говорить обо мне... Лично я надеялся, что мы разберёмся во всём, как и обычно, с течением времени, но бродить по залитым тенью полям совершенно вслепую казалось не слишком удачной идеей. Мы нуждались хоть в какой-то зацепке.

У нас не было никакого конкретного плана, которому бы мы следовали и на который

ориентировались. Раньше Игрок вёл меня в соответствии со своими представлениями о маршруте и наших целях, теперь же мы поменялись ролями и провожатым выступал уже я сам, при этом по-прежнему не имея понятия, куда идти.

И всё же, несмотря ни на что, впервые за проведённое среди мёртвых время я чувствовал, что иду правильно. Наверное, до того, как умер, я счёл бы это глупостью несусветной — тоже мне, интуиция! Но тогда я бы и рассказы о жизни после смерти посчитал глупостью, а сейчас я не мог в них не верить. Что, по сути своей, есть интуиция? Предсказание будущего. Звучит претенциозно и ненормально — в самый раз для загробного мира. Все, с чем я здесь сталкивался, в той или иной степени было претенциозным. Ненормальным же оказывалось буквально все, безо всяких степеней. Ещё одна монета в копилку доказательств того, что некий создатель или надсмотрщик всё же существует. Нет, не доказательств, конечно — догадок. Эта идея сама по себе выглядела настолько дикой, что просто обязана была оказаться правдой. Загробный мир. Настоящая страна чудес — куда ни плюнь, везде они.

Всматриваясь в фигуру Игрока, по привычке шагающего впереди меня с энергией, достойной лучшего применения, я подумал — а каким должен быть человек, чтобы стать Беглецом? Честно говоря, его собственное толкование объясняло не так уж и много, из него получалось, что надо лишь бояться смерти и не быть к ней готовым. Ну а кто из нас готов и кто не боится? Если считать подобным образом, так Беглецов должно быть по меньшей мере в десять раз больше, чем остальных. Я, разумеется, не знаю, сколько тех и других на самом деле, но сомневаюсь, что хотя бы поровну. И перевес явно не на стороне бунтовщиков. В одном только пожарище, которое мы покинули, жителей набралось бы... в общем, немало.

И всё-таки, какие качества определяют того, кто способен по своей воле прибиться к изгоям, даже после смерти? Как заявил Игрок, они хотят сбежать отсюда, но куда? Не обратно же к живым. Как они себе это представляют? Едва ли они настолько безумны, чтобы надеяться попросту вернуться в мир живых. По меньшей мере, при нашей первой встрече мне так не показалось. Дикарь из канализации был безумным, спору нет, а про троих парней, схвативших меня, я бы так не сказал. Они были скорее... целеустремлёнными, да. Зацикленными до невозможности. Опять же — всё в соответствии с историей Игрока. Впрочем, нередко истинное безумие кроется как раз в том, кто кажется тебе нормальным. Кажется до тех пор, пока не произойдёт взрыв.

Так или иначе, подобные вопросы не заканчивались. Во что верил Игрок тогда, принося им клятву верности? В метафорическом, конечно, смысле — несмотря на всю организованность и дисциплину, вряд ли у них присутствовали такие ритуалы, скорее символические, чем имеющие практическое значение. Если кто-то хочет тебя предать, его никакие клятвы и договоры не остановят. Фикция, пустые слова. Нужен результат — полагайся не на болтовню, а на реальные дела.

Я попробовал мысленно разложить по полочкам того Игрока, которого знал. Того, с которым познакомился на станции метро и который меня постоянно выручал. В нём было сполна эгоизма, самовлюблённости, грубости — не самых положительных черт характера, однако по-прежнему недостаточных для того, чтобы связаться с плохой компанией. Слишком плохой. Будь он капризным ребёнком, не способным критически мыслить и принимать решения — тогда пожалуйста.

Но случай не тот. Игрок был ничуть не глупее всех тех, кого я встречал в мире мёртвых. В то же время я знал его как надёжного друга, на которого мог положиться. Он с

готовностью делился со мной тем, что имел, никогда не бросал в беде и всегда был честным. Ну, в определённой степени. В любом случае, его достоинства намного превышали недостатки. Почему же тогда он поступил так, как поступил? Если среди Беглецов попадаются хорошие люди, значит ли это, что они не такие уж мерзавцы? И я сразу ответил сам себе — нет. Обыкновенная погрешность. То, что Игрок не мерзавец, повлияло как раз на то, что он от них ушёл. А когда он к ним только примкнул, то явно понимал, на что идёт. И мотив, по которому он к ним изначально прибил, так, похоже, и останется для меня загадкой. По крайней мере, до тех пор, пока...

Мои рассуждения прервал толчок в грудь — задумавшись, я наткнулся на внезапно вставшего столбом Игрока. Он, опираясь на свой посох, смотрел на что-то прямо перед собой, на земле. Подойдя ближе, я увидел, в чём причина задержки: впереди плескалась вода. Мы вышли к реке. Должно быть, к той же самой, что пересекли, направляясь в сторону пожара.

— Ну что, — спросил Игрок без тени улыбки на лице. — Куда теперь?

Я повернулся сначала направо, затем налево. Никакой разницы. Что там, что там одинаковый поток, исчезающий в темноте на расстоянии десятка метров от нас. «Должна же река где-то начинаться и заканчиваться».

Я подошёл ещё ближе, так, что мои подошвы чуть-чуть погрузились в вязкий мокрый песок, смешанный с речным илом. Присел на корточки и окунул пальцы в воду, наслаждаясь кусающим их холодом. Странное ощущение, давно забытое... Разве мёртвые могут его чувствовать? Из здешних я помнил только одного человека, кому холод докучал. Точнее, не совсем так. «Докучал» — слишком мягко сказано.

В ушах зазвучал её заикающийся голос: «П-пом... Пом-моги мн-не», перед глазами возникли очертания тонкого серого лица. В животе жалобно заныло. Я встряхнул головой и поднялся на ноги. Игрок, ни на миллиметр не сдвинувшийся с той точки, где стоял, вопросительно смотрел на меня из-под шляпы.

— Течение направляется туда, — я указал направо. — Значит, пойдём в другую сторону. Выйдем к истоку, как ты и говорил. Хотя бы узнаем, заканчивается где-нибудь река или мы опять ходим по кругу.

Он ничего не ответил, только коротко кивнул и, снова обогнав меня, зашагал впереди. Вздохнув, я последовал за ним.

Сейчас, когда мы шли вдоль русла, река всё время находилась рядом, но в темноте я её не видел. Мы держались на некотором расстоянии от неё, однако же я отчётливо слышал журчание воды. Тихое и спокойное, такое бы больше подошло какому-нибудь крошечному ручейку. А впрочем, оно идеально дополняло умиротворяющую атмосферу полей. Было в них что-то такое, расслабляющее, что ли. Особенно так, когда их золотистый цвет приглушала тьма.

Плеск бегущего потока убаюкивал, и я поймал себя на том, что буквально засыпаю на ходу. До этого я не спал ни секунды. Учитывая, что я, по сути, ничего не помню из своей прошлой жизни, я и не знаю, что это такое — спать. То есть, конечно, теоретически представляю, но на практике ни разу не пробовал.

Я вспомнил видение, когда мне почудился океан, прорывающийся из реального мира в наш. В нём было что-то общее с этим не-видением, со звуком воды чуть ли не над самым ухом, с берегом, скрытым густой травой, что росла вплотную к нему...

В себя меня привёл внезапный шквал ветра, хлестнувший прямо по лицу. Я встал как

вкопанный и растерянно огляделся вокруг. Знакомое ощущение... Совсем как в тот раз, когда я ориентировался по сквозняку в крошечной тьме пещеры. Вот только теперь под боком нет ни пещеры, ни тоннеля, ни чего-либо ещё, что могло бы вызвать сквозняк.

Впереди маячил силуэт остановившегося Игрока — значит, и он что-то заметил. Развернувшись ко мне вполборота, он легко взмахнул ладонью перед своим лицом и спросил:

— Чуешь?

Я сразу понял, о чём он. Через сладковато-приторную гарь костров, витавшую в воздухе, до меня донёсся совершенно иной запах: запах холода.

Мы двинулись дальше; я почувствовал, что дорога опять забирается в гору. В прошлый раз понадобилось немало времени, чтобы дойти до высоты, где шёл снег. Сейчас же белые крапинки замельтешили перед носом буквально через секунды после нашей заминки. Я, увидев их, даже протёр глаза, на случай, если это обман зрения или мираж, который получится просто сморгнуть. Но не получилось. Снег продолжался, и с каждой минутой он становился сильнее.

Река оставалась сбоку от нас, я её слышал. Похоже, исток где-то в горах — я мог ошибаться, но в сумраке, кажется, вырисовывались уже знакомые контуры горных вершин, складывающихся в зачатки хребтов. Я как будто прошёл по кругу и вернулся туда же, откуда начал. Но в этот раз маршрут оказался гораздо короче. Время и пространство, закрученные в кольцо... Или в спираль.

Живот свело так, как если бы я ничего не ел целую вечность. Хотя, я ведь и правда ничего здесь не ел, не считая того яблока, которым меня угостил Игрок на станции... А, что за глупость... Не может же голод начаться вот так внезапно. Или может? Яблоко... Что, если съев его, я нарушил какие-то местные правила и в результате потерял способность обходиться без пищи? Если в загробном мире действительно есть создатель, надсмотрщик — или как его ещё назвать — то должны быть и правила. И нарушать их, очевидно, нельзя.

Так, стоп... Я сжал переносицу пальцами, как при мигрени. Что за бред... Я что, с ума схожу? Слишком много предположений, слишком многие из них опираются на другие допущения и слишком много в них странностей на грани безумия. Всему есть предел. Нельзя этому поддаваться, надо мыслить рационально. У меня просто разболелся живот, а я уже нагородил в голове невесть чего.

Снег всё усиливался; лёгкий ветерок превращался во вьюгу, ноги стали утопать в наметённом слое всё глубже, и тем медленнее мы шли. Вскоре мы брели, коленями разгребая сугробы. Река тоже оставалась поблизости — несмотря на мороз, она не замерзала, до меня по-прежнему доносилось её равномерное журчание. Может, она подобно нам, мертвецам, не боялась холода, а может, что гораздо более логично, заледенеть ей не давало течение. Я тихо усмехнулся: вот и она, холодная рациональность.

Игрок так и сохранял молчание; мы ни словом не обменялись, пока не заметили её.

К тому моменту мы пробирались по такой же занесённой метелью горной тропе, как и та, где я в своё время встретил Счетовода. Справа от нас тянулась гряда невысоких скал, перейти через которые, впрочем, мы бы не смогли, поэтому продолжали идти вдоль них. И вдруг, за очередным поворотом, в этой стене показалась брешь. За ней открывалась узкая долина, покрытая снегом. Ноющая боль в животе неумолимо поползла наверх.

Теперь мы стояли на распутье. Точнее, я стоял. С одной стороны — река и её исток, а также наши поиски. С другой — это место, где я уже бывал. Место, где я нашёл её. Если бы

меня спросили, я вряд ли смог бы объяснить, почему постоянно думал о ней. Или почему каждый раз при такой мысли мой живот выходил из себя.

Игрок подошёл сзади и положил руку мне на плечо.

— Хочешь знать, зачем я делаю то, что делаю? — Проговорил он, не отрывая взгляда от ущелья. — Затем, что я помню всё, что натворил, каждую секунду, в мельчайших подробностях. Всё произошедшее живёт вместе со мной. И мне до сих пор страшно из-за этого. Некоторые пятна не сводятся, они остаются навсегда. Такие, например, как это, — он повернулся ко мне изуродованной стороной, демонстрируя ломаную линию на месте отсутствующего глаза. — Или это, — сдёрнул с шеи воротник, обнажая тонкий красный шрам, опоясывающий горло. — У меня таких шрамов полно, и Беглецы — только один из них. От этих шрамов нельзя избавиться, да мне, наверное, и не хотелось бы. Можно только помнить о них и постараться не совершать подобных ошибок опять. Ты правильно сказал — нельзя забывать о своих ошибках или делать вид, что их и вовсе не было. Можно лишь попытаться исправить их, искупить вину. Тебе это чувство знакомо не хуже меня, не так ли?

Несмотря на простоту стоящего передо мной выбора, я медлил. Любое из возможных решений казалось мне неправильным. Я мог выбрать только один вариант развития событий, здесь не было компромисса, который помог бы достичь обеих целей. Тот случай, когда либо одно, либо другое.

В конце концов я решился. Повернув направо, я направился в долину. «Попытаться исправить ошибки, искупить вину». За спиной послышались хрустящие по снегу шаги Игрока, следовавшего за мной. Забавно: я представил, как перед этим он безразлично пожал плечами.

Сомнений в том, что это именно то самое ущелье, у меня практически не было: такие же гладкие стены, точно нарочно вытесанные из камня и отполированные до такой степени, что на ощупь не мудрено перепутать их с зеркалом. Не говорю, что во всём загробном мире не нашлось бы второго такого, но окончательно в своей правоте я уверился, когда мы наткнулись на пирамиду высотой почти в мой рост, сваленную из булыжников. Я сам сложил её когда-то, боясь, что пройду по кругу, вернусь сюда — и не пойму этого без ориентира. Что ж, вот и вернулся. И понял.

Сейчас снег здесь валил не так обильно, как при первом моём визите. По крайней мере, дорогу перед нами засыпало не быстрее, чем в начале подъёма. Если память меня не подводила, идя по этой расщелине впервые, я едва перебирался через сугробы. Сейчас же мы брели лишь по колено в снегу. Не так уж страшно.

Спустя какое-то время после обнаружения пирамиды мы вышли к полянке, как будто утопленной относительно уровня всей остальной долины. Идеально ровный кусок земли, покрытый деревьями и зеркально гладким слоем снега, без единого следа. И там, на другом конце этой полянки одиноким светлячком горел огонёк костра.

Костра, возле которого она пыталась согреться. Удивительно, что ей удалось развести его снова... Когда я её покидал, она была, по правде говоря, не в том состоянии, чтобы справиться с этим. Я спустился вниз и, не дожидаясь Игрока, двинулся к палатке, ещё не видимой, но стоящей, как я знал, там же, неподалёку от огня, спрятавшись под скалой. Вскоре её очертания действительно выступили из темноты.

Я ускорил шаг. Жгучее чувство в животе усилилось, но я не обращал на него внимания. Я был мёртвым, моё сердце не билось — но я буквально ощущал, что оно вот-вот выскочит из груди. Оставались считанные секунды до того, как я подойду, увижу её и...

Игрок, всё это время шедший позади, толкнул меня в спину, да так, что я растянулся перед ним на земле. Не успел я даже сообразить, что происходит, как в следующее мгновение на то место, где я только что шёл, с грохотом разрывающегося снаряда упал здоровенный валун. Краем глаза я заметил, как сам Игрок отпрыгивает, уворачиваясь от другого такого же, размерами не уступающего тому, что чуть не раздавил меня. Ещё через миг такие же булыжники величиной с саму палатку посыпались по всей долине — по меньшей мере, мне так показалось тогда. Очередной камень приземлился в метре от моей головы, взорвав прямо мне в лицо фонтан снега. Я перекатился в сторону, чтобы не угодить под следующий, но в начавшейся суматохе рассчитывать оставалось исключительно на удачу.

Катаясь по взрытому снегу посреди камнепада, я одновременно пытался отыскать взглядом палатку. Я не видел, пострадала ли она, но костра уже не замечал. Только бы из-за хаоса, а не...

КРАК.

На валун поодаль от меня ухнул ещё один, и они оба раскололись с тем же неприятным треском, с каким, должно быть, раскалывается череп. Меня осыпало уже не снегом, а мелкими острыми осколками.

Где-то сбоку послышался крик:

— Обрати! Беги обратн!

Стоя в центре рушащейся долины, я не знал, что делать — последовать этому совету или бросаться на поиски того, ради чего сюда и пришёл. На выбор ушло меньше секунды — я рванул туда, где по моим представлениям должна была находиться палатка. Может быть, мне показалось, но за спиной прозвучали проклятия Игрока.

Камни продолжали сыпаться настоящим тропическим ливнем — если бы, конечно, одна-единственная капля могла убить. Говорят, что проскочить между каплями дождя нельзя, но каким-то невероятным образом мне это удавалось. Я шагал между ними, шатаясь, словно пьяный, и оставался невредимым.

Палатку я заметил неожиданно, как будто она возникла из воздуха. Она возвышалась над поляной так же, как и раньше, хотя землю вокруг неё густо покрывали булыжниками. Я метнулся к ней сломя голову, рискуя попасть под одну из капель, но споткнулся и беспомощно распластался на снегу. Быстро перекатился на спину, попробовал подняться, но в следующее мгновение меня снова сбил с ног камень, грохнувшийся прямо передо мной. Больше не предпринимая попыток встать, я пополз сквозь снег, разгребая его голыми руками.

До неё оставалась уже пара метров. Ещё немного, чуть-чуть... Очередной взрыв в шаге от меня забрызгал снегом лицо. Я хотел вытереться на ходу, но не получилось, и пришлось остановиться, чтобы протереть глаза и отплеваться от колючей массы, набившейся в рот. Тут же мелькнула мысль: а что, если я всё же умру? Кажется, ещё ни разу я не был к этому так близок.

Всё произошедшее, начиная с того, как мы вошли на поляну и до настоящего момента, заняло не больше нескольких секунд. В следующий же миг что-то ударило меня в плечо, пригвоздив к земле — не толкнуло, как сделал Игрок, спасая меня, а ударило. Не чувствуя боли, но почему-то сжав зубы, я рванул вперёд, однако новый снаряд, угодивший в воронку рядом со мной, отшвырнул меня в сторону.

И наступила долгожданная тишина.

Глава 17. Жертва

Я открыл глаза и сразу же почувствовал собственное дыхание, ровное и ритмичное. Не вскочил, ошарашенно оглядываясь по сторонам, не принялся тяжело дышать, как после удушья. Просто открыл глаза и уставился в натянутую надо мной черноту — небо, наверное. Совсем так же, как в тот раз, в самом начале, при первом пробуждении. Всё опять по кругу... Не удивлюсь, если через минуту Курильщик снова окликнет меня и попросит сигарету, а я полезу за ней в карман, зная, что её там быть не должно. А после он примется объяснять мне, где это я оказался...

Я поднялся на ноги. Я помнил всё произошедшее до мельчайших подробностей, в том числе вырубивший меня удар, однако у меня ничего не болело. Я специально пошевелил руками и ногами, дабы убедиться в этом, даже осторожно ощупал голову. Ни царапины, ни синяка. Как будто ничего и не было. Напротив, я ощущал какой-то небывалый прилив сил, словно не пришёл только что в себя чёрт знает где, получив камнем по затылку, а хорошенько выспался. Странное чувство.

Я осмотрелся. Совершенно незнакомое место — если забыть на секунду о том, что отдельные части загробного мира неотличимы друг от друга. Так или иначе, поле, где я сейчас находился, точно не было той же самой долиной, в которой мы с Игроком попали под камнепад. Здесь о нём ничто не напоминало, как и о снеге. Я стоял посреди такой же холмистой местности, где и впервые проснулся. Ещё один сигнал в пользу того, что всё происходившее со мной повторяется раз за разом. Единственное отличие этого пробуждения от предыдущего — я очнулся на пяточке, лишённом травы, как, впрочем, и всякой другой растительности. Колышущаяся от ветра трава окружала меня со всех сторон, но на расстоянии метра-двух от моих стоп она исчезала, и стоял я на абсолютно голой земле. Не было тут, разумеется, и Курильщика. Холмы, чьи верхушки выглядели из-за края тёмно-рыжих зарослей, тоже казались одновременно и знакомыми, и какими-то иными.

По правую руку, в самой гуще травы, мне почудилось какое-то движение. Я инстинктивно напрягся, но через мгновение понял, что это Игрок. Пока я отдыхал, он сидел там, в темноте, но увидев, что я прихожу в сознание, встал и направился ко мне. Он был не в настроении с того момента, как мы покинули пожарище, сейчас же, кажется, всё стало гораздо хуже. Его единственный глаз мрачно сверкал из-под полы шляпы не хуже, чем бусинки на месте глаз трубки-ворона, а в каждом жесте сквозила нервозность. Я не мог его за это винить — сначала я, взяв на себя роль проводника, завёл его в какое-то ущелье, свернув с маршрута, а потом ещё и сунулся в самое пекло вместо того, чтобы спастись. Глупый поступок, не стану отрицать. Но доведись мне снова туда вернуться, и я поступил бы точно так же.

— Что случилось?

— Что случилось? — Он неопределённо хмыкнул, остановившись рядом со мной. — Случилось то, что тебе в голову взбрело невесть что, и ты по доброй воле полез под эти проклятые камни. Я, признаться, за время нашего знакомства пару раз задумывался — а не слишком ли молодым ты сюда попал? Но если ты и при жизни себя так вёл, то ничего удивительного. Такие долго не живут.

— Да, это я понял. Я имею в виду, что случилось, когда я...

— Когда тебя вырубил очередным бульжником? Ну, я тебя спас. Вытащил на себе,

рискуя, вдобавок к твоей, ещё и своей шкурой. Вообще, повезло, что в тебя прилетел не такой же здоровенный валун, как все остальные, а так, маленький осколок, не больше моего кулака. Не хочу повторяться, но такое поведение тебя до добра не доведёт. Это я тебе говорю, а я сам не особо-то и... Да какого чёрта ты вообще туда полез?!

Я ничего не ответил. Мне не надо было напоминать о том, *что* там творилось — перед глазами до сих пор стояла крошечная полянка, засыпанная камнями, как осенняя улица жёлтыми листьями. Я точно помнил, что палатка оставалась нетронутой, когда я успел её увидеть, за секунду до удара. Но что с ней теперь? Вряд ли она могла уцелеть. Так что с ней стало? С ней и с...

— Ты меня слышишь?

— А? — Голос Игрока вернул меня в реальность. — А, да... Ты меня спас, вытащил оттуда, рискуя шкурой. Я себя повёл глупо. Так получилось...

— Так получилось?! Даже мне не взбрело бы в голову самостоятельно лезть в петлю. — Он помолчал. — Надеюсь, у тебя на то имелись серьёзные причины.

— Более чем.

— Чёрт бы тебя побрал...

Снова наступила тишина. Я на миг закрыл глаза, подставил лицо обдувавшему нас ветру и прислушался к ощущениям. Скванные вечным сумраком бесконечные поля, до того вызывавшие умиротворение и спокойствие, сейчас угнетали. На душе было слишком уж паршиво, и их вид не особо помогал.

Мой взгляд скользнул поверх дрожащей травы. Никаких гор и в помине не видно; должно быть, мы уже далеко от того ущелья. Я повернулся к Игроку

— А где мы, собственно?

— Внизу, на равнине. Я тебя отнёс обратно. Не хотел удачу испытывать — вдруг опять обвал начнётся или лавина сойдёт... Правда, реку заново отыскать не удалось, так что до истока мы теперь вряд ли доберёмся.

Я вздохнул... А и чёрт с ним, пожалуй, с этим истоком. Он, как-никак, с предметом нашего поиска связан не был. Так, своеобразный эксперимент.

Я медленно сел туда, откуда пять минут назад встал.

— Чёрт с ним, — прошептал я, обращаясь скорее к темноте, чем к себе или к другу. Игрок, услышав, ухмыльнулся:

— Лишь бы не с нами.

Я покосился на него и вздохнул снова, сильнее и громче. Что тут скажешь — верен себе. Только что был мрачнее тучи, и вот уже язвит и подбадривает одновременно. При виде его лица, странно перекошенного из-за прищуренного глаза, но всё равно улыбающегося, и мне полегчало. Я даже чуть было не рассказал ему о том, *кого* я надеялся найти там, на занесённой снегом поляне с одинокой палаткой и почти потухшим костром. В последний момент что-то меня остановило.

Сидя на земле и уставившись в непроглядные заросли, я опять вспомнил то ущелье, побывать в котором мне довелось дважды. Чем-то оно мне напоминало место, где мы сейчас находились — там небольшой участок земли, чистый от сугробов, здесь — от травы. И я в центре, как камень в центре кругов, расходящихся по воде. Может, они как-то связаны друг с другом, та полянка и эта?..

Я тряхнул головой — ладно, такая идея ни в какие ворота не лезет. Просто совпадение, ничего больше. Я, заиклившись на одной вещи, вижу то, что хочу видеть.

А может быть, я действительно схожу с ума? Если так, то неплохо бы знать, когда именно безумие началось. Вдруг на самом деле я до сих пор лежу у себя в кровати, и всё мне попросту снится? И Курильщик, и Беглецы, и метро, и Игрок, и замерзающая девушка — всё. Станный получается сон, должен сказать. А будильник никак не зазвонит.

Я хрипло рассмеялся собственной мысли, во весь голос. И правда — чем не сумасшедший? Игрок уставился на меня с удивлением:

— Ты что, двинулся?

— Ага, как раз об этом думаю. А ещё вот о чём — ты вообще настоящий? Может, ты мне чудишься?

Он подумал секунду, затем размахнулся и от души отвесил мне затрещину, такую, что я повалился на бок. Не успел я прийти в себя и подняться, как он проговорил, разводя руками:

— Не волнуйся, это тебе тоже почудилось.

Я потёр ушибленное плечо.

— А я-то собирался попросить тебя ущипнуть, чтобы проверить, смогу ли проснуться.

Мы оставались на том же месте ещё долго. У нас так и не появилось никакого конкретного плана касательно того, что нам делать и куда идти, а бродить наугад безо всякого смысла больше не хотелось. Кто знает, вдруг нам суждено так же осесть на одном месте, как Курильщик, до сих пор, наверное, не покинувший своего камня? С той разницей, что он и не догадывается, *что* ждёт его за пределами зоны комфорта, а мы с Игроком уж наверняка представляем. Испытали, можно сказать, на собственной шкуре.

Смешно, но эта поляна выглядела хорошим укрытием, даже, пожалуй, более надёжным, чем станция метро, где жил Игрок, или пожарище: те громадины рано или поздно привлекут чьё-нибудь внимание, а здесь, на крошечной прогалине посреди бесконечного поля, мы можем оставаться незамеченными сколько угодно долго. И только кому-нибудь чрезвычайно удачливому (или неудачливому, как посмотреть) повезёт наткнуться на нас. Возможно, её было бы проще отыскать с помощью той «магии», которую Курильщик использовал, когда показывал мне, как вызывать гром, и неумелое обращение с которой же однажды привело к лавине, однако мне уже не удавалось ею воспользоваться. Может быть, конечно, проблемы возникали из-за концентрации — в голове у меня сейчас творился настоящий хаос. Но я всё же склонялся к версии, что Смотритель был прав, и эта способность исчезла насовсем.

Так или иначе, любому, кто вздумал бы нас разыскивать, пришлось бы полагаться на чистое везение. По крайней мере, Беглецам. Что ни говори, а от того, чтобы вести в загробном мире спокойную оседлую жизнь, одни плюсы. Правда, в этом случае мы рисковали бы второй раз умереть не от множества опасностей, поджидавших впереди, а от скуки — единственным развлечением, доступным для нас в такой глуши, были разговоры. Как будто мы и так недостаточно тратили времени на болтовню.

А впрочем, о чём поговорить, мы по-прежнему находили. Игрок между делом обмолвился об ещё одной занимательной детали нашего бегства из ущелья: вытаскивая меня, он успел заметить наверху, на гряде скал, окаймляющих долину, какой-то силуэт. Трудно представить, чтобы всего один человек смог устроить то, что там творилось, но, судя по описанию, это был не кто иной, как наш старый знакомый-фантом. Видимо, он перебрался-таки через реку и проследовал за нами вплоть до самого ущелья. Рассказывая о случившемся, Игрок как-то странно на меня взглянул, словно о части истории он умолчал. При этом, утверждал он, на обратном пути, со мною на плечах, ничьих чужих следов он не обнаружил, лишь наши собственные — оставленная нами в глубоких сугробах колея никуда не делась.

Такое противоречие навело меня на ещё кое-какие мысли, но озвучивать их сразу я не стал. Понятно было одно — фантом не потерял нас, и, учитывая его способности к поискам, он отыщет нас даже тут. Вопрос только во времени.

А может быть, он, мой двойник, прямо сейчас наблюдает за нами из тьмы. Вообще, я уже более или менее привык к темноте, и видел в ней лучше, чем поначалу, но в ней всё ещё не составляло труда спрятаться. Я поёжился, представив, как он смотрит на нас с какой-нибудь возвышенности моими же глазами, лишёнными всякого выражения. Почему-то в этих представлениях его глаза горели красным. Я невольно огляделся вокруг ещё раз, проверяя, не видны ли где-нибудь в сумраке два красных огонька. Конечно, ничего такого не было.

Шутки шутками, но надо было что-то предпринимать. Мы, разумеется, не могли весь остаток вечности попросту сидеть на земле и гнить, как... Как трупы на кладбище.

Я зажмурился, пытаюсь собрать мысли воедино. Клянусь, не будь я мёртв, сейчас мою голову разрывала бы жуткая мигрень — столько разных забот свалилось. А ведь при жизни, уверен, мне не раз говорили, что отдохну я на том свете. Вот тебе и отдых.

— Ну что, есть какие-нибудь идеи? — Обратился я к Игроку. — Насчёт того, куда двигать теперь.

— Не особо. В голове хоть шаром покати. А у тебя?

Я невесело усмехнулся:

— Нет уж. Я себя проводником попробовал — и хватит. Не очень-то понравилось. Да и тебя, можно сказать, подставил. — Я задумался на секунду. — А может, вернёмся к пожарищу? Там ведь народу полно. Мало ли, вдруг найдётся кто-нибудь, кто сможет подсказать...

— А ты забыл, что я о пожарище говорил? — Ответил он, извлекая из сумки свою любимую трубку и раскуривая её. — Они не путешественники, и это ещё слабо сказано мягко выражаясь. Если они куда и знают дорогу, так только к соседям, когда о чём-нибудь поболтать захотят. Не все такие, конечно, — поспешил он добавить, поймав мой укоризненный взгляд, — но всё же на их помощь я бы особенно не рассчитывал.

Он затаился, и в темноте разгорелись красные глаза-угольки ворона. Я угрюмо посмотрел на них. Должен же быть хоть какой-то выход?

Со стороны Игрока донеслось ненавязчивое покашливание. Я повернулся к нему.

— Неважно себя чувствуешь?

— Ага. Из меня кое-что так и рвётся наружу.

Я раздражённо поморщился, но всё же ответил:

— А я думал, мертвецы не болеют.

— О, — он ухмыльнулся, — это болезнь немного иного рода. Ею, знаешь ли, даже мертвецы иногда страдают. Называется «болтливость». Поделиться я с тобой хочу кое-чем. Одной идеей.

— Ты же говорил, нет у тебя никаких идей.

— Ну вот, появилась.

— Ладно... Выкладывай.

Он заёрзал, усаживаясь поудобнее, потом поднял перед собой тлеющую алым трубку и с важным видом продекламировал:

— Если не хватает друзей — ищи их среди врагов.

Я уставился в пустоту.

— И что это, по-твоему, должно значить?

Игрок пожал плечами:

— То и значит. Раз сами справиться не можем и помочь некому, нужно идти к тому, кого раньше в расчёт не брали.

— И к кому же, например? Я не понимаю.

— А ты подумай. Попробуй рассуждать логически. К кому мы ещё не обращались? К каким общим знакомым?

Я в недоумении сдвинул брови. Общим знакомым? О чём он? У нас с ним и нет практически никаких общих знакомых. Разве что, кроме...

— Нет, — произнёс я, сообразив, *кого* он имеет в виду. — Нет, нет. Ты же не серьёзно?

— А что, похоже, что я шучу?

Я с досадой покачал головой. Мне-то откуда знать? Он всегда выглядел и вёл себя так, будто у него припасена шутка, да поглупее. Но даже не в этом было дело — если я его правильно понял, он предлагал просить помощи у тех, кто меня пытался похитить и кого он сам презирал, как никого больше. Вот уж действительно — шутка как раз в его духе.

Впрочем, всё же не было похоже, чтобы он шутил — в кои-то веки. Он без капли привычного веселья во взгляде смотрел на меня в упор так, словно ждал реакции. А что я мог сказать? Мне хотелось не то расплакаться, не то расхохотаться. Наверное, истерика так и начинается.

Не дождавшись от меня ничего другого, кроме невнятного мычания, Игрок тяжело вздохнул и отвернулся.

— Так и думал, — проговорил он, — что тебе это не придётся по душе.

Такое заявление наконец вывело меня из оцепенения:

— Да неужели?! С чего бы вдруг, интересно? Пораскинь мозгами!

— Ну-ну, — пробормотал он, постукивая трубкой по подошве, чтобы вытряхнуть из неё погасшую золу.

— Ну-ну? «Ну-ну». — Я повторил за ним, пробуя слово на вкус. — Всё, что ты можешь возразить? «Ну-ну»?

— Я не возражаю. Или ты полагаешь, что знаешь лучше меня, чем это чревато? Думаешь, что знаешь Беглецов лучше, чем я?

Я ничего не сказал.

— Ты, чёрт побери, прав. Весьма глупая идея. Даже глупее, чем лезть под обвал... Но иного выбора у нас всё равно нет. Если, конечно, ты всё ещё хочешь выяснить, есть ли здесь кто-то, с кого можно за всё спросить.

— Очень удобно, ага. И поэтому надо совать голову в осиное гнездо? Идти к Беглецам на поклон? Не слишком-то похоже на выбор.

— Ну, допустим, не на поклон... Скорее, у нас будет... Что-то вроде сделки. Взаимовыгодной. Они нам, мы им.

— И что именно «мы им»?

— А вот это уже от них зависит. От того, что им взбредёт в головы.

— Хм... А если им в головы взбредёт снова нас схватить?

Его уголки губ едва заметно приподнялись — я бы мог посчитать такое движение улыбкой.

— Сумели сбежать один раз, сбежим и второй.

Я задумался. Зерно в его словах было, но я всё же сомневался. Было там и что-то ещё — неуловимое, тревожное, почти сумасшедшее.

— Ну, а почему именно они? Зачем именно к ним?

— А что, есть другие варианты?

— Это не ответ, неважно, есть они или нет! Раз уж мы собираемся добровольно сдаться на милость тех, кто готов был нас убить, а то и чего похуже, нам нужен хороший повод. Очень хороший!

— Да успокойся ты, — проворчал Игрок с досадой. — Есть у меня повод, вполне себе достойный. Послушай-ка: ты хочешь найти того, кто заправляет этим местом, так?

— Так, — ответил я, ещё не совсем понимая, к чему он клонит.

— Тогда нам сначала надо найти того, кто знает, где его искать! Так ведь?

— Так, но...

— Ну и кто, по-твоему, может знать это лучше, чем Беглецы? — Он сердито плюнул на землю. — Они ищут способ покинуть загробный мир, ищут очень, очень давно. И, заметь, времени они зря не тратят. Многие успели раскопать, столько всего, что другим и не снилось. Уж точно не нам с тобой. Так что если кто и может знать, где нам искать, то это они.

Я опять зажмурился и мотнул головой. Мысли путались... Да что, что с Игроком не так?.. Не мог же он... Подменили его, что ли? Я открыл глаза и посмотрел на него. Он в ответ с непроницаемым выражением уставился на меня своим единственным глазом.

— А что... Что, если ты до сих пор работаешь на них? И сейчас... Попросто пытаешься заманить меня к ним?

Всю мрачность Игрока как рукой сняло. Он взглянул на меня удивлённо и... захохотал. Захохотал громко, до слёз.

— А ты, — с трудом проговорил он сквозь смех, стараясь уговорить себя, — послушал моего совета, кажется, и наконец-то перестал думать рационально. Ух... Да реши я тебя им сдать, я бы делал это не обманом, а силой. Возможностей у меня было более чем достаточно. Что, разве не так?

— Ну... Пожалуй, так, — нехотя отозвался я. Спорить не хотелось. Игрок действительно был гораздо сильнее меня. Понадобится — скрутит в две секунды, я и поделывать ничего не успею.

Мы снова замолчали. Ветер, словно почувствовав это, взвыл вокруг нас с новой яростью, и Игрок поёжился, как будто от холода. Уродливый ломаный шрам на месте его левого глаза выглядел, как сплошное чёрное пятно, придавая ему сходства с каким-то жутким демоном или привидением.

— Слушай, — спросил я неожиданно даже для самого себя. — А как ты потерял глаз?

— А кто ж его знает... — Он скорчил нарочито страдальческую гримасу. — Очнулся уже без него. Должно быть, таким и умер. Разбитый снаружи, разбитый внутри, — добавил он совсем уж странным голосом.

Опять неловкая пауза. Я постучал ботинками друг о друга, вроде как счищая с них налипшую землю. Сжимающееся вокруг нас кольцо травяных зарослей заволновалось, раскачиваясь ещё сильнее. Я вздохнул...

— Ну что ж... Если ты уверен, что иного выхода нет...

— Нет, — горячо подтвердил он.

— Тогда я готов. Но с одним условием.

— Выкладывай.

— Я... Не понимаю, зачем это тебе нужно. Только что ты сказал, что совать голову в

осиный улей не стоит — и сразу же предлагаешь именно это и сделать? Это странно.

— Во-первых, это сказал ты. Во-вторых, что тут странного? — Он звучал убедительно, но руки, сами собой скрестившись на груди, чуть дрогнули, выдав волнение. — Помнишь, я рассказывал, как пытаюсь исправить ошибки, совершённые в прошлом?

Я медленно кивнул.

— Так вот, это оно и есть. Как раз один из таких случаев. Я просто хочу помочь.

— Даже если придётся пожертвовать собой?

На его лице, скрытом в полутьме, отразились колебания — но только на мгновение, через секунду оно вернулось к той же расслабленной самодовольной ухмылке, которая смотрелась на нём куда как привычнее.

— Пожертвовать? Не смейся меня. — Он беззаботно махнул рукой, но и в этом жесте сквозила фальшивость. Я не отрывал от него испытующего взгляда, и он, подождав, вздохнул.

— Да даже если и так, что с того? Почему вдруг *ты* стал за меня беспокоиться? Какая вообще тебе разница? — Вот теперь он зазвучал искренне, но в его речи не было злобы или обиды. Его слова больше походили на самозащиту. Да, он просто-напросто отстаивал свою точку зрения, если можно так назвать обыкновенную готовность умереть. То есть, обыкновенную для живых, конечно. Не могу сказать, насколько она обычна в загробном мире, среди тех, кто *уже* однажды умер.

— Разговор о тебе, вообще-то, — перебил я его, поняв, что он собирается продолжать свою обвинительную тираду.

— Ну... Да. Большею частью, обо мне. Но не обо мне же одном, так? Тебе опасности будет угрожать ничуть не меньшая.

— Действительно? — Я скептически приподнял брови.

— А то как же. Меня они знают, а тебя нет. А незнакомец для них — злейший враг.

— Но не такой, как предатель, который сбежал от них вместе с их секретами.

— Как бы там ни было, если мы отправимся к ним, есть два варианта развития событий. Либо нас вышвырнут за борт, либо мы с ними договоримся и получим то, что хотим. Лично я готов на этот риск. Не то чтобы мне не терпелось умереть второй раз, но если так случится, то да, так тому и быть. Я провёл здесь столько времени, что ты и вообразить не сможешь. И возможно — только возможно! — я даже рад буду узнать, что же там дальше. Понял, о чём я? Тогда реши, готов ли ты сам на что-то подобное.

Он закончил свой монолог на всё той же эмоционально-возмущённой интонации, с которой его и произносил, но в голосе его всё же слышался лёгкий надрыв, выдающий волнение. Я опять погрузился в раздумья, но уже по другому поводу. Игрок способен пожертвовать собой ради выполнения *моей* цели. Именно ради неё, весь этот трёп насчёт «узнать, что там дальше» пустой трёп и есть, банальный отвод глаз, причём не самый изощрённый — уж от него-то я мог бы ожидать большего. Ну да ладно, чёрт с ним. Сам его поступок... Хватило бы у меня смелости поступить так же, будь я на его месте? Вряд ли... По крайней мере, наверняка не узнаю, пока на нём не окажусь. Другой вопрос, хотел бы я на нём оказаться? Едва ли. При жизни я явно не был тем, кто жертвует всем ради кого-то.

И уж совсем иной вопрос — что же творится у Игрока на душе, раз он готов ради искупления вины пойти на такое? Но об этом, к своему стыду, мне сейчас думать хотелось меньше всего. Как я уже сказал, при жизни я определённо был тем ещё эгоистом.

Глава 18. Страшный сон

Мы снялись с места очень скоро — Игроку не терпелось приступить к реализации нашего противоречивого плана, как будто он боялся в любой момент передумать.

Или боялся, что передумаю я.

Мне и самому, откровенно говоря, не хотелось тянуть время в ожидании, когда неприятная проблема решится сама собой, сидеть, словно на иголках, и ни о чём другом не думать. Не самые приятные занятия, да и пользы от них никакой. Как бы я ни отговаривал Игрока, как бы сам ни сомневался, а что-то делать куда как лучше, чем торчать на одном месте безо всякого занятия — *так* точно ничего не поменяется.

Так или иначе, мы снова были в пути. Мы снова вышагивали через бесконечные, бескрайние поля, где трава доставала нам до груди, а иногда закрывала и с головой. Далёкие всполохи молний, такие же привычные для мира мёртвых, как облака для мира живых, почему-то попадались на глаза всё реже. Я мог припомнить только один-единственный раз, когда они так же пропали — в горах, усыпанных снегом. Сейчас, однако, мы от гор ушли, и рядом ничего на них похожего и в помине не было.

Игрок, при всей своей бравате, стал вести себя гораздо осторожнее, точно из-за решения искать помощи у Беглецов те в любую секунду могли сами выскочить из ниоткуда, узнав наше расположение. Он стал серьёзнее, напрочь позабыв о своих вечных шуточках, а посох, который до этого зачастую бросал где ни попадя, больше не выпускал из рук, всё время держа его наготове. Он постоянно оглядывался по сторонам — совсем как я в тот раз, когда мы с ним поспешно бежали с его станции метро, и он напугал меня своими рассказами про то, что будет, если нас поймают. Теперь же либо он сам действительно чего-то опасался, либо просто делал вид, что это так. Но зачем бы ему это понадобилось? Чтобы убедить меня быть настороже? В этом не было никакой необходимости, я и без того вздрагивал от каждого шороха. Хотя, надо признать, определённого эффекта он такой тактикой добился — она меня изрядно нервировала.

Я бы не удивился, если бы вся эта затея с поиском помощи у Беглецов оказалась одной грандиозной и бессмысленной шуткой, настолько нелепой она до сих пор смотрелась в моих глазах, но всё же я не сомневался, что мы действительно направляемся к ним. Прямоком к тем, кого я добрую половину своей загробной жизни всячески старался избегать. При этом, как и раньше с поисками «самого главного ублюдка», у меня не было ни малейшей идеи насчёт того, каким образом мы Беглецов отыщем. Даже если Игрок не целиком нафантазировал про то, сколько всего он про них знает, и он в самом деле в курсе, где их можно найти, как он будет ориентироваться в сумерках среди однообразных пейзажей, да ещё и всего с одним глазом? Всё равно, что плыть на протекающей лодке по неизвестному морю через бушующий шторм, не имея ни карты, ни компаса. Ни окончательного представления, куда же ты всё-таки плывёшь. И в конце тебя ожидает не безопасный берег, а огромный подводный монстр, только и ждущий, чтобы утопить твоё судно и полакомиться твоими костями после того, как ты сам пойдёшь ко дну. Когда я спросил Игрока, как мы доберёмся до места назначения, он лишь ответил без тени веселья на лице:

— Ты же сам говорил — я украл их секреты.

Больше я из него не выудил ни слова. Впрочем, спустя какое-то время моё беспокойство утихло: у меня начало складываться впечатление, что Игрок действительно идёт не наугад, а

движется по каким-то видимым только ему ориентирам — наш путь не был похож на слепое блуждание в темноте, как до этого. Игрок уверенно шёл в одном направлении, затем резко сворачивал, будто отмеряв нужное количество шагов. В некоторых точках он останавливался на секунду-другую, а иногда и вовсе присаживался на корточки и рассматривал что-то на земле. Вскоре я сообразил, что он перемещается от одного оставленного ранее ориентира до следующего — в их числе я заметил выкопанные ямки, аккуратно притоптанную траву, кучки древесной коры, сложенные горкой камешки — совсем как те, которые я сам складывал в заснеженном ущелье, разве что поменьше. В общем, всё то, что на первый взгляд не привлечёт особого внимания — если только ты не знаешь, что именно оно обозначает. Весьма умно для человека в его положении; так можно проложить целую сеть дорог, и спокойно передвигаться по просторам загробного мира, не боясь заблудиться.

После пятого подобного предмета, оказавшегося начерченным на земле крошечным крестиком, я сумел добиться от Игрока скупого, но всё же объяснения:

— Чтобы не потеряться, — растолковывал он, забираясь на пригорок, — надо разбить маршрут на несколько более мелких отрезков. И идти постепенно, от одного к другому. Это как верёвочная дорога в буран — ты без проблем можешь пройти от одного колышка ко второму по натянутой между ними верёвке, от второго к третьему и так далее. Но если попробовать сразу пойти от начала и до конца без подсказок, то, скорее всего, заблудишься. Всё дело в концентрации — старайся не позволить местности вокруг тебя поменяться. Когда рядом ориентир, вроде моих, это не страшно. А вот между ними контролировать это сложнее. Вряд ли ты быстро освоишь такое управление, но всё равно оно тебе пригодится.

Я попытался сделать то, о чём он сказал, но у меня не слишком хорошо получилось — вероятно, потому, что я не слишком хорошо представлял, что именно следует делать, а иных наставлений от Игрока получить не удалось. Решив оставить тренировки на потом, дальше я просто молча следовал за ним.

В какой-то момент я заметил, как мне показалось, что в темноте что-то шевелится. Поначалу списав всё на колыхание травы на ветру, через миг я осознал, что на самом деле там, в паре десятков метров от нас, кто-то есть. Над травяным морем возвышался чей-то силуэт, выделяющийся на фоне тёмно-серого неба чёрной кляксой — словно неумелый рисунок на листе бумаги. Он ничего не делал, просто стоял как вкопанный, обратившись к нам лицом. Я хотел было предупредить Игрока, но тот уже и сам увидел незнакомца. Мы оба настороженно остановились, гадая, чего от него ожидать.

Внезапно я понял, кто, а точнее, что это. Спустя секунду я заметил второго призрака с другой стороны, слева от нас. В отличие от первого он смотрел не на нас, а куда-то вбок. Из-за мрака и смутных очертаний самой фигуры трудно было сказать, куда именно, однако никакой опасности в неподвижных привидениях не чувствовалось. Помедлив немного, дабы в этом убедиться, мы продолжили путь.

Вскоре нам стало встречаться ещё больше фантомов; я успел насчитать как минимум двадцать штук. Каждый из них стоял, не шевелясь, на одном месте и не думал исчезать, как они поступали раньше. Впрочем, от них всё равно не было никакого вреда. Если только где-то среди них не притаился мой двойник... Я помнил, что со скрытностью у него проблем не возникало.

Удивительно. Они не попадались мне с самого... Я затруднялся назвать, когда видел призраков в последний раз. Может быть, перед тем, как встретить Смотрителя, который и объяснил мне, что они из себя представляют. Кстати, сейчас они были более... чёткими. У

некоторых из них, находившихся поближе к нашему маршруту, я даже мог разглядеть лица и одежду.

Особенно моё внимание почему-то привлёк молодой парень со спадающими на глаза волосами, облечённый в скромный костюм с тёмно-красным галстуком. В нём ощущалось что-то торжественно-печальное, будто он пришёл на похороны. Другого мужчину я увидел лишь мельком: невысокий, одетый во что-то наподобие сильно изорванной жилетки, на носу поблёскивают стёкла очков, точнее, только одно стекло — второе, кажется, разбито. Он показался мне знакомым, но не хватило доли секунды, чтобы понять, кто он такой. Мы прошли мимо, и он остался позади, а обернуться и снова взглянуть на него я не решился.

Мы шли мимо призраков, как сквозь коридор. Не знаю, случайно ли они выстроились вдоль пути, которым вёл нас Игрок, но их зловещие фигуры так и продолжали вырастать с обеих сторон от нас, понемногу нагоняя на нас жуть. Я ускорил шаг, догоняя идущего впереди Игрока, чтобы спросить, что он думает на этот счёт, но он меня опередил, задав вопрос первым:

— Помнишь, я рассказывал про то, как вытащил тебя из-под камнепада?

— Ты опять об этом? — Проворчал я, не спуская глаз с ближайшего из силуэтов.

— Нет, я о другом. Я говорил, что видел человека наверху, на скалах.

Я нахмурился.

— Да, помню.

— Так вот, — он вздохнул, собираясь с мыслями. — Когда я уже нёс тебя на плечах, прочь от того места, я обернулся. Мне просто захотелось обернуться, безо всякой причины, и я обернулся.

— И?

— И когда я обернулся, тот человек стоял внизу, в полусотне шагов от нас. Такой же, как они... — Он указал на маячащих вокруг привидений. — Не знаю, как он сумел так быстро спуститься вниз. У меня бы минут десять ушло, а он меньше чем за минуту управился! И всё равно, самое странное вовсе не это.

— А что же? — Я уже знал, *что* он ответит.

— То, что он вылитая твоя копия.

Он озвучил то, о чём я, в общем-то, и сам догадался ещё в тот раз, когда он живописал мне события, произошедшие во время моей отключки — тот камнепад был делом рук преследующего меня фантома-двойника. Получается, Игрок тоже давно всё понял, но виду не подавал.

— И ты об этом так спокойно говоришь?

— А из-за чего волноваться? Мы в мире мёртвых, здесь странностей с избытком хватает. Одной меньше, одной больше... Значит, он и есть тот чудак, про которого ты рассказывал? Тот, который пытался тебя убить?

Я кивнул.

— Тогда ничего удивительного, что он и обвал устроил. Должно быть, следил за нами от самого пожарища. Любопытно, — бросил он как бы невзначай, — на что ещё он способен.

Это мне было неизвестно. Я знал лишь то, что бедствие, едва не погубившее нас и нарушившее мои планы, было не случайностью, а вполне естественной закономерностью того, что происходило с нами. Точнее, со мной — вряд ли та тварь, фантом, интересовалась моим другом в той же степени, в какой её интересовал я сам.

Несмотря на первоначальную нервность, вызванную внезапным появлением устрашающих фигур, я постепенно успокаивался, да и Игрок, судя по всему, тоже. Они не пытались сделать ничего плохого, не выказывали ни капли агрессии и вообще не сходили со своих мест, так что я позволил себе ослабить внимание и расслабиться.

Я подставил лицо освежающему ветерку и задумался. Призраки перестали мне показываться безо всякой на то причины и точно так же, беспричинно, объявились вновь. Смотритель рассказывал, что их видят те, кто увязает в загробном мире, превращается в его часть. Однако подобное их поведение никак не перекликалось с такой логикой. С чем же тогда оно связано? Может, Смотритель просто ошибся? Никто ведь не утверждал, что он знает обо *всём*.

Всё то время, пока меня занимали эти мысли, ни единый фантом так и не шевельнулся. Мало-помалу я чуть ли не позабыл о них: они словно исчезли, слившись с деталями окружающего пейзажа, не хуже каких-нибудь сухих крючковатых деревьев, торчащих посреди безжизненного пустыря.

И тем неожиданнее было, когда одно из «деревьев» стремительно сорвалось со своего места и рвануло ко мне. Прежде, чем заметил его движение, я почувствовал лёгкое дуновение с той стороны, откуда фантом ринулся ко мне — как если бы мимо меня, стоящего на обочине, на бешеной скорости пронёсся автомобиль. Я едва успел повернуть к нему голову, как мне в лицо прилетел удар, настолько мощный, что меня отбросило назад и впечатало спиной в камни, вышибив из лёгких весь воздух; секунду спустя вслед за мной на землю отправился и сам Игрок, тоже не успевший среагировать, по крайней мере, недостаточно быстро.

Натужно пытаясь прокашляться, я приподнялся и взглянул на того, кто напал на нас. От удара всё до сих пор плыло в тумане, да и темнота не особо помогала, но понемногу зрение вернулось в норму, как будто туман рассеяло ветром. Некто, вернее, нечто, только что молниеносно сбившее с ног и меня, и Игрока, медленно развернулось ко мне, но ещё за мгновение до того, как мне стало видно его лицо, я догадался, кто это.

Мой двойник, всё с тем же равнодушным и лишённым эмоций выражением, которое врезалось мне в память, пошёл в мою сторону, не отрывая от меня пустого взгляда. Забавно: он преодолел десятки метров одним прыжком и, не напрягая сил, разбросал нас двоих, а теперь его движения казались мягкими, плавными, даже слегка заторможенными. Как кролик, застывший перед удавом, я замер, смотря, как он приближается. Сейчас что-то произойдёт... Что-то очень, *очень* нехорошее.

Не дойдя до меня пары шагов, он вдруг вздрогнул и остановился, точно споткнулся обо что-то, а затем обернулся. Игрок, прямо с земли метнувший свой посох ему в спину наподобие копья, вряд ли рассчитывал нанести существенный урон, однако этого хватило, чтобы отвлечь фантома от меня. Он развернулся обратно и всё так же неторопливо направился к Игроку, но тот его опередил и, вскочив на ноги, с диким рёвом врезался в живот противника, сваливая в грязь уже его самого.

Я, избавившись от этого гипнотического оцепенения, встряхнулся. Только тут до меня начало доходить, что я так и продолжаю наблюдать за происходящим, лёжа на земле, пока Игрок и двойник, сцепившись друг с другом, катаются в траве. Я, пошатываясь, поднялся и побрёл к ним, всё равно не зная, чем помочь: обе их фигуры переплелись в одну, и отличить, кто где, было невозможно. Я тупо встал над ними, ожидая, когда представится подходящий шанс. Краем глаза я увидел, что остальные фантомы так и стоят на своих местах. Они не то

что не шелохнулись, но даже голов в нашу сторону не повернули. Суета живых их не касалась.

Внезапно Игрок отлетел вверх, причём так высоко, будто его отшвырнул разъярённый бык. Описав в воздухе широкую дугу, он рухнул в нескольких метрах от нас, взметнув облако пыли. Машинально проследив траекторию его падения, я едва развернулся обратно к призраку, как тот уже опять оказался на ногах. Только что готовый схватиться с ним, я, став свидетелем такой силы, мгновенно растерялся — в отличие от него самого, не утратившего ни капли изначального хладнокровия. Ни дать ни взять две противоположные личности с одинаковыми лицами.

Близнец протянул ко мне руки, но я, поднырнув под них, отпрыгнул ему за спину, откуда я вполне мог бы контратаковать, пользуясь выигрышным положением. Впрочем, то, как легко он справлялся с нами, остудило мой пыл, и я предпочёл отступить назад, к постепенно приходящему в себя Игроку. Тот же, вместо того, чтобы оставаться на месте, со злобой отряхнул одежду и, стиснув зубы, снова бросился на приближающегося фантома врукопашную.

Я ринулся за ним, но тщетно — для призрака, кажется, было вообще без разницы, две руки его молотят или четыре. С тем же успехом мы могли бы избивать булыжник. Если бы, конечно, этот булыжник давал сдачи — враг не прекращал осыпая нас сокрушительными ударами с такой быстротой, что я не всегда даже успевал их заметить. Зато чувствовал сполна.

Хотя, спустя какую-то пару секунд противостояния предплечья онемели настолько, что боль стала... приемлемой. Очередной удар обрушился прямо на мою челюсть, и на какое-то время я вышел из схватки: пока Игрок сдерживал фантома в одиночку, я ошалело тряс головой, пытаюсь избавиться от мельтешащих перед глазами звёздочек и убедиться, что всё цело. И не успел я толком прийти в норму, как Игрок опять взлетел вверх тормашками и грохнулся на землю неподалёку.

Теперь на противника бросился уже я сам, ещё не до конца очухавшийся. Я снова поднырнул под его хваткой, но в этот раз не проскользнул назад, а вцепился в его ноги и потянул их на себя, заставляя его упасть. Такой грязный приём, похоже, сработал: не ожидавший подобной наглости двойник на миг замешкался, прежде чем коротким пинком отправить меня под склон холма, на котором мы сейчас находились. Мимо меня мелькнула шляпа Игрока, метнувшегося к фантому, и больше я ничего не видел. Мне почудилось, что я теряю сознание, но открыв глаза, я понял, что Игрок по-прежнему борется с призраком, не давая ему встать — а значит, вряд ли прошла хотя бы минута.

Уже через секунду я карабкался обратно на вершину, беспомощно наблюдая, как Игрок отчаянно старается удержать руки фантома — и у него ничего не получается. Тот, без особых усилий вырвавшись из захвата, сбросил Игрока вниз вслед за мной, после чего без колебаний спрыгнул туда же и сам. Мы трое кубарем покатались под гору, превратившись в плотно сплетённый клубок из рук и ног. Для полноты картины не хватало только, чтобы мы начали друг друга кусать.

В этот момент по затылку меня ударило что-то постороннее. Я машинально подставил ладонь, защищаясь от следующего удара, и... в руке у меня оказался посох, брошенный Игроком в фантома, дабы не дать ему добраться до меня. Должно быть, улетел сюда вместе с кем-то из нас.

К этому времени мы уже достигли подошвы холма и рассыпались в разные стороны. Я

быстро, как смог, поднялся на ноги — двое других уже стояли. Игрок чуть поближе ко мне, фантом немного подальше — и, конечно, идёт к нам всё таким же размеренным шагом. Кажется, его наша драка не то что не вымотала, как нас, а лишь разъярила. Впрочем, по лицу так и не скажешь — всё такое же пустое, как у...

Как у мертвеца.

Я заметил, что до сих пор сжимаю в руках пойманную в суматохе палку. Я выставил её перед собой и ткнул двойника в грудь, отталкивая назад. Чёрт, как Игрок с этой штукой управляется? Тяжёлая, как цельное дерево. Фантом, качнувшись по инерции, снова рванулся к нам, но я опять отпихнул его. Разумеется, вечно его так удерживать на расстоянии не выйдет — либо у меня устанут руки, либо он попросту переломит посох пополам, как соломинку. Я ни на мгновение не усомнился в том, что ему такой трюк по плечу. Пока я лихорадочно соображал, что же с ним делать, где-то на периферии зрения приплясывал и сам Игрок, выжидающий удобный для атаки момент.

В конце концов, руки у меня всё же устали и опустились. Призрак с удвоенной прытью бросился к нам, и я попытался поднять посох ещё раз, но он только скользнул по его штанинам.

Вдруг у меня в голове молнией проскочила мысль. Подчиняясь внезапному порыву, я отшагнул, но не назад, как раньше, а вбок, и одновременно подсёк ноги двойника концом посоха. Невероятно, но это сработало, как и в прошлый раз. Похоже, ноги — его слабое место.

Потеряв равновесие, фантом упал в траву лицом вниз и попробовал встать, но Игрок сейчас же приземлился на него и принялся выкручивать руки за спину. Я, помня, чем заканчивались подобные сцены буквально минутной давности, сразу бросился ему на помощь, и как раз вовремя — ещё чуть-чуть, и пленник снова вырвался бы. И даже в таком неудобном для него положении мы едва удержали его руки, каждый по одной.

Тяжело дыша, Игрок посмотрел на меня. Сквозь слой грязи, пепла и сажи, покрывающий его щёки и лоб, прорисовывались многочисленные царапины. Точнее, не совсем царапины. Скорее они походили на следы, оставляемые чем-нибудь острым на камне или металле — прочерченные пустоты с рваными краями, но без примеси красного.

Тут произошло нечто странное — как будто запястье фантома стало выскользывать из моих ладоней. Я инстинктивно сжал его крепче, но безо всякой пользы: оно не выскользывало, а истончалось, исчезало, словно мой двойник таял прямо в воздухе. Мгновения спустя мы с Игроком уже сидели на голой земле. Фантом пропал и, похоже, не собирался возвращаться. По крайней мере, пока. Всё закончилось.

Только сейчас, поняв, что я в безопасности, я осознал, насколько опустошительной для меня была эта потасовка. Все мышцы отключились, и я мешком сполз на примятую траву. Кажется, после того, как попал под лавину, и то не чувствовал себя *настолько* разбитым. Каждая клеточка моего тела грозила вот-вот взорваться от мучительного ощущения. Ко мне, хромя, подковылял Игрок. Он наклонился за своим посохом и встал, опираясь на него гораздо сильнее, чем обычно.

— Вот тебе и ответ, — проговорил он, морщась от боли.

— Какой ещё, ради всего святого, ответ? — Отозвался я бесцветным голосом.

— Я спрашивал, на что ещё он способен. Теперь мы знаем, на что.

Он отошёл в сторонку и сел в траву, ругаясь себе под нос и копаясь в сумке. Как он умудрился её не потерять? Учитывая, как он летал туда-обратно, половина хлама в ней

должна быть расколочена вдребезги.

Я закрыл глаза, расслабляясь. Вернись двойник сюда и застань нас в таком состоянии — ему бы ничего не стоило расправиться с нами за минуту, а то и быстрее. Но мне было уже всё равно. Хотелось отдохнуть, как можно скорее. Думаю, если я не посплю, то и шагу дальше ступить не смогу.

Нет! Я распахнул глаза, вздрогнув, словно от электрического разряда. Нельзя спать. Засну — и уже не проснусь.

Веки снова смежились. Даже попробуй я сейчас бороться со сном — не получится.

Но я и не пробую. Вместо этого я проваливаюсь в глубокий, как пещеры мира мёртвых, сон.

Сон, что мне снится, мрачный и тяжёлый, под стать тому состоянию, в котором я находился, когда засыпал. Всё вокруг — пепельно-серое, похожее на карандашный рисунок. И на вид липкое.

Я поднимаюсь в полный рост в гуще травы, оказываясь... На мельнице. Трава растёт прямо из пола. Я оглядываюсь по сторонам. Это определённо та самая мельница, где я когда-то побывал, и в то же самое время не она. В ней что-то изменилось, неуловимо, но настолько ощутимо, что это неприятно щекочущее чувство не даёт покоя, пробираясь по спине ледяным холодом. Стены, крыша и пол, и без того дряхлые при моём первом визите, теперь окончательно почернели и рассыпаются на куски. Труха, падающая мне на голову с потолочных балок, напоминает тот же пепел, что покрывает поля. Он толстым слоем оседает на полу, лежанке, сундуке и всём остальном — за считанные секунды добирается мне до щиколоток, и продолжает расти. Наверху, в круговерти этого пепельного снегопада, различаются очертания керосинового фонаря, тоже виденного мной раньше, но теперь он погас.

Густая масса на полу — речной брод. Я бреду сквозь неё к стене, дохожу до верстака и хватаюсь за него, чтобы не упасть — кажется, будто пепел, дошедший уже до колен, яростно бурлит, засасывая меня в воронку. Просто так не удержаться.

Перевожу дыхание и бросаю взгляд на зеркало. Оттуда на меня смотрит то самое лицо, которое я и без того отлично помню. Я опасливо сглатываю, но ничего не происходит — там всего лишь моё собственное лицо, а не двойник. Ничего страшного.

На столешнице стоят деревянные фигурки, отодвинутые от зеркала. Рука сама тянется к одной из них, и сама же её роняет, когда я вижу лицо игрушки. Моё лицо. Это не та кукла, которую я вырезал после бесчисленных попыток и которая потом чудесным образом превратилась в меня самого. У этой другая одежда, другое тело. Но лицо — моё. Я бегаю распахнутыми от ужаса глазами по остальным фигуркам, выстроившимся в ряд. И каждая из них в ответ смотрит на меня теми же самыми глазами. Если бы глаза могли передать крик, то сейчас бы под крышей старой мельницы хлопья пепла взметнулись в воздух от десятков безмолвных воплей.

Я отшатываюсь от них, наткнувшись на трухлявую стену и опёршись за неё. Ладонь скользит по чему-то гладкому.

Зеркало. Из него на меня глядит тот же человек, но это уже не я. Отрешённое выражение лица, как у робота, пустые глаза — и руки, тянущиеся ко мне сквозь плоскость зеркала. Я шарахаюсь и от него тоже, цепляюсь за что-то ногами и с грохотом падаю на пол. К тому времени бурлящий слой пепла уже достаёт мне до пояса — и я начинаю барахтаться

в нём, как кто-то, не умеющий плавать, барахтается в пруду. Я судорожно пытаюсь вдохнуть, но меня словно что-то держит. Пепел набивается мне в рот и нос, я захлёбываюсь им, задыхаюсь, хватаю пальцами воздух в поисках спасительной соломинки. Но её нет: лишь сверху насыпаются всё новые кучи трухи, летящей с прогнившего потолка, через который пробивается едва видимый свет.

Свет?..

Я в последний раз собираюсь с силами, рвусь вверх и...

Я рывком сел, не прекращая часто и прерывисто дышать. Всего лишь сон... Я прищурился и заслонил глаза от слепящего света. Того самого, который видел во сне.

Свет?..

Я убрал руку от лица. Я давно разучился по-настоящему удивляться чему-либо в загробном мире, но сейчас у него действительно получилось.

Темнота, окутывавшая поля, пропала. Вокруг нас было светло, как днём.

Глава 19. Вода и пламя

Я моргнул, привыкая к чересчур яркому освещению — за дни, проведённые в сумраке, глаза отвыкли от такой роскоши, и теперь нещадно слезились. Невольно мне вспомнился живший в канализации под тоннелями метро человек, которого я встретил незадолго до того, как попал на станцию Игрока. Одичавший, ослепший, обезумевший. В подобном темпе я, чего доброго, и сам превращусь в... в такое же существо.

То, что я спросонья принял за дневной свет, оказалось кое-чем совершенно иным. Вокруг по-прежнему оставалось темно. Точнее, солнце над горизонтом так и не взошло: появиться-то свет действительно появился, вот только его источник был другим. Таким сильным, что у него получалось разгонять тьму, источаемую самым воздухом мира мёртвых.

И я никак не мог понять, что это за источник. Мешала густая трава, ограничивавшая обзор, и холм, к подножию которого мы скатились в пылу драки. Всё, что я видел — зарево, похожее на то, что горело возле пожарища. Но не возвратились же мы к нему, в самом деле? А может быть, пока я мучился кошмарами, прямо рядом с нами зажглось ещё одно? Игрок про такое рассказывал, правда, без подробностей. Но где же тогда шум?

Я снова зажмурился. Голова до сих пор гудела от прошедшей схватки и последовавшего за ней беспокойного сна, однако я попытался собраться с мыслями. Надо встать. Встать и оглядеться, чтобы понять, что происходит.

Это, впрочем, оказалось сложнее, чем я ожидал — в плачевном состоянии была не только голова, но и всё тело. Каждое движение отзывалось тупой ноющей болью в руках, ногах, спине и шее одновременно. Я всё же заставил себя встать, сначала на колени, потом выпрямился полностью. Подождал секунду, дабы убедиться, что не рухну тут же обратно, а затем поднял взгляд.

Вокруг нас и в самом деле полыхало хорошо знакомое по пожарищу зарево, но сейчас огонь был не призрачный, а самый что ни на есть настоящий. Пожар.

Горела и без того обильно пропитанная пеплом трава, причём пламя охватывало весь горизонт слева направо, сплошной стеной, как обычно бывает при лесных пожарах — вперёд не прорваться и сбоку не обойти, остаётся отходить назад. Пламя трепыхалось, как гаснущая свеча, но, в отличие от свечи, оно и не думало гаснуть. Напротив: огонь, казалось, лишь усиливался и рос. Он пока оставался довольно далеко, но, кажется, весьма быстро двигался в нашу сторону. Трудно судить с такого расстояния, да ещё и чадящий дым мешал, но мне даже почудилось, будто пляшущие языки пламени сами по себе тянутся к нам. Ерунда, конечно же, обман зрения. Должно быть, так кажется из-за ветра.

Хотя, было в этом и кое-что неоспоримо рукотворное. Я не мог назвать совпадением то, что мы очутились ровно на пути у пожара. Это определённо была ловушка, и здесь не было никого другого, для кого она могла бы предназначаться. Кто-то решил загнать нас, как охотник загоняет диких зверей. Мне это не нравилось.

А может, кто-нибудь вроде Курильщика неосторожно обронил непотушенный окурок? Из моего горла вырвался хриплый смешок. Ему ответило едва слышное неразборчивое ворчание где-то у меня за спиной.

Игрок, сняв шляпу, сидел на плоском камне, возвышающемся над окружающей травой настолько, что оттуда ему открывался, наверное, отличный вид на происходящее. Он неотрывно смотрел на огонь вдали, и в его взгляде читалось что-то, чего я там раньше

никогда не замечал — тоска и боль.

Я подошёл ближе. Игрок, всё так же не поворачиваясь ко мне и вообще не шевелясь, проговорил с горечью:

— Всё, на многие мили вокруг, скоро будет выжжено дотла. Не останется ничего. Совсем ничего. Чего он хочет этим добиться?

— Думаешь, это устроил он? — Не было нужды уточнять, кого Игрок подразумевает под «ним».

— В каком-то смысле, это устроили мы с тобой. Потому что не захотели просто так сдаваться, отдавать свои жизни. Вернее, то, что у нас вместо них осталось. Как считаешь, стоит оно того? Теперь у нас останется ещё меньше. — Он помолчал, затем нахлобучил шляпу. — Давай собираться. Лучше уйти отсюда побыстрее.

Мы отправились дальше. Не знаю, с какой скоростью огонь к нам приближался, да и приближался ли вообще, но через какое-то время до нас стал доноситься дым. Может быть, пожар и правда нас догонял, а может, постарался всё тот же ветер. Запах при этом мне совсем не мешал — я давно привык к запаху костров, который я учуял ещё в свой самый первый день. Другое дело сам дым — из-за него запершило в горле, начало резать глаза, да и видимость сильно ухудшилась. Удивительно, как ему удавалось доставлять нам столько проблем, оставаясь на внушительном расстоянии — жара мы пока не ощущали.

Игроку же, похоже, всё было нипочём: он продолжал шагать вперёд, не обращая на возникающие неудобства ни малейшего внимания, словно их для него и не существовало. Я же прикладывал все силы, чтобы от него не отставать, благо моё состояние немного улучшилось по сравнению с тем, как я чувствовал себя сразу после пробуждения от кошмара. Останься я один в дыму и огне — и кто знает, чем это путешествие для меня закончится. А впрочем, я и без того не испытывал иллюзий насчёт того, чем оно завершится. Может быть, мы навсегда останемся пленниками Беглецов — так какой резон загадывать дальше собственного носа?

Гораздо больше, чем моя собственная, меня беспокоила судьба той замерзающей девушки, которую я так и не смог отыскать. Что, если она тоже угодит в эту огненную ловушку? Учитывая, насколько медленно она двигалась при нашей единственной встрече, вряд ли в таком случае ей удастся сбежать от стихии. Но коли её не мог согреть ни костёр, ни я сам, то, возможно, она и не сгорит, попав в пламя? Слабая, но надежда.

Спустя примерно полчаса безостановочного марша Игрок всё же сделал передышку. Он выбрал место у подножия небольшого холма, где дым до нас не доставал, и я, воспользовавшись моментом, растянулся в пока ещё живой траве. Сам же Игрок принялся копаться в своей, как я тогда решил, бездонной сумке. Из неё он вытряхнул намного больше, чем по моим представлениям в неё могло влезть, но всё равно не нашёл того, что искал. Он тихо чертыхнулся, а затем объявил, что привал окончен.

— Пожалуй, — сообщил он мне, яростно распахивая пожитки обратно в котомку, — придётся сделать небольшой крюк. Я спрятал неподалёку кое-какие... запасы. И раз уж всё равно всё добро пропадёт, заберём, что сможем, с собой. И потом, нам припасы, как-никак, лишними не будут.

Если после этого он действительно сменил направление движения, я ничего не заметил: мы всё так же шли от одного ориентира к другому, от одного отрезка пути к следующему — как он и учил. Мне подумалось, что сами они, эти ориентиры, тоже будут уничтожены в пожаре, совсем скоро — прижатая трава, отметины на земле. Что-то, может, и уцелеет, но

большая часть оставленных знаков погибнет в пламени. И тогда мы уже не сможем найти никакой из маршрутов, проложенных им. Мало того, когда мы доберёмся до Беглецов, мы даже обратного пути не найдём — метки-то исчезнут. Похоже, это дорога в один конец.

А с другой стороны, зачем нам вообще возвращаться? Куда? На выжженную пустошь, в которую поля превратятся к тому моменту? А что толку? Если всё пойдёт по плану, Беглецы укажут нам новый маршрут. Надеюсь, он-то к тому времени не обратится в пепел, как та трава, что сейчас полыхает у нас за спинами. Хотя, кто их разберёт — вдруг их штаб расположился под землёй? Сомневаюсь, что распространяющийся по поверхности огонь проникнет на станции метро, в пещеры и прочие катакомбы.

Обещанные запасы дали о себе знать довольно скоро: Игрок привёл меня к подножию очередного холма, и я решил было, что он собирается устроить ещё один привал, как внезапно углядел в монолитном склоне небольшую пещеру. Я бы даже не стал называть её пещерой — такой она была крошечной и незаметной. Скорее походила на узкую трещину, невидимую из-за переплетения теней. Однако мы легко могли бы спрятаться в ней от непогоды или чего похуже, а значит, на роль тайника она вполне годилась. От входа она выглядела достаточно удобной — сухие стены и пол, да и внутри явно больше места, чем кажется снаружи.

Игрок, нагнувшись, вошёл внутрь и исчез в глубине пещеры, не сказав ни слова. Я постоял секунду, колеблясь, следовать ли за ним, но затем пожал плечами и спокойно уселся у входа. Понадобится помощь — позовёт, а я лучше посторожу здесь, на случай, если двойник опять объявится.

Моя помощь и в самом деле не пригодилась — Игрок появился уже через несколько минут, волоча за собой здоровенную сумку, гораздо больше той, что он таскал с собой. Вытерев друг о друга ладони, отчего с них осыпался невесть откуда взявшийся пепел, он сел напротив меня, вытряхнул содержимое сумки на голую землю и принялся сортировать его — совсем как в тот раз, когда собирал вещи перед тем, как сбежать со своей станции.

Среди прочего он особенно выделил невзрачную бутылочку наподобие той, из которой угощал меня после перехода реки. По тому, как он бережно обернул её в тряпки и опустил в наплечную котомку, я понял, насколько он дорожит ею.

Остальное он наспех разложил на две разные кучи — в одну, ту, что поменьше, он отбирал то, что не планировал отсюда уносить. В другую, по размерам практически равную принесённому им баулу — то, что мы заберём с собой. Разобравшись с этим, он стал раскладывать выбранные вещи. Что-то пошло в его маленькую сумку, а то, что не влезло — обратно в ту, которую он достал из тайника. Всё лишнее он бросил прямо тут, на траве, у самого входа. Я хотел было возразить, что лучше бы не оставлять следов, однако решил, что это лишено смысла: когда здесь пройдёт пламя, следов не останется никаких, вообще.

Поднявшись на ноги, Игрок перекинул ремень маленькой сумки через плечо, большую же подтолкнул ко мне.

— Не переживай, — проговорил он с намёком на привычную ухмылку, — нести придётся недолго.

Несмотря на то, что шли мы теперь по большей части в гору, да ещё и с новоприобретённым грузом, пожар от нас по-прежнему отделяло немалое расстояние, однако и так его света хватало на то, чтобы отлично освещать местность вокруг нас, на многие метры впереди. Смотреть, впрочем, было особо не на что: всё те же подпирающие небо холмы, виденные мной уже не единожды. Но я всё же обратил внимание на то, как

красиво при свете смотрится укрытая пеплом трава с её тёмно-золотыми прожилками на угольно-чёрном. Вспомнились слова Курильщика, произнесённые, казалось, сотни лет назад: «Тут красиво. Сумей только заметить». Может, он знал больше, чем рассказал мне?

Мы взобрались на вершину одного из холмов, и за ним нам открылся вид на лежащую под нами долину. Там, у наших ног, землистый склон плавно спускался к берегу, извилистой линией прочерчивающему поле. За ним простиралась не река, как было раньше, а самое настоящее море.

Внезапно мне стал ясен замысел Игрока, до смешного банальный — спастись от пожара в воде. Что может быть проще? Вот только непонятно, что конкретно он собирается делать — не просто же по уши в воде пережидать, пока всё выгорит и огонь погаснет? Шанса спросить об этом мне так и не представилось: он уже соскользнул вниз и, увидев, что я мешкаю, кивком позвал за собой.

От подошвы холма саму воду не было видно, зато я отчётливо слышал, как волны мягко накатывают на берег, омывая узкую полоску земли, а затем с шипением уползают обратно. Этот звук ни с чем не перепутать, будь ты жив или мёртв. Он напоминал мне...

Я встрепенулся, как будто очнувшись от минутного наваждения. Напоминал о чём? Мысль появилась сама по себе, машинально. Сейчас, осознанно, я бы не смог закончить фразу. Словно назойливо маячащее в мозгу воспоминание о прежней жизни, снова проступающее через реальность загробного мира. Почему так происходит? Связь с тем, живым миром наоборот должна бы постепенно ослабевать, так же, как в своё время ослабла способность к местной магии.

Продираясь через заросли, Игрок двинулся в сторону воды. Похоже, здесь трава, как и на реке, подступала к ней вплотную, при этом не превращаясь от постоянной влаги в болотную ряску — я это запоздало понял, когда она захлюпала у меня в ботинках. Игрок, заметив мою досаду, усмехнулся:

— Да уж, иногда не нужно бояться намочить ноги. Или замарать руки.

Он пошёл сквозь траву вперёд, раздвигая её руками и заглядывая вниз так, точно что-то искал. Спустя пару минут выяснилось, что именно: в очередной прогалине лежала старая деревянная лодка. Она была перевернута днищем кверху и выглядела так, будто провела тут по меньшей мере тысячу лет — судя по тёмно-зелёной паутинке засохших водорослей на её боках. Замаскированная пучками зелени, она оставалась невидимой как с холма, так и отсюда, с расстояния двух шагов — если, конечно, не знать наверняка, где смотреть. Разве что случайно наткнёшься. Она лежала здесь, как свидетельство какого-то крошечного кораблекрушения, и оттого казалась ещё более нелепой.

Пока Игрок старательно обтирал дерево рукавом, счищая с него налипший мусор, я оглянулся назад. Там преследующий нас по пятам огонь уже перевалил через вершину пригорка, но теперь он распространялся вниз по склону, и это его замедляло. Времени достаточно.

Закончив, Игрок схватился за один край лодки и с усилием поднял его, с характерным чавкающим звуком выдёргивая из мягкой податливой грязи, в которую тот погрузился на добрый десяток сантиметров, затем кивнул мне на другой край:

— Давай-ка, помоги.

Я скинул сумку рядом и тоже взялся за лодку. Я поднял свою сторону — она была легче, чем казалось — и мы понесли её к воде.

— Ты что ли её здесь спрятал? — проговорил я на ходу, уворачиваясь от хлещущих по

лицу стеблей травы.

— А то кто же. — Прокряхтел он, останавливаясь и опуская ношу обратно на землю. — Как, ты думаешь, я сбежал от Беглецов, вплавь? Так, надо её перевернуть... Аккуратно... Ага, вот так.

Он присел возле шлюпки и, сидя по щиколотку в воде, принялся что-то проверять — постукивая по обшивке, собирая пальцами пыль в углах. Потом, словно наконец вспомнив обо мне, бросил через плечо:

— Там ведь ещё вёсла были, принеси, а?

Я побрёл назад. От лодки, образуя небольшую колею, тянулась верёвка, одним концом привязанная к металлическому кольцу на её носу; по этой путеводной нити я без особых проблем нашёл нужное место заново. Там, на той же самой точке, где располагалась лодка, действительно валялись, ещё глубже увязнув в слякоти, два весла. Выудив их оттуда, я взвалил на свободное плечо лежащую тут же сумку, и отправился обратно к Игроку.

Когда мне на глаза снова попалась вьющаяся в грязи верёвка, я подумал — а почему он не привязал лодку? Ладно, допустим, не к чему. Но в таком случае зачем оставлять её так близко к берегу, откуда её может смыть в любой момент? Если он хотел спрятать её от посторонних глаз, неужели не нашлось неподалёку какой-нибудь пещеры вроде той, где он устроил тайник? А здесь — и место не самое надёжное, и унесёт драгоценное средство передвижения в открытое море в мгновение ока, при первом же приливе.

Все эти вопросы я, вернувшись, задал самому Игроку, на что он лишь посмотрел на меня с неподдельным удивлением:

— Какой ещё прилив? Думаешь, они тут бывают? А луну ты хоть раз видал?

На окончательную подготовку ушло ещё несколько минут — затем мы спихнули подчонку на воду, туда, где она не скребла дно, и стали загружать в неё припасы. От каждого прикосновения она так и ходила ходуном, рискуя опрокинуться. Швырнув в неё увесистую сумку, набитую вещами из тайника, я взглянул сначала на неё, потом назад, на приближающийся пожар, и вперёд, на чернеющее перед нами море.

— А это точно безопасно?

Обращался я скорее к самому себе, чем к кому-либо другому, но Игрок, не глядя на меня, возразил:

— Было б небезопасно, я бы сейчас перед тобой не стоял. — Он, уложив на дно шлюпки последние пожитки, разогнулся и повернулся ко мне. — Да и потом, есть у тебя предложения лучше? Другого выхода у нас нет.

Эти слова заставили меня болезненно поморщиться. Повторяй их почаще, и я в них поверю. Опять звучит так, будто наша судьба предопределена: в какой тоннель ни пойдешь, выйдешь из него туда, куда нужно.

Однако, спорить с Игроком в сложившейся ситуации было бы трудно: огонь, пусть и до сих пор далёкий, неустанно полз к нам, окружая со всех сторон. По бокам он успел вплотную подойти к берегу, и теперь мы оказались в кольце. С трёх сторон пламя, с четвёртой — вода.

— А если... Если переплыть линию пожара и выйти позади него, там, где гореть уже нечему?

— Хм... Идея сама по себе толковая. Вот только зачем бы нам это понадобилось? Мы вроде как к Беглецам собрались, а к ним всё равно по-другому не попадешь. Только так, — он ткнул пальцем за спину, в море.

Дав понять, что пререкаться больше не о чем, он отвернулся и, хлюпая мокрыми ногами, стал забираться в лодку. Я помедлил ещё секунду, словно пытаюсь максимально оттянуть какой-то неприятный момент.

— Так значит, они там, да? Ты говорил, что смылся оттуда на лодке.

Он, уже усевшийся, посмотрел на меня снизу:

— Ну да, на лодке. Ничего особенного. Чего столбом стоишь? Залезай, не стесняйся.

— А... — Начал я, перебив меня, комически вытянул лицо и прогнусавил:

— Следующая остановка — Беглецы. Не забудьте пристегнуть ремни, спасибо, что воспользовались нашими услугами.

Я выдавил улыбку, перешагнул через борт и, стараясь сохранять равновесие, уселся напротив него, уперев ноги в расположенный на дне баул и впившись пальцами в доски под собой. Игрок взял одно из вёсел — свой посох он предусмотрительно сунул куда-то вниз, под сумки — затем развернулся и оттолкнулся им от земли. Мы медленно заскользили по поверхности воды, прочь от мира мёртвых, точнее, от той его части, к которой я так привык. Сейчас перед нами лежала новая страна, может быть, ещё больше и страшнее первой, но я, сидя лицом к берегу и спиной к морю, даже не потрудился оглянуться. Мой взгляд был целиком и полностью прикован к танцующему пламени, неспешно пожирающему всё то, что я знал. Сто-двести метров, и оно погаснет, добравшись до воды, скрытой травой. Поначалу, может, огонь ещё будет какое-то время перекидываться по верхушкам, но рано или поздно всё равно затихнет. Если повезёт, то в итоге что-нибудь даже уцелеет — несколько стеблей, одиноко торчащих на краю выжженной равнины, несколько неровных, будто обгрызенных мышами, кусочков живой земли. А если повезёт ещё сильнее, то я даже когда-нибудь вернусь сюда, чтобы увидеть это своими собственными глазами.

Из пучины столь невесёлых размышлений меня выдернул звук равномерно плещущейся воды — мы достаточно отделились от берега, чтобы можно было свободно орудовать вёслами, и Игрок налёг на них так, словно огонь мог догнать нас и здесь, и он пытался убежать подальше, используя ту фору, что у нас имелась. Полоска земли уплывала всё дальше и становилась всё уже, а пламя, совсем недавно горевшее так, что его хватало освещать территорию на многие метры вокруг, постепенно уменьшалось и тускнело. Проголодавшаяся темнота снова входила в силу, только теперь она окружала нас и сверху, и снизу — там, где глухо и успокаивающе шумела вода, такая же свинцово-серая, как и небо над головами. Интересно, огонь в самом деле погас, или мы просто удалились на такое расстояние, откуда его не видно? Я больше не чувствовал ни запаха дыма в воздухе, ни першения, которое он вызывал. Похоже, земля осталась позади. По крайней мере, эта земля.

Не знаю, сколько я так просидел неподвижно, пялясь в пустоту, но когда пришёл в себя, ничего, разумеется, не поменялось — пожар насовсем исчез из виду, под нами плескалось море, а Игрок так и сидел напротив, не выпуская вёсел из рук. Я протяжно зевнул, как после продолжительного сна, затем осторожно, стараясь не вывалиться самому и не перевернуть наш транспорт, перегнулся через борт и, зачерпнув ладонью горсть воды, побрызгал ею себе в лицо. В ней, в отличие от воздуха, посторонний запах пепла ощущался вполне отчётливо, но её прохлада всё равно подействовала освежающе, и я немного взбодрился. Оттуда, снизу, на меня смотрел человек — я знал, что это я сам, но в полумраке, стёршем половину черт, лицо казалось похожим на двойника. Таким же пустым и бессмысленным.

Когда я поднялся обратно, Игрок лишь бросил на меня короткий изучающий взгляд, но не сказал ни слова, продолжив грести. Я тоже промолчал. Запахнувшись плотнее, я

загорчался, устраиваясь удобнее и зарываясь подбородком в воротник. Мир, и без того чёрный, исчез окончательно, остался только убаюкивающий звук вёсел.

Очень скоро я снова заснул, на этот раз безо всяких кошмаров.

Глава 20. Буря

Я толком и не запомнил, что мне снилось в этот раз — такое случается, когда сон спокойный и безмятежный. В памяти осталось лишь то, как я снова оказался где-то в тоннелях метро, но теперь они были освещены, ничуть не хуже, чем город, озаряемый пылающим пожарищем. Мягкий свет приятно обволакивал меня, стоящего на коленях прямо посреди колеи, заставляя расслабиться и обо всём забыть. Подняв глаза от пола, я увидел, что потолок надо мной прозрачный, как будто я закрыт в огромном аквариуме, вот только вода текла не здесь, внизу, а по другую сторону потолка. Быстрая и бурная река, бесшумно бегущая прямо надо мной, гневно билась в незримую преграду, словно пыталась разбить её и добраться до меня, крохотного и беспомощного по сравнению с ней.

Но у неё не получалось.

Пока она в бессильной злобе исходила мышасто-серыми бурунами пены, я оставался невредимым — точно смотрел на запертого в клетке дикого зверя, рвущегося наружу и грызущего в исступлении толстые железные прутья. Ему меня не достать, и это сводит его с ума сильнее, чем что-либо другое, сильнее даже, чем смертельный голод, заставляет ломать о железо зубы. В какой-то момент я улыбнулся — криво, недоброй улыбкой, скорее похожей на зловещую гримасу. Она на считанные доли секунды расколола моё лицо пополам, а затем исчезла. Наверное, так бы улыбался мой двойник, умеет он вообще улыбаться.

В следующее мгновение мне на нос капнуло что-то холодное. Снежинка — я это понял по тому, как быстро её растопило моим теплом (*теплом?*), и она ледяной слезой скатилась по щеке вниз. Следом за ней крошечной иголкой кожу уколола вторая. За ней ещё одна, и ещё, и ещё... Я подставил лицо падающему сверху, непонятно откуда, снегу, не замечая, что он идёт вперемишку с пеплом. Ещё одна, и ещё одна, и ещё, и ещё...

Я открыл глаза, и ветер сразу же хлестнул меня очередной порцией холодных брызг, заставив в последний раз зябко съёжиться под покровом едва согревающей одежды. Одежды и ускользящего сна: его образ, странный и расплывчатый, всё ещё держался в голове, но спустя минуту испарился окончательно. Осоловелые ото сна мысли постепенно уступали место реальности.

Я невнятно заворчал что-то, освобождаясь из того скомканного гнезда, в которое превратилась куртка за время, что я проспал. Я проснулся, но до сих пор оставался в полудремотном состоянии, и потому не сразу сообразил, где я нахожусь или что со мной происходит. Я грузно сел на мокрой банке, чуть не соскользнув с неё в воду, и вытаращился в непроглядную темень.

Почему не видно Игрока, сидящего напротив? Когда я засыпал, он был там, пусть и еле еле видимый, а сейчас — хоть глаз выколи, поди разбери, где он. Почему вдруг потемнело ещё сильнее? Я вытянул вперёд руку, пробуя нащарить в темноте что-нибудь осязаемое — и даже её не смог разглядеть. На секунду я и вовсе потерял ориентацию в пространстве, забыв, где верх, а где низ.

Меня резко швырнуло в сторону, и я обеими руками схватился за борт, стараясь удержаться внутри, как страдающий похмельем человек пытается удержать внутри себя завтрак. Скрючившись в таком положении, я подумал: а что, если Игрока вот так же выкинуло из лодки, пока я спал? Он, конечно, ко всему этому привычнее, чем я, но всякое

могло произойти, тем более в этом корыте, в котором и встать-то нормально нельзя без того, чтобы обо что-нибудь не споткнуться. Удивительно, как он ещё в свой первый рейс не потонул где-нибудь на краю света.

По-прежнему не рискуя разогнуться, я прислушался к так и раздающемуся где-то рядом плеску, но теперь он звенел отовсюду, а не только от Игрока — волны всё яростнее бились о кое-как держащуюся на плаву лодку, словно нарочно решив её утопить. Нас снова качнуло, изрядно зачерпнув воды, и тревожные мысли о судьбе Игрока на миг уступили другим — о сохранности лежащих на дне лодки вещей.

Я с проворством циркового гимнаста втиснулся обратно и юркнул вниз, туда, где должны были быть сумки — отчасти из желания проверить, всё ли с ними в порядке, но в основном надеясь хотя бы как-то укрыться от шквалов ветра, грозящих в любую секунду выбросить меня за борт. Впрочем, это не особо помогло: меня то и дело обдавало с ног до головы ледяными брызгами, заставляя отфыркиваться и неловко взмахивать руками в безуспешных попытках хоть немного прикрыться.

Так я пробарахтался, беспомощно и неуклюже, несколько минут, пока откуда-то спереди, с носа лодки, не раздался, наконец, голос Игрока:

— Если ты планируешь нас перевернуть, то есть способы и попроще, но и такой, в принципе, сойдёт.

В его словах не слышалось волнения или страха, и я тоже успокоился, более или менее. Я снова взгромоздился на скамью, до сих пор скользкую от воды, выпрямился и уже открыл рот, чтобы заговорить, но меня тут же ударило в лицо очередной волной. Откашлявшись и отплевавшись, я всё же спросил, перекрикивая шум стихии:

— Что... Тьфу! Что случилось? Я тебя не вижу, совсем.

— Шторм случился, — даже по интонации было слышно, как он равнодушно пожал плечами.

— Мы... Мы в шторм попали? — От картины нас двоих, болтающихся в крошечной шлюпке по бушующему морю, у меня сердце ушло в пятки.

— Ещё не попали, но погода плохее, с каждой минутой всё хуже. На нашей замечательной яхте пройти через бурю будет непросто, но всё лучше, чем пытаться её обогнуть — с пути собьёмся. Поэтому пойдём так.

Наступившая внезапно темнота была вовсе не темнотой — вокруг нас накрапывал лёгкий — пока что — дождь, значительно ухудшающий видимость. Дождь, который ни разу не шёл над землёй. А сейчас — конечно же, самый подходящий момент. Почему бы и нет?

— Ты что же, грёб всё это время? Пока я спал?

— Ага.

— Давай замению тебя. — Предложил я, не зная, будет ли это иметь смысл, раз погода ухудшилась.

— Позже, может быть. В бурю ты с лодкой всё равно не справишься. Да и в штиль, наверное, тоже — вряд ли ты до этого был заправским моряком. Да и потом, сейчас в любом случае грести нет резона. Только силы зря потратим, да руки в кровь сотрём.

— И... Что нам тогда делать?

— Расслабиться. И получать удовольствие.

Получать удовольствие?... Это прозвучало так, словно мы не в лодке сидели в ожидании надвигающегося шторма, а лежали в шезлонгах на каком-нибудь знойном пляже, окружённые пальмами, и лениво потягивали охлаждающие напитки.

Впрочем, повлиять я действительно ни на что не мог — так зачем, в самом деле, лишний раз беспокоиться? Гроза, судя по усиливающейся непогоде, приближалась так же неизбежно, как и наша встреча с Беглецами, и деться от них обеих нам было некуда.

Я закрыл глаза — без особой, пожалуй, нужды — и, *раслабившись*, поплыл по течению, мягко увлекающему мои мысли, в который уже раз, по направлению к воспоминаниям...

Воспоминаниям о девушке из заснеженной палатки. Хотя нет, это были не воспоминания, а одно из тех видений, что мелькали проступающими через реальность призраками прошлой, настоящей жизни. Сейчас у меня перед глазами возникло её лицо, всё такое же карандашно-серое на фоне сжимающей нас в тиски темноты, как будто чей-то оживший рисунок. Я знал её когда-то?.. Её взгляд, полный невыплаканных слёз... Он вспыхнул лишь на секунду, но от него сердце сжало, как если бы на грудь рухнула целая гора.

Я смахнул со щеки дождевую каплю. Пережила ли она пожар? Если поля загробного мира тянулись практически бесконечно, то шансы на то, что она оказалась где-то неподалёку от нас, когда всё началось, стремились к нулю.

Так же, как и мои шансы встретить её тогда, в первый раз. Пусть так, но всё же оставалась крохотная возможность почти несбыточного события, и этот мелкий изъян, трещина в безупречной защите — она грызла меня и разъедала изнутри, не давая покоя. Зачастую подобная тревога охватывала меня безо всякой причины, посреди каких-нибудь других мыслей, а иногда — вот так, когда я сидел без дела во тьме, в открытом море на краю света, предоставленный только самому себе и своим размышлениям.

Из забвения меня вырвала волна, обрушившаяся на лодку. Достаточно большая, чтобы нас если не перевернуло, то уж точно смыло в воду. Каким-то чудом мне удалось не глядя схватиться за сучковатую древесину и таким образом удержаться внутри. Снова отплевываясь от солёной воды, я в панике выкрикнул имя Игрока, но он тотчас же отозвался со своего места, дав понять, что всё в порядке. Я наконец смог рассмотреть в темноте хоть какое-то смутное шевеление.

Тем временем море разошлось не на шутку. Бьющие нас со всех сторон волны участились, в небе засверкали молнии — та парочка из них, что я успел заметить до этого, казались сейчас далёкими и неопасными. Теперь они били прямо вокруг нас, всё ближе и ближе, взрывая в каких-то метрах от нас высокие фонтаны, отчётливо различимые в свете вспышек — словно небеса решили устроить с нами пушечный бой. В одном из всполохов я увидел Игрока; он действительно лежал на своей половине, вытянув ноги через борт так, будто бы находился на приятной лодочной прогулке. Стоит шторму один-единственный раз хорошенько трянуть нас...

Эта короткая мысль предвосхитила то, что произошло дальше — в следующий момент нас подняло в воздух, на высоту десятка метров, задержало там на мгновение — и с невероятной силой швырнуло вниз. Угрожающий раскат грома прогремел над бурной поверхностью моря, точно предвкушая, что с минуты на минуту мы пойдём ко дну. Я крепко сжал зубы и вцепился в дерево с удвоенным исступлением, до боли в пальцах и пятен в глазах. Я был более чем уверен, что Игрока выбросило за борт, однако в очередной вспышке увидел, что он всё ещё со мной — уже не такой довольный и умиротворённый, как раньше, но всё же. Поля его намокшей шляпы отяжелели от воды и опустились вниз, закрывая и без того половинчатый обзор. Сам он сидел теперь на дне лодки, держась за весло и стараясь

вскарабкаться на ноги, прямо во время непрекращающейся качки.

Нас кинуло вбок — мы с Игроком тряпичными куклами мотнулись в противоположную сторону — затем волчком завертело на одном месте, до головокружения, до тошноты. Дождь тем временем усилился и превратился в самый настоящий ливень. Когда карусель, наконец, остановилась, я, воспользовавшись передышкой, рывком перегнулся через борт, готовый опорожнить желудок, но всё-таки сдержался. И очень удачно — едва я успел водрузиться обратно на банку, как новая волна сокрушительно опустилась на другой борт. Если бы в этот миг я так и висел наполовину снаружи, то уже барахтался бы в бурлящей пене, захлёбываясь и пытаюсь понять, где верх, а где низ.

Я услышал приглушённый, словно доносящийся издалека крик Игрока:

— Держись крепче!

Совет настолько же ценный, насколько и бессмысленный — ничего сейчас не могло заставить меня отпустить доску, за которую я схватился секундой раньше. Вдобавок я ещё и упёрся ногами в днище, для дополнительной устойчивости, однако мгновение спустя понял, что этого будет недостаточно: видимый даже в темноте, без света молний, нам наперерез нёсся ураган.

Огромная воронка воздуха двигалась хаотично, всасывая в себя тонны воды, дробя их в мелкие капли и тут же выплёвывая обратно. Просто лотерея какая-то, безумно мелькнуло у меня в голове. Делаем ставки, пройдем ли мы мимо в целости и сохранности, или нас так же расщеплет на водяную пыль.

Внезапно, в первую очередь для самого себя, я засмеялся, то ли от банального страха, то ли от неспособности что-либо сделать. Нет, не засмеялся — хрипло захохотал прямо в зияющее над нами чёрное небо, задрал голову и подставив лицо хлещущим по нему каплям. Глядеть на разрушительный вихрь, готовый в любую секунду уничтожить тебя на месте — такое кого угодно заставит тронуться рассудком.

Кого угодно, кроме Игрока, до сих пор сохранявшего некое подобие спокойствия. Он, услышав мой истерический хохот, воззрился на меня с удивлением, явно достойным чего-то более необычного. Да уж, найти вещь, способную изумить Игрока — это определённо стоит риска умереть такой смертью.

Нас накрыло ещё одной волной, заставив меня умолкнуть — но лишь на несколько мгновений, по прошествии которых мой булькающий хохот снова прорвался сквозь грохот шторма. Любопытная, должно быть, складывалась картина при взгляде со стороны. Ураган, так и продолжающий кружить рядом, безостановочно хохочущий я и Игрок, рассеянно смотрящий на меня.

Как ни странно, более или менее в норму мы пришли, когда один из порывов ветра, кусающих нас там и тут, сорвал с Игрока обмякшую шляпу и бросил её ко мне, под ноги. Он оторвал глаза от меня, а я, наконец, замолчал. Я огляделся; вихрь по-прежнему плясал вокруг лодки, он всё так же двигался замысловатыми зигзагами, но, похоже, обходил нас стороной. Ливень, безжалостно барабанящий по дереву и по нам, тоже, кажется, успокаивался. Череду молний редела.

Я выдохнул и вытер слёзы, выступившие от смеха и текущие по лицу вперемишку с каплями дождя. Дыхание постепенно возвращалось; я наклонился, чтобы поднять шляпу Игрока, и в этот момент произошло то, чего я боялся всё это время. Невидимая рука вздёрнула меня вверх, на доли секунды задержала на высоте нескольких метров, а затем с силой швырнуло вниз, но не в лодку, а в чернеющее под ней море. Я рванул вверх, чувствуя,

как паника растекается по мне одновременно с тем, как вода заполняет рот и нос, однако вместо того, чтобы вынырнуть, ударился обо что-то твёрдое и от этого погрузился обратно в разверстную бездну. Темнота, ещё более непроницаемая под водой, и одежда, вдруг ставшая тяжёлой и мешковатой, мешали выплыть, но попыток я не оставлял. Раз за разом я бился всё в ту же твердь, не понимая, что тараню головой и руками днище лодки. Я уже успел мысленно попрощаться с жизнью, как рядом что-то булькнуло, взбив облако пузырьков, вцепилось в меня и потащило. Миг спустя Игрок вволок меня в лодку и, уронив на дно, сам свалился поодаль, шумно дыша.

— Не благодари, — прохрипел он, привалившись спиной к корме. Под ним что-то хрустнуло, и он, опомнившись, пододвинулся, слезая с покоящихся на дне сумок. Сейчас, когда ураган прошёл мимо и ливень мало-помалу утихал, становилось чуть-чуть светлее, и разглядеть Игрока, да ещё на таком близком расстоянии, было проще. Он нырнул вниз, к сумкам, и принялся копаться там в поисках чего-то, что в итоге оказалось той самой бутылкой, которую он недавно так бережно извлёк из своего тайника.

Выдернув с характерным хлопком пробку, он протянул откупоренный сосуд мне. Второй раз можно было не предлагать: я запрокинул голову и жадно отхлебнул из бутылки. Уже знакомый, сладкий фруктово-ягодный вкус разлился сначала по горлу и желудку, а оттуда и по всему телу, отзываясь приятным согревающим теплом. Только после этого я понял, что за время шторма умудрился практически околеть, хотя раньше не чувствовал ни малейшего признака холода. Сделав ещё глоток, опустошивший ёмкость у меня в руке почти наполовину, я передал её обратно Игроку. Он, в свою очередь, выпил совсем немного, затем поднял бутылку над головой и потряс её, оценивая, сколько напитка в ней осталось, после чего спрятал назад в сумку.

Мы снова умолкли и некоторое время просидели так, не шевелясь, лишь слегка покачиваясь в такт колыбаниям самой лодки. Ни я, ни Игрок не стали ничего говорить — всё и так было ясно. Мы никогда ещё не были так близки ко второй смерти, уж я-то наверняка. Разве что тогда, когда вызвал лавину, под которой едва не погиб, но в тот раз я сам действовал по собственной глупости, сейчас же я мог винить в произошедшем разве что неудачно сложившиеся обстоятельства. Да и надо ли кого-то винить? Я немного стыдился своей потери самообладания, но, с другой стороны, никакого вреда она не принесла. В конце концов, всё обошлось, пострадала только наша гордость. В ушах, больше не перебиваемые шумом бушующей грозы, по-прежнему звенели отголоски моего же безумного, истеричного смеха.

Дождь окончательно прекратился, застилающая глаза завеса сгинула, и я, давно привыкший к полутьме, почувствовал себя как дома: ничто так не меняет самоощущение человека, превратившегося в слепца, как возвращённое ему зрение. Даже если смотреть ему особо и не на что: нас не окружало ничего, кроме всё той же бескрайней воды.

Когда Игрок прервал молчание, его голос звучал уже не таким же вымотанным, как пару минут назад, однако полностью все прежние краски в него ещё не возвратились. Не поднимая уроненной на грудь головы, со скомканной и потерявшей форму шляпой в руках, он проговорил:

— Теперь остаётся добраться до Беглецов. Всего-навсего. Молния дважды в одно и то же место не бьёт. А если и ударит, значит, мы с тобой чертовски везучие парни. — Он слабо усмехнулся шутке, и добавил:

— В общем, надеюсь, второй шторм нам по пути не попадётся. Его мы точно не

переживём.

Я ему не ответил, но это определённо было тем же самым, на что надеялся и я сам. Игрок какое-то время ещё продолжал бормотать что-то вполголоса, затем затих, по всей видимости, заснув. Я тоже остался сидеть на своём месте, погружённый в мысли. Куда нам теперь плыть? Вряд ли Игрок сможет заново отыскать нужное направление после того, как нас потрепало. Здесь, в открытом море, нет никаких ориентиров, на которые он мог бы полагаться.

Аккуратно, стараясь не разбудить его, я поднялся на ноги и занял его старое место, на вёслах — они, к счастью, не пострадали и оставались, целые и невредимые, в уключинах. Мне вспомнились слова Игрока о том, что грести я явно не умею: вот и настало время это проверить. Я ухватился за вёсла, неуклюже взмахнул ими...

На то, чтобы научиться хотя бы попадать ими по воде, у меня ушло не меньше пятнадцати минут, и всё равно ни к какому существенному результату это не привело: лодка крутилась на одной точке, поворачивалась туда-сюда и кренилась, угрожая зачерпнуть воду бортом, но не плыла. Возможно, под присмотром более опытного гребца у меня получалось бы лучше, но я решил, что будить ради этого Игрока, безусловно заслужившего отдых, не стоит. Меня же согревающий напиток, судя по всему, взбодрил гораздо сильнее, поэтому я, стиснув зубы, продолжал пробовать снова и снова. Как с фигурками на старой мельнице — пока не получится.

В очередной раз утирая пот со лба, я окинул взглядом ровную, почти зеркально гладкую поверхность воды. Если на суше я ни разу не встретил ни одного животного, даже насекомых, какова вероятность, что что-нибудь может водиться здесь, в море? Что-нибудь опасное, вроде акулы или чего-нибудь похуже. Нулевая, пожалуй, но всё же было бы неплохо попробовать составить карту окрестностей. Используя ориентиры, о которых рассказывал Игрок, это не должно вызвать затруднений. Само собой, и точность таких карт будет соответствующая. И всё равно, можно отмечать на них всё, заслуживающее интереса — расположение собственных тайников, свободных укрытий, пожарищ, других людей. И опасностей, конечно. Мои глаза скользнули по бурунам, взбиваемым вёслами. «Здесь могут водиться драконы». Или акулы, да.

Я вздохнул. Надо бы после визита к Беглецам обдумать эту идею получше. Может, обсудить с Игроком — вдруг он сам уже примерял на себя роль картографа. Или знает кого-то другого. В любом случае с его помощью это будет проще. Жаль, правда, что не всё получится указать на такой карте — такие вещи, как внезапный шторм или загадочный двойник, пытающийся тебя убить, например. Но и с ними рано или поздно можно что-нибудь придумать.

Улыбнувшись, я опять взмахнул вёслами. И в этот раз лодка пошла гладко — без качки, без рывков и каруселей. Не слишком быстро и не совсем туда, куда я её направлял, но всё же пошла. Окрылённый успехом, я прогрёб таким же образом ещё с сотню метров, чтобы закрепить результат, и с удовлетворением отложил вёсла в сторону. Грести в одиночку, когда Игрок спит, смысла нет. Даже если буря отнесла нас обратно к берегу, лучше подождать, пока он проснётся и уже потом, вместе, думать, что же делать дальше и как искать потерянную «тропу». Главный недостаток воды по сравнению с сушей, на мой взгляд — на ней не остаётся следов. Ну, или их остаётся гораздо меньше. Может, какой-нибудь опытный моряк со мной и поспорил бы, но для меня, как обычного человека, непривычного к морю, это казалось совершенно очевидной истиной.

Я вытянул, насколько позволяла теснота, затёкшие ноги, и, по примеру Игрока закутавшись в одежду поплотнее, закрыл глаза. Я не собирался спать, но отдохнуть и мне не помешает — скорее всего, силы мне скоро понадобятся. Тем более, если я буду за гребца.

Никем и ничем не тревожимая лодка спокойно задрейфовала по поверхности моря.

Глава 21. Беглецы

Волны продолжали скрестись в борта нашей лодки, мягко и тихо, в контраст прошедшему не так давно шторму с его разрушительной, все сметающей яростью. Похолодало, поверхность воды подёрнулась полупрозрачной плёнкой тумана.

Игрок, вздрогнув, проснулся, словно от толчка в плечо или хлопка над ухом, и осоловело заглядывался по сторонам. На моей памяти это был первый раз, когда он спал, и наблюдать за проявлением в нём чего-то столь человеческого, как внезапное пробуждение, было по меньшей мере забавно. Очухавшись, он слегка нахмурился, поднял снизу, из-под ног, упавшую за время сна шляпу и принялся приводить её в порядок, стараясь разгладить поля, что, впрочем, ему не слишком-то удавалось. Высохшая и пропитавшаяся солью ткань оставалась всё такой же безнадежно сморщенной и заскорузлой, сколько бы Игрок над ней ни трудился. В таком состоянии она скорее походила на большой уродливый торт, растёкшийся по противню, чем на головной убор. Сдавшись, Игрок с силой натянул её на голову, но затем, лениво выругавшись сквозь зубы, сорвал и зашвырнул обратно под банку.

Закончив с этим, он наклонился, зачерпнул из-за борта воды и побрызгал ею себе в лицо. Только тогда, откашлявшись и откинув со лба намокшие пряди, он обернулся ко мне. Сонливость пока не полностью покинула его, а изогнутый шрам на месте одного из глаз в сочетании с растрёпанной одеждой придавал ему ещё более рассеянное выражение. Сползший с шеи шарф обнажил опоясывающий её тонкую полоску, такую яркую, что она почти фосфоресцировала в темноте. Отметина висельника.

— Ну, что нового? — Он сонно моргнул и перевёл взгляд на безмятежное море.

— Что тут может быть нового, — фыркнул я. — Второго шторма точно не случилось, а то бы ты уже проснулся.

— Не обязательно, — пробормотал он и протяжно зевнул. Затем его живой глаз медленно скользнул к вёслам.

— Но времени ты, как я посмотрю, зря не терял?

Я в ответ неопределённо пожал плечами и положил ладони на рукоятки вёсел, будто собрался грести прямо сейчас. Игрок хмыкнул:

— Ладно, скоро увидим.

Он ещё раз зевнул и поднялся на ноги. Пересев повыше, он принялся оглядываться так, словно надеялся рассмотреть вокруг что-то, помимо мерно колышущейся воды и горизонта, к которому она уходила. Вернее, который терялся где-то в темноте. Наконец, спустя минуту или две наблюдения, он произнёс едва слышно, себе под нос:

— А не так уж сильно нас и отнесло...

Он снова повернулся ко мне, наткнулся на мой вопросительный взгляд, и пояснил:

— Я боялся, что из-за бури мы собьёмся с пути. Но всё вроде бы в порядке, скоро вернёмся на маршрут. Надо только взять чуть правее... — Он задумчиво вытянул руку в этом направлении, но я его перебил:

— Хочешь сказать, ты понял, где мы? — Он так же глубокомысленно кивнул. — И как, позволь поинтересоваться? Я здесь даже правую руку от левой не могу отличить. Море, оно же всё... одинаковое.

— А как, по-твоему, я с самого начала различал маршрут? — Ответил он так, точно это подразумевалось само собой, затем опять уставился вдаль.

Я понял, что продолжать расспросы бессмысленно, и остаётся только ждать, пока он всё не обдумает. Прошла ещё минута, прежде чем он снова заговорил:

— Теперь слушай... Настало время показать, на что способен. В первую очередь нужно вернуться обратно на маршрут, тогда он от нас уже никуда не денется. Выровняй-ка нас вон в ту сторону, — он вскинул руку, указывая немного правее носа лодки.

Я взялся за вёсла. После нескольких взмахов мы застыли лицом ровно туда, куда и показывал Игрок.

— Теперь плывём в этом направлении. Если что-то поменяется, я дам тебе знать.

Он уселся обратно на банку и достал снизу свою сумку, больше не обращая внимания на происходящее вокруг.

Я принялся работать вёслами. Первые движения вышли неловкими и не слишком удачными, однако руки быстро вспомнили, как нужно действовать, и вскоре лодка пошла вперёд даже лучше, чем раньше.

Мы плыли в тишине, хотя здесь, в море, она была лишь относительной — плеск воды хоть немного, но разбавлял звенящую пустоту. И всё равно такое море разительно отличалось от того, мощь которого мы невольно лицезрели не так давно. Отличалось прямо противоположно. Так же, как человек, чей настрой может меняться за считанные мгновения.

Игрок извлёк из сумки трубку и мешочек с табаком и убедился, что они в шторме не пострадали, оставшись сравнительно сухими. Он закурил и сидел так, уставившись в одну точку с задумчивым видом, время от времени бросая отсутствующие взгляды то на меня, то на воду, покрытую позёмкой тумана, то куда-то в темноту. Я ожидал, что курс, которого я должен был держаться, довольно быстро потребует корректировки, но, по всей видимости, получалось у меня вполне сносно, и Игрок молчал. Он прервал молчание неожиданным для меня вопросом:

— Когда мы доберёмся до места, что конкретно ты хочешь узнать?

Я на пару секунд поднял вёсла, задумавшись, после чего ответил:

— То же, что и планировал с самого начала. Есть ли кто-то, кто управляет этим миром. И если есть, то где его найти.

Игрок вгрызся зубами в трубку, судя по всему, взвешивая дальнейшие слова, затем произнёс с расстановкой:

— Не показывай им сразу, что именно тебе нужно, и как сильно тебе это нужно. Если они поймут, что могут диктовать свою цену, так они и поступят. Вытягивай из них информацию понемногу, по капле.

— И как мне это сделать? Они вроде бы не из тех, кто любит поторговаться. Да и вряд ли бы мы поплыли к ним ради каких-нибудь пустяков, и они не такие дураки, чтобы это не понимать.

— Там, на месте, будет ясно. Пока что запомни то, что я тебе сказал. Я, конечно, постараюсь помочь, но полагаться тебе придётся в основном на себя. Как ты правильно заметил, они не дураки, и...

Его прервал глубокий, протяжный гул, раздавшийся внезапно где-то вдалеке. Он разнёсся над поверхностью моря, взбаламутив воду и дымку над ней, вернулся таким же гулким эхом и затих.

— Что за...

Не успел я закончить фразу, как звук повторился — с той же стороны, с той же силой.

Так, наверное, мог бы трубить огромный синий кит. Вот только никаких китов здесь нет, напомнил я себе. А если бы и были, чтобы издавать *такие* звуки, они должны быть по меньшей мере в десять раз больше самого большого из тех, что когда-либо существовал в реальности. Такого попросту не могло быть. Даже в загробном мире.

Гул пронёсся над нашими головами в третий раз, подобно исполинской сирене, возвещающей о конце света. Мы с Игроком переглянулись, и по выражению его лица я понял — это оно. Чем бы этот звук ни был, мы добрались. Почти добрались.

Над нами снова повисла та же тишина, нарушаемая только спокойными всплесками облизывающей борта лодки воды, такой же чёрной и холодной, как окружающий нас воздух. Я с новыми силами налёг на вёсла. В открытом море, где не существует севера, юга, запада или востока, а верх и низ порой меняются местами, сообразить, откуда именно шёл странный гул, было практически невозможно. Игрок, скорее всего, мог бы подсказать насчёт направления, но он просто сидел, нахмурившись, и ничего не говорил. Он спрятал трубку в карман, и сейчас смотрел себе под ноги, а не вперёд. Я решил, что смогу обойтись и без его совета — достаточно взять хотя бы примерный курс. Вряд ли даже в темноте мы упустим из виду махину, способную издавать подобный шум.

Чем дальше, тем больше росло напряжение. Так же, как предвкушение удовольствия иногда бывает приятнее, чем само удовольствие, ожидание чего-то неприятного тоже может оказаться мучительнее самого события. Как ожидание удара, летящего прямо в лицо — то короткое мгновение, что ты видишь руку, от которой уже не уклониться, гораздо болезненнее, чем сам удар. Он же, наоборот, ознаменует конец страданий, отсечёт «до» от «после».

И для нас этим спасительным ударом стал внезапно выступивший из тумана силуэт. Он разорвал тьму так бесшумно и неожиданно, что я едва не выронил вёсла, увидев, как из пустоты высоко над нашими головами появилось нечто... огромное, действительно колоссальное, размером никак не меньше пожарища, хотя и не светящееся. Медленно, словно нехотя, оно проступило сквозь темноту, выплыло вперёд и, как только мы остановились, тоже замерло, зловеще нависнув над нами.

Я замер с задранной вверх головой и открытым в изумлении ртом, сжимая приподнятые над водой вёсла. Что это? Корабль? Смутные очертания вырисовывали какую-то сложную многоэтажную конструкцию, состоящую из десятков соединённых друг с другом платформ, но на корабль она явно не походила. Скорее, на что-то вроде...

Где-то наверху, на самой верхушке гигантского монстра, с громким щелчком вспыхнул маякоподобный сноп яркого света, разрезавший темноту над нами пополам. Он провисел неподвижно несколько секунд, затем плавно пополз по воде, мимо нас. Я сидел молча, не решаясь шелохнуться, да и Игрок следил за лучом с плохо скрываемым волнением. Сделав круг, тот вернулся обратно и остановился так, что мы оказались ровно в его центре; меня с непривычки даже ослепило. Я зажмурился и заслонился руками, ожидая, что произойдёт дальше, но больше ничего не было. Луч просто висел, высвечивая нас среди сплошной тьмы, как актёра перед спектаклем, и мешая мне разглядеть сам загадочный не-корабль получше.

Мы с Игроком переглянулись. Он тоже сидел, скрючившись и закрываясь от света, хоть тот бил ему не в лицо, как мне, а в спину. Впрочем, он обернуться и не пытался.

— Что это? — Озвучил я ему свой вопрос, причём стараясь говорить погромче, почти крича, будто луч мешал не только видеть, но и слышать.

— А это, мой дорогой друг, — ответил он, — и есть крепость Беглецов.

— А разве... Хм... — Я напряг память. — Разве ты не говорил, что они свою крепость построили посреди чистого поля?

— Фигура речи, — хмуро пробормотал он, отворачиваясь одновременно и от света, и от меня. — Да и потом, какая разница?

Я ещё раз взглянул, щурясь сквозь пальцы, на исполинское нагромождение теней и металла. Ни единого признака присутствия кого-то, кроме нас. Ни голосов, ни человеческой фигуры — ничего, кроме выхватившего нас из темноты прожектора, который не мог включиться сам по себе. Я опять перевёл взгляд на Игрока, но прежде, чем я успел спросить что-либо, он сам скомандовал:

— Подплыви ближе.

Меня не покидало ощущение, что мы углубляемся в невероятно огромную пещеру. Всё плотнее сгущающийся туман и платформа, нависающая над нами массивным козырьком, образовывали подобие замкнутого пространства. Единственным, что рушило это впечатление, был луч света, не отстававший от нас до тех пор, пока мы не оказались под самой платформой, после чего он остался позади, словно не мог двигаться дальше. По бокам от нас, на значительном расстоянии, я заметил уходящие вверх, к платформе, квадратные опоры, как будто сплетённые из металлических же балок. Они были так далеко, что у меня получалось их разглядеть только благодаря исполинским, под стать самой висящей в воздухе громадине, размерам. Такие же столбы смутно вырисовывались и впереди нас.

Игрок усиленно высматривал что-то сквозь тьму и туман. Приставив ладонь ко лбу, он вертел головой из стороны в сторону, пока не заметил искомое — и тогда он молча вытянул руку в нужном направлении и даже сам немного подался вперёд, едва не вывалившись из лодки. Я поактивнее налёг на вёсла и через минуту тоже увидел, куда он показывал — там наш путь преграждала одна из опор. Я направился к ней.

Когда мы подплыли поближе, я понял, что это не просто опора. В самом низу, у воды, располагалась утопленная наполовину в ржавчине, наполовину в водорослях плавучая площадка, выполнявшая, похоже, роль причала — небольшая, но вполне вместительная для человек двенадцати-пятнадцати. Наверх с неё вела хлипкая лестница, напомнившая мне ту, по которой я вылезал из канализации, спасаясь от дикаря: такая же хрупкая и ненадёжная на вид. Эта от той отличалась, наверное, только размером: она уходила ввысь на многие метры, постепенно теряясь в мареве и уже на границе видимости упираясь в ещё одну площадку. Кажется, подниматься на главную платформу предполагалось шаг за шагом, по этажам.

Нос лодки мягко ткнулся в «причал», и мы остановились; я сложил вёсла. Игрок обернулся, встретился с моим вопросительным взглядом и кивнул. Мы спрыгнули на площадку, чуть-чуть просевшую под нашим весом. Я хотел было и сумки сразу достать, но Игрок сказал:

— Не стоит, они нам не понадобятся.

Мы встали под лестницей, глядя наверх. Из-за студёной морской дымки рассмотреть, что там, получалось даже хуже, чем с воды — отсюда я мог различить лишь то, что следующий этаж представлял собой такую же платформу, как и эта, с похожим на корабельную перегородку узким люком-прорезью, в который и уходила лестница.

— Нам туда, — произнёс я без вопросительной интонации.

— Ага. — Игрок тихо вздохнул. — Я первый.

Он полез наверх. Я задержался на пару мгновений, чтобы привязать лодку, и последовал за ним. Поначалу лезть было несложно, по крайней мере, первые несколько метров. Затем я

понял, что чем выше мы забираемся, тем сильнее шатается лестница под нами, и не только из-за нашего собственного веса — в движение её приводили даже лёгкие порывы ветра. Уже на середине меня едва не сбросило вниз, когда нас в очередной раз трянуло, чуть ли не на метр отнеся в сторону. Переждав тряску, я пополз дальше, стараясь не отставать от Игрока, лезшего куда как бодрее — ожидаемо, с учётом того, что *он-то* здесь бывал раньше. Он подождал меня на следующем этаже, стоя на краю платформы и наблюдая за брызгами, без затруднений долетающими до него снизу, даром что море оставалось сравнительно спокойным. Эта площадка практически ничем не отличалась от нижней — и с неё так же вела наверх ещё одна лестница.

Таким образом мы преодолели пять этажей, каждый никак не меньше полусотни метров; на весь подъём ушло около получаса. С последней площадки наверх вела гораздо более короткая лестница, не больше пяти метров, выходящая на нижний уровень главной платформы. Я, уже привычным движением взявшись за одну из ступенек, заглянул туда — и от неожиданности отпрянул, чуть не свалившись вниз. Сверху, из люка, на меня смотрело сразу несколько человек — заросших до колтунов, с лицами, изъеденными чёрными разводами. И без капли дружелюбия в глазах, сверкающих сквозь гривы спутанных волос. Все они могли бы без труда сойти за родных братьев-близнецов тех троих, что пытались похитить меня на станции метро.

Очевидно, нас ждали, тот прожектор высвечивал нас не просто так, конечно. Я покосился на Игрока, тот, заметив мой взгляд, снова коротко кивнул — с каменным выражением лица, ни единого дрогнувшего мускула. Спроси меня сейчас, что он чувствует — я не взялся бы угадывать. Он потянулся неспешно, даже с некоторой ленцой, затем приблизился к лестнице. Люди наверху, увидев это, расступились, отстранившись от люка. Игрок полез туда, к Беглецам. И я вслед за ним.

Протиснувшись через узкий люк, я поднялся на ноги. Не было нужды осматриваться, чтобы понять, что происходит — нас двоих плотным кольцом окружила целая толпа, человек сто, если не больше. Они, бедно освещённые расположенными где-то за их спинами тусклыми лампами, ничего не делали, просто молча топтались на одном месте, угрюмо уставившись на нас с Игроком, будто чего-то ждали. Так же стояли, плечом к плечу, не издавая ни звука, и мы.

При более близком взгляде их лица оказались не только измазанными в грязи — они были красными и выдубленными, как у людей, проводящих много времени на холодном ветру. Я опять вспомнил ту троицу. Да, они бы сюда идеально вписались... А может быть, кто-нибудь из них и правда стоит сейчас тут, незамеченный мной, и...

Задние ряды расступились, пропуская кого-то. Вперёд протолкался один из Беглецов — точно такой же, как и все остальные, за исключением того, что он явно не собирался безмолвно глазеть на нас. Он вскинул дрожащую руку, гневно тыча пальцем в Игрока:

— Ты!.. Посмел сюда явиться, после...

— Да, — перебил его Игрок. Его холодный и сочащийся презрением голос звучал на удивление спокойно. — Посмел.

— Ха! Я бы на твоём месте держался подальше...

— Тогда хорошо, что ты не на моём месте, Тик. Твоё место — здесь, на этой помойке.

— И ты надеешься...

— Я надеюсь только, что ты наконец-то заткнёшься. Сделаешь одолжение?

Тик стоял, тяжело дыша, глядя на Игрока и сжимая и разжимая кулаки, словно мог в

любую секунду потерять голову и броситься на него. Я ясно видел, как поднимается и оседает его грудь под истрёпанной холщовой курткой, как разъярённо трепещут его ноздри, как пульсирует перечёркивающая лоб вена... И вдруг он расслабился, напряжение на его лице разом заменилось подобием язвительной усмешки. Он плюнул себе под ноги и проговорил, уже гораздо тише:

— Отлично, отлично... Посмотрим, что *он* об этом скажет...

Он ещё секунду сверлил Игрока глазами, полными ненависти и злорадства, затем резко развернулся и снова пошёл сквозь толпу. Его товарищи так же молча расступались перед ним ровно настолько, чтобы он мог протиснуться между ними, и сразу же за его спиной смыкались обратно. Я выдохнул с облегчением; хорошо, что не дошло до драки, но в его последней фразе, как будто брошенной мимоходом, всё равно слышалась неприкрытая угроза.

Вперёд шагнул ещё один, из передних рядов — немного старше остальных, хотя и такой же грязный и косматый. Он, в отличие от Тика, выглядел скорее просто сердитым, чем разгневанным, и держался более опасно, уставившись в пол, как если бы боялся поднять глаза на Игрока. Он затараторил, активно взмахивая рукой в воздухе так, словно стучал кулаком по невидимому столу:

— Тик правильно говорит! Нечего тебе было возвращаться! Чего ты тут забыл?

Конец его вопроса потонул в гуле одобрительного бормотания, раздавшегося со всех сторон. Он постоял, оживлённо кивая, будто это он соглашался со всеми, а не наоборот, и так же боком скользнул на своё место.

— А может, — донёсся до нас хриплый голос из толпы, — сбросить тебя в воду, и все дела? И приятеля твоего заодно!

— В лёд их! — Заорали откуда-то слева, и тут же этот крик подхватил целый хор:

— В лёд!

— Правильно!

— Туда их!

— Бросить!..

Я нахмурился — всё складывалось совсем не так, как я надеялся, пусть и вполне ожидаемо. И что ещё за «лёд»?..

Игрок же, сложив руки на груди, осматривал вопящих Беглецов всё с тем же презрительно-ледяным спокойствием. Можно было подумать, что он специально ведёт себя вызывающе, в расчёте на то, что кто-то из них не выдержит и...

В тот момент, когда кольцо вокруг нас стало, как мне показалось, сжиматься, раздался звук, заставивший всех снова замолчать. Звук чьих-то шагов по металлу, гулких в холодном морском воздухе.

ЛЯЗГ. ЛЯЗГ. ЛЯЗГ.

По лестнице, расположенной за спинами Беглецов, к нам неторопливо спускался человек. Я прищурился. Отсюда я не мог разглядеть его как следует, не считая мутных очертаний, но даже его силуэт излучал угрозу, тем более с учётом эффекта, который его появление произвело на галдящую толпу. Он ступил на платформу и направился к нам; мы с Игроком неотрывно наблюдали за ним, как и сами Беглецы, повернувшиеся к нему в пол-оборота. Едва он приблизился, они опять расступились, только в этот раз определённо сделали это с куда большим рвением. Когда он проходил через их шеренги, они ряд за рядом потупляли глаза, словно не осмеливаясь встретиться с ним взглядом, словно чувствуя

тянувшийся за ним шлейф страха — словно сама Смерть сидела у него на плече.

Он остановился прямо перед нами. Он выглядел одновременно и похожим, и непохожим на других: скорее старик, чем их ровесник, он в то же время был выше и шире в плечах любого из них, включая здоровяка Тика. Его борода, длинная и спутанная, отливала сединой, как и выбивающиеся из-под выцветшей чёрной фуражки волосы. Его одежда, такая же истлевшая, как у остальных, не смотрелась мешковатой; длинный, в пол, плащ сидел на нём как влитой, как если бы его шили на заказ.

Но все эти детали казались несущественными мелочами по сравнению с глазами. В них, серых и по-стариковски водянистых, читалась не злоба, которую я ожидал там увидеть, а нечто более глубокое. Что-то гораздо более неприятное, от чего мороз пробирал по коже. Бывают такие люди, рядом с которыми чувствуешь себя неуютно. Он был как раз из таких. На долю секунды я тоже ощутил стойкое желание опустить взгляд, дабы не смотреть на этого человека, но всё же справился с ним и не отвернулся. Он же, впрочем, не удостоил меня особым вниманием: лишь мельком скользнув по мне глазами, очерченными сетью морщин, он обратился к Игроку.

— Глупо было приходить сюда. — Его голос, низкий и густой, разнёсся над головами собравшихся не хуже, чем ветер, завывающий над морем внизу, под нами.

— А я никогда и не отличался умными поступками. — На лице Игрока не проступило и тени улыбки.

— Значит, ты это наконец признал.

— А разве я когда-нибудь это отрицал?

Если бы какие-то сомнения насчёт Игрока и его отношения к Беглецам сохранились во мне до этого момента, то сейчас бы они окончательно развеялись — происходившее передо мной никак не было похоже на встречу двух старых друзей. Скорее они напоминали двух огрызающихся... волков? Да, пожалуй, старик походил на волка. Морского волка, если точнее. Капитан Ахав, убивший своего кита, но всё равно не нашедший покоя.

Что же до Игрока, он больше был похож на одноглазого ворона.

— За то время, что ты отсутствовал, — невозмутимо продолжил Капитан, — у нас многое поменялось.

— Многое, — кивнул Игрок. — Кроме людей. И методов.

— Наши методы перестали тебя касаться с тех самых пор, как ты решил, что слишком хорош для нашей компании.

— Конечно, конечно... Вот только ты кое-что путаешь. Проблема заключалась как раз в тех самых *методах*, которые теперь, как ты сказал...

— Довольно. — Капитан предостерегающе поднял ладонь. Какое-то время мы стояли в тишине, пока он сверлил Игрока взглядом белых, будто подёрнутых слепотой, глаз. Затем он спросил, не меняя прежнего будничного тона:

— Полагаю, не имеет смысла спрашивать о причине твоего возвращения?

— Почему же... — Игрок на секунду замялся, покосившись в мою сторону, что не ускользнуло от Капитана: я заметил, как он вслед за ним посмотрел на меня. — Мне нужна кое-какая помощь.

В толпе раздалась смешки, но Капитан продолжал, не мигая, глядеть на нас двоих, стоящих перед ним. Игрок в ответ так же молча смотрел на него. Первым не выдержал предводитель Беглецов:

— И что позволяет тебе думать, что ты, предавший наше доверие, здесь столь

необходимую тебе помощь найдёшь?

— А вот это я хотел бы обсудить в более уединённом месте. — Игрок едва заметно дёрнул головой куда-то вверх. — Без лишних глаз и ушей.

Смешки сменились недовольным ворчанием, однако одного тяжёлого вздоха Капитана хватило, чтобы его пресечь.

— Что ж, — проговорил он устало. — Допустим... Но соизволь прояснить кое-что ещё... Эта помощь... Она нужна тебе или твоему другу?

Не то чтобы до этого я чувствовал себя невидимкой, но теперь, когда десятки Беглецов синхронно перевели взгляды с Игрока на меня, мне стало неуютно. Сам Капитан теперь тоже смотрел прямо на меня.

— Я... — Запнулся Игрок. — Мы...

— Молчать. — Капитан шагнул по направлению ко мне. — Сейчас я хочу побеседовать с ним самим.

Нас разделяло не менее двух-трёх метров, но даже с этого расстояния меня окатило исходящим от него холодом, когда он приблизился. Теперь уже *все* взгляды, включая Игрока, были прикованы ко мне.

— Ну? — Требовательно спросил Капитан. — Что же привело тебя к нам, да ещё и в *его* компании?

— Я... — Я сглотнул. — Я тоже не хотел бы говорить об этом при всех.

На лице Капитана промелькнуло удивление:

— Вот как? Не хотел бы? Посмотри вокруг, сынок. Как думаешь, нынешние обстоятельства располагают к тому, чтобы диктовать условия?

Я промолчал, но ответа и не требовалось: обстоятельства определённо не располагали к тому, чтобы диктовать условия. Окружающее нас кольцо по-прежнему не двигалось, но я не сомневался: единственное, что их сдерживает, это присутствие Капитана. Стоит ему удалиться, и все они накинутся на нас, готовые разорвать на части голыми руками.

Он, словно прочитав мои мысли, хмыкнул, и добавил:

— Так и быть, сыграем в твою игру. Поговорим наедине.

Он развернулся и зашагал к лестнице, бросив через плечо своим людям:

— За мной!

Толпа зашевелилась. Основная часть тех, кто нас окружал, двинулась следом за Капитаном. Несколько Беглецов подошли к нам — судя по всему, им предстояло выполнять роль конвоя. Они встали квадратом, так, чтобы мы находились в центре, и поспешили за остальными.

Мы поднялись по лестнице, с которой до этого спустился Капитан, и оказались на ещё одной платформе, располагавшейся над первой — такой же огромной, загромождённой различными постройками, пронизанной переплетениями труб, толстых кабелей, стелющихся по полу и стенам, какими-то бесформенными железками, бензиновыми генераторами и множеством других предметов. Большинство из них я на ходу не мог толком разглядеть, но всё равно картина складывалась впечатляющая. Здесь было больше всякого мусора, полезного и не очень, чем на всех станциях метро, увиденных мною до сих пор.

Мы прошли через длинный узкий коридор и вышли к ещё одной лестнице, ведущей вверх, чтобы подняться по ней на следующую платформу, целиком и полностью идентичную этой. Так мы постепенно достигли самого верха: здесь было немного свободнее, ветер дул гораздо крепче, да и чернота над нашими головами напоминала скорее небо, чем

металлический потолок.

Беглецы вместе с Капитаном дожидались нас возле очередной, винтовой, лестницы, ведущей в небольшую постройку, стоящую на сваях и увенчанную несколькими антеннами. Тусклое освещение, идущее от беспорядочно распиханных тут и там лампочек, позволяло рассмотреть обстановку лучше, чем в полумраке, но ухватить все детали всё же не удавалось.

Завидев нас, Капитан произнёс, обращаясь ко мне:

— Наверх, сынок. Будем разговаривать наедине.

Наши конвоиры разомкнулись, освобождая мне проход. Я подошёл к лестнице, и оглянулся. Игрок стоял сзади, всё так же окружённый десятком охранников. И ещё до того, как я спросил, прозвучал ответ:

— А *он* подождёт здесь. Наедине — значит, наедине.

Я бесшумно вздохнул. Похоже, придётся подчиниться. Мы в последний раз пересеклись взглядами с Игроком, он, серьёзный и напряжённый, ободряюще кивнул мне. Я вспомнил его совет: «Не показывай им сразу, что именно тебе нужно, и как сильно тебе это нужно». Что ж...

Капитан стоял у лестницы с видом человека, который не привык, что его заставляют ждать. Он в нарочито вежливой манере шагнул в сторону, пропуская меня вперёд:

— После тебя, сынок.

Ослеплённый светом лампы, бьющим прямо в глаза, я стал подниматься наверх, в ошестинившуюся антеннами постройку, стоящую на сваях.

Глава 22. История Капитана

Поднявшись по ржавой винтовой лестнице на самый верх, я остановился перед массивной дверью, дожидаясь ковыляющего позади Капитана — кажется, старику, несмотря на его грозный вид, такой подъём давался не слишком-то легко. Догнав меня, он отпер замок и, всё в такой же насмешливой манере, посторонился, пропуская вперёд. Подождав, когда я зайду внутрь, он с хлопком затворил дверь за моей спиной, и я услышал лязг задвижки.

Я воспользовался этой секундной заминкой, чтобы быстро осмотреться. Небольшая комната, в которой мы оказались, выглядела аскетично: полдюжину подвешенных под потолком ламп, толком не способных разогнать темноту, три колченогих, грубо сколоченных, табурета, стол и приборная доска, которая пестрила разноцветными кнопками, датчиками, дисплеями, рычажками и циферблатами — нерабочими, скорее всего, хоть и блестящими в тусклом свете так, словно их периодически протирали от пыли. Гораздо сильнее моё внимание привлёк задвинутый в угол стол: на нём громоздились высоченные стопки журналов, папок, нарисованных от руки карт и схем, вырванных из книг страниц и прочих бумаг, выцветших и покрытых жёлтыми пятнами старости.

От убранства каморки веяло пронизывающим холодом и неприятной темнотой, и тянущиеся вдоль стен окна только усиливали это впечатление. Я при всём желании вряд ли смог бы разглядеть сквозь их покрытые белесыми разводами стёкла, что происходит снаружи, не считая расплывчатых узоров, состоящих из светящихся точек внизу, на платформе.

Капитан протиснулся мимо меня, по пути задев несколько свисающих сверху ламп, отчего тени заплясали по тесной комнате так, что голова пошла кругом. Он успел проследить мой заинтересованный взгляд, направленный на скопление бумаг, и едва заметно, одними уголками рта, улыбнулся:

— Не волнуйся, здесь нет ничего такого, что бы стоило тебе жизни.

Он ногой подтолкнул мне один табурет, а сам сел напротив, спиной к окну, оценивающе смотря на меня — голова наклонена, глаза прищурены. Свет, падающий сверху, искажал его черты, придавая лицу схожесть с каким-то монстром. Углублённые морщины, длинный изогнутый нос, чёрные впадины вместо глаз... Хотя, наверное, и я сейчас со стороны выглядел так же.

Оконное стекло отчаянно задребезжало, заставив меня вздрогнуть и на миг отвлечься от изменённых черт Капитана. Оно могло бы звенеть так, если бы в него на лету врезалась птица — или десяток птиц за раз. Но это был всего лишь ветер.

Когда я повернулся обратно, Капитан по-прежнему буравил меня тяжёлым взглядом, но в нём как будто что-то поменялось. В его серых влажных глазах появилось что-то более... *человеческое*? Он всё ещё оставался тем же стариком, что спустился к нам по гремящей железной лестнице и секунду назад сидел передо мной — но теперь он был просто стариком. Хмурый, уставшим, с красными воспалёнными веками. Та неестественная угроза, которой от него веяло, бесследно исчезла за недолгое мгновение, пока я на него не смотрел. Казалось, изменилась даже атмосфера в той комнатухе, где мы находились. Вблизи я заметил ещё кое-что: из уголка его рта стекала вода, капля за каплей, оставляя за собой дорожку, какую оставляет ручей в камне.

Он, всё ещё глядя на меня, изрёк:

— Знаешь, обычно мы не особо рады незванным гостям... И разговор с ними у нас короткий.

Я моргнул. Угрозы были последним, чего бы я ожидал от него, в любом из двух обликов: грозный и мрачный Капитан явно в них не нуждался, а старый и уставший не стал бы угрожать кому-либо.

И, словно прочитав мои мысли, он продолжил:

— Не подумай, будто я хочу навести тебя на идею, как тебе повезло, что ты до сих пор в состоянии ходить и говорить, но на самом деле так оно и есть, сынок.

— О чём ты...

— Скорее всего, — перебил он, не слушая меня, — ты уже понял, на что мои парни способны. А возможно, успел и убедиться в этом на деле.

— Да о чём... — Я понял лишь, что окончательно запутался. — О чём ты, чёрт побери, болтаешь?

Он недоуменно приподнял кустистые седые брови:

— О том, что наше логово — далеко не то место, куда стоит соваться просто ради праздного любопытства. Они, те парни внизу, с которыми остался наш одноглазый друг — опасные люди. По-настоящему опасные. Твоего приятеля я знаю, и не удивлён, что ему такое втемяшилось в голову, но ты, видимо, не намного умнее его.

— *Они?* — Настала моя очередь скривить озадаченную гримасу. — Говоришь так, словно ты сам не один из *них*. Не один из этих *опасных людей*.

— Так и есть. Точнее... — Он со вздохом встал и подошёл к окну, заложив руки за спину. — Всё не совсем так.

В стекле, по-прежнему дребезжащем от порывов ветра, отразилось его лицо, и такое, полупрозрачное, размытое, пусто глядящее вдаль, оно казалось ещё более уставшим и старым. На какое-то мгновение я даже почувствовал к нему, неосознанно, что-то вроде жалости.

— А как же всё тогда? — Собственный голос показался мне чужим, незнакомым.

— Это... Очень долгая история. — Перед тем, как он опять повернулся ко мне, я увидел в отражении, как его взгляд скользнул вниз, туда, где находились его люди вместе с Игроком. — Когда-то всё было именно так. Когда-то я был одним из *них*. Одним из этих опасных парней. Самым опасным. Но — *был*.

Всё, что он говорил, казалось мне какой-то чушью, как будто каждая его новая реплика никак не была связана с предыдущими.

— Я... Боюсь, я не понимаю.

— Тогда я объясню. — Он крутанулся на каблуках, устремился к столу, стоящему в противоположном углу помещения, и принялся копаться в куче бумаг, пока наконец не извлёк одну из них, которую не замедлил передать мне.

Я нерешительно взял клочок и развернул его. Это был обрывок какой-то газеты, выцветший настолько, что я не мог разобрать на нём ни единой буквы. Поверх грязно-серой мешанины красовался набросанный от руки чертёж, больше похожий на неумелый детский рисунок — переплетение плоскостей, соединённых друг с другом десятками лестниц, перегороженных сотнями переборок и помеченных бесчисленным количеством галочек с какими-то подписями. Вся конструкция, гротескная, но странным образом отзвучивающая в памяти, покоилась на нескольких толстых, массивных на вид ногах, уходящих вниз...

Я поднял глаза к Капитану.

— Что это?

— Это то, с чего всё началось. Давным-давно — настолько давно, что даже моя собственная память о тех временах улетучивается — я был всего лишь мертвецом, одним из бесконечного множества тех, что обитали на полях загробного мира. Я скитался по ним так долго, что сейчас не найти ни единого человека, которого я знал тогда, в самом начале. Все они сгинули... Да, я, в качестве мертвеца, пережил не одно поколение своих друзей и врагов. Рано или поздно каждый из них отправлялся дальше. Но только не я.

Как бы я ни был насторожен, упоминание «отправления дальше» заставило меня встрепенуться. Это звучало так, будто он знал, что происходит, если ты умираешь в мире мёртвых. Или, по крайней мере, видел, как с кем-то случалось такое. Как бы там ни было, он, не давая возможности перебить и задать вопрос, продолжал говорить:

— Я скитался так долго, что мне наскучило, наскучило всё — и я искал любые способы развеять скуку. Безобидные поначалу, они становились всё опаснее и безрассуднее... Я никому не причинял зла намеренно, но я редко думал о последствиях своих действий. Такое случается, когда ты молод и глуп.

Мне невольно вспомнилось рассеянное лицо Счетовода.

— Я изучал тайны мира, в который попал, — продолжал Капитан, — и узнавал о нём всё больше и больше. Разумеется, всех его секретов не раскрыть никому, но если кто-то и приблизился к этому, то я не совру, сказав, что эта почётная роль досталась мне. Между тем, оставалась одна тайна, которая беспокоила меня сильнее, чем все прочие, вместе взятые — *кто я? Кем я был до того, как умер, чем занимался, как погиб?*

С каждым его вопросом настороженность во мне уступала место заинтересованности и возбуждению. Могло ли это быть совпадением? Я наклонился вперёд, стараясь уловить каждое его слово.

— ...И эта тайна не давала мне покоя, я посвятил её разгадке столько же сил и времени, сколько уделил всем своим остальным изысканиям. Мы все здесь люди без прошлого, и я стремился выйти за те пределы, что лежали передо мной. Банальное любопытство, помноженное на тщеславие и чувство собственного превосходства, может сослужить плохую службу тем, кто позволяет ему контролировать себя. — Капитан выдернул из стопки бумаг ещё один листок и бесцеремонно сунул его мне под нос. На нём, таком же бесцветно-жёлтом, было нарисовано подобие карты. Как раз такой карты, о создании которой я думал недавно в лодке. — Я нарисовал это, надеясь подчинить мир себе, не зависеть от его переменчивости. Но всё напрасно... Все мои карты и знания — одна-единственная песчинка, оставшаяся в ладонях после того, как пригоршня песка просочилась сквозь пальцы. Через какое-то время я понял, что я слишком мал по сравнению с бесконечным величием и мощью той сущности, чьи секреты пытаюсь познать. Я понял, что мне нужны сторонники...

В его глазах промелькнуло то, что я заметил в них и при первом взгляде на него. Что-то за пределами человеческих чувств...

— И я стал искать их. Я брал к себе всех, без разбора. Не удивительно, что в большинстве своём они оказывались отборными мерзавцами. Когда наше количество выросло настолько, что мы уже не могли просто прятаться по углам и заброшенным тоннелям, я предложил построить собственный дом. — Он ткнул пальцем в чертёж, лист с которым я по-прежнему сжимал в руках. — Дом, где мы могли бы спокойно собираться, отдыхать и заниматься своими делами, где бы нас никто не потревожил и не отвлек. На это у

нас ушли годы... К моменту, когда строительство было завершено, мало кто из первоначальных добровольцев оставался со мной. Впрочем, им на замену постоянно приходили всё новые и новые, так что недостатка в людях я не испытывал. Слухи обо мне и моей компании разошлись далеко, и поток тех, кто желал примкнуть к нашей команде, не иссякал! Вот только искали они вовсе не то же самое, что и я. Их гораздо больше интересовала нажива, интересовало разрушение. Но мне было плевать... Я и сам стал таким — достижение цели для меня превратилось в самое главное, и неважно, как я это сделаю, неважно, сколько и каких ресурсов потрачу. Игра стоит свеч. Лес рубят — щепки летят.

— Я... — Я прокашлялся, услышав, что мой голос прозвучал хрипло. — У тебя, с сотней рабочих рук, ушли годы на то, чтобы построить корабль?

— Корабль? — Он с искренним недоумением уставился на меня, затем, сообразив, о чём я говорю, усмехнулся. — Никакой это не корабль, сынок.

Он снова вернулся к столу, достал оттуда очередной лист и протянул его мне. Этот, в отличие от предыдущих, не был смят и скомкан. И, взяв его в руку, я понял, почему — мои пальцы прикоснулись не к бумаге, а к глянцевой поверхности фотографии. Большой фотографии, размером, наверное, с половину газетного разворота. На ней неизвестный оператор запечатлел то же самое сооружение, что Капитан изобразил на своём чертеже — но уже настоящее, возведённое посреди открытого моря. Он снял его снизу, с воды, с того же ракурса, откуда и я видел его недавно, но на снимке постройка оставалась отчётливо различима. Никакого тумана, никакой темноты. Очередная иллюзия дня создавалась благодаря свету десятков мощных прожекторов, установленных на соседних с фотографом лодках. Часть из них тоже попала в кадр. Так, с ярким освещением, было хорошо видно, что это действительно не корабль, а что-то вроде громадной нефтяной платформы. Толстые ноги-опоры держали множество водружённых на них площадок-этажей, наслаивающихся друг на друга, ошестинившихся строительными лесами, подъёмными кранами и незаконченными, словно выщербленными, участками.

Уже тогда, ещё даже не достроенная, платформа выглядела старой и проржавевшей насквозь. Ничего удивительного — Беглецы, судя по всему, использовали для неё любой мусор, который только могли раздобыть на просторах загробного мира. Должно быть, не одну станцию метро растащили на куски.

И, подтверждая мои мысли, Капитан добавил:

— Годы у нас ушли из-за того, что не так-то просто здесь найти хоть что-то, из чего можно возвести нечто подобное. Да и потом, далеко не каждый из местных мертвецов оказывается профессиональным электриком или сварщиком. Половина из них жила и умерла задолго до того, как изобрели автомобили. Поэтому работа и двигалась медленно.

— И поэтому же вы грабите и похищаете людей? — Я не смог ничего с собой поделывать, слова сами собой сорвались с моих губ. — Чтобы получить побольше строительных материалов? И побольше рабочей силы?

Капитан вздохнул и сел обратно на свой табурет.

— Мне хотелось бы опровергнуть это... Но ты прав, всё происходило именно так. Мы добывали нужные вещи так, как могли, не считаясь ни с кем и ни с чем. Как я и сказал, лес рубят — щепки летят.

— Очень удобное мировоззрение, — настала моя очередь встать и подойти к окну, выглянув наружу. В замызганном стекле, с расплывчатыми пятнами света от ламп, я не увидел ничего, кроме неясных очертаний квадратных построек внизу. — Очень удобное для

оправдания всего, что ты делаешь и делал.

— Разве я оправдываю? — Он грузно поднялся и подошёл ко мне. — Я целиком и полностью осознаю всю тяжесть того, что я натворил. И, пусть исправить всё это невозможно, я пытаюсь. Настолько, насколько возможно.

— Пытаешься?! — Гнев всколыхнулся во мне новой, сильной и обжигающей волной, я развернулся и оказался с Капитаном лицом к лицу. — Я и правда понял, на что способны твои, как ты выразился, парни. Понял в тот самый раз, когда они хотели похитить меня! Связанного, одного против троих! Не надо притворяться, будто ты исправился и больше не занимаешься тем, чем занимался. Или что, твоя одержимость исчезла? Узнал всё, что хотел?!

Я стоял, тяжело дыша и сжав кулаки, и глядел на Капитана снизу вверх, готовый его ударить. И он, так же глядя мне в глаза, спокойно ответил:

— Да. Узнал.

Я поперхнулся тем, что собирался высказать ему дальше:

— Ты... Ты узнал всё о своём прошлом?

— Да, — повторил он с холодным спокойствием, не отводя взгляда, однако отступив от меня на полшага.

— Как?

— Долгая история. — Он приподнял брови.

— Ладно... Тогда кем ты был?

В его глазах отразилось подобие прежней жёсткости.

— А вот это уже исключительно моё дело, и не думаю, что оно касается кого-то ещё. Впрочем, — его интонация смягчилась, — могу сказать, что именно прошлое стало тем, что меня отрезвило. Заставило по-новому посмотреть на всё то, что я успел сотворить. Я как будто взглянул на всё это со стороны.

— И всё равно, ты до сих пор здесь. Если ты «взглянул на всё это со стороны», почему ты не покинул это место?

Он слегка прищурился.

— А что, по-твоему, мне оставалось? Как, по-твоему, мне следовало поступить? Мы в ответе за тех, кого приручили. И, мне кажется, речь не только о защите их самих, но и всех остальных от них же. Я взрастил чудовище — которое боится только меня. И, покуда я единственный, кто может держать его в руках, как ты считаешь, благоразумно было бы покидать его, предоставив самому себе? Представь, что они остались сами по себе, без кого-то, кто их направляет — как скоро они сообразят, что вольны делать всё, что пожелают?

— В том и проблема, что если ты их «направляешь», они всё равно...

— Я направляю их туда, — перебил он, — где они причинят меньше всего зла. Не будь меня и действуй они по своему собственному разумению, они бы давно камня на камне не оставили ни от этого самого места, ни от окрестностей.

Я опустил голову, раздумывая. Смысл в его истории был, но всё же что-то в ней настораживало. Действительно ли всё, что он рассказал, было правдой? Или же он просто пытался меня надурить? Но зачем? В моей памяти всплыло предостережение Игрока относительно Беглецов. «Если они поймут, что могут диктовать свою цену, так они и поступят». Они, чёрт подери, и так вольны диктовать те условия, которые посчитают нужным, сейчас я нахожусь в их власти, без оговорок. Надо быть дураком, чтобы это отрицать. Так в чём же тогда хитрость?

Я снова взглянул на Капитана — он по-прежнему стоял на том же месте, внимательно

всмаатриваясь в меня, словно ожидая, какое решение я приму. Я осторожно спросил:

— Значит, ты их попросту сдерживаешь?

— Да. По мере возможности, конечно. Такие ситуации, как та, что случилась с тобой... Ну, они случаются, я называю их погрешностью. Но случаются не так часто, как могли бы, вот что главное.

— Будь я на твоём месте, — всё так же аккуратно проговорил я, — я бы сделал всё, чтобы распустить эту шайку. Рассеять их, чтобы они никому не могли навредить.

Неожиданно для меня он засмеялся:

— А я бы с удовольствием посмотрел на это, сынок. Это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Да и потом, даже по одному они всё ещё будут опасны. Разумнее держать их рядом, там, где я их хоть как-то контролирую. Пусть не постоянно, но всё же. Дать им ложную цель, отвлечь посторонними мыслями — и пожалуйста. Занята голова, заняты и руки.

— Ложную цель?..

— Да. Я про надежду выбраться отсюда, вернуться в мир живых. Ты наверняка слышал об этом...

— Конечно, слышал.

— Ну вот. Это просто миф. Ловушка для дураков. Никто в здравом уме не подумает, что это и впрямь возможно.

Я ничего не ответил. Мои мысли текли непрерывным потоком, мозги напряжённо работали. Правда или ложь? Поверить ему или нет? С одной стороны, какой смысл ему врать? С другой, я бы ни капли не удивился, если бы весь рассказ Капитана, от начала до конца, оказался выдумкой. Возможно, истина где-то посередине...

— Что ж... — Я тяжело вздохнул, затем протянул ему раскрытую ладонь. — Хорошо. Я тебе верю.

Это будет, пожалуй, оптимальным решением. Пусть я и не до конца поверил в услышанное, ему об этом знать необязательно. Так у меня, может быть, появится время, чтобы посоветоваться насчёт дальнейших действий с Игроком. Вряд ли он слышал всё это раньше...

Наверное, только сейчас, на расположенной на краю света платформе, заполненной Беглецами, когда их предводитель крепко сжал мою ладонь, я действительно понял, в какое дело ввязался. Один шаг не туда — и всё кончено. У меня нет права на ошибку, даже на самую крохотную.

Капитан, всё ещё не отпуская мою руку, произнёс:

— Теперь, когда мы пришли к взаимопониманию... Думаю, самое время обсудить, *зачем* вы сюда явились.

— Я... — Я опять запнулся, не зная, как лучше обозначить цель нашего визита так, чтобы не сболтнуть лишнего. — Ты упомянул, что смог выяснить собственное прошлое. Это правда?

Он кивнул.

— Это то же, чего хочу я. Хочу узнать, кем я был. У меня совершенно нет воспоминаний о той, прошедшей жизни...

Капитан выскользнул из моего рукопожатия и вернулся к окну. Он молчал не меньше минуты, затем, не оборачиваясь, спросил:

— Зачем тебе это? Подобное знание... Вряд ли оно хоть кого-то сделает счастливым.

— Что ж, тебя оно, как ты сказал, отрезвило. Сомневаюсь, что меня оно так уж сильно огорчит.

— Хм... — Он снова задумался. — Да, возможно.

Я, воодушевлённый, подошёл и встал рядом с ним. За стеклом было по-прежнему ни черта не разобрать — сплошная темнота, с размазанными по ней пятнами света, слепящими и ничуть не улучшающими видимость. Заморосил лёгкий дождь, капли забарабанили по крыше, тонкие ручейки побежали по поверхности окна, ещё сильнее размывая то, что находилось по другую сторону.

— Вообще-то, — начал я неловко, прерывая затянувшееся молчание, — у меня есть кое-какой план.

— План, вот как? — Он произнёс это тем едва удивлённым тоном, который предполагает полное отсутствие какого-либо удивления. — И какой же?

— Отыскать тех, кто управляет этим местом.

Вопреки моим ожиданиям, он не рассмеялся, не обернулся, дабы посмотреть на меня, как на сумасшедшего. Вместо этого он понимающе кивнул, будто услышал нечто, само собой разумеющееся, и проговорил:

— В этом весь он — планы, планы, планы...

— Он?..

— Наш одноглазый приятель.

— Но это скорее моя идея, чем его. — Я сам не понял, зачем соврал об этом. Изначально мысль о том, чтобы отправиться к Беглецам, принадлежала Игроку.

— Вот как? — Повторил он уже с непритворным удивлением. — В таком случае, либо он теряет хватку, либо ты его перегнал, по части мозгов.

И действительно: хоть на дурака он и был в известной степени похож, изображать глупца у него получалось плоховато.

— Так значит, — я решил вернуться к первоначальной теме разговора, — во всём этом есть смысл? Кто-то в самом деле управляет загробным миром?

— Управляет. Точнее, не совсем... — Он помолчал, раздумывая. — Слишком громкое слово. Скорее, наблюдает. Молча и беспристрастно.

— Кто?

Он неопределённо взмахнул руками:

— Кто-то. Как можно назвать кого-то всемогущего? Только он сам, наверное, знает, кто он такой.

— Но ты встретился с ним?

— Само собой. Если не вдаваться в детали — у него и выяснил всё, что касается моего прошлого.

— Вот так просто взял и выяснил?

— Не просто, конечно, не просто. — Капитан вытянул ладони к стеклу, словно пытаюсь согреть их у огня. — Представь себе всемогущую сущность, способную видеть и знать всё, что происходит на бесконечных просторах нашего мира. Способную *быть* везде. Мы в его глазах — не больше, чем микробы. Поэтому подумай заранее, *как* ты получишь от него ответы.

Он переместился к столу и принялся переключать на нём бумаги, в чём не было особой необходимости. Барабанная дробь капель по крыше участилась.

Я последовал за ним:

— Где он находится?

— Я тебя отведу. Не сам, разумеется, дам проводников. Из числа своих людей. Увы, — торопливо добавил он, видя мои колебания, — никого другого я отрядить не смогу. Не беспокойся, они не будут в курсе, куда и зачем вы направляетесь. Только помогут добраться до места и присмотрят, чтобы по пути не возникло проблем.

Меня не особо устраивал такой вариант, но выбирать не приходилось.

— Что ж... Раз уж по-другому никак... Я согласен.

Он опять кивнул, не поворачиваясь, будто ничего иного и не ожидал. Я постоял ещё немного, но Капитан продолжал перебирать бумаги, явно давая понять, что разговор окончен. Я уже открыл дверь и даже успел почувствовать, как снаружи в лицо дхнуло прохладой и швырнуло капельки дождя, когда в спину мне донеслось:

— Несколько дней вам придётся провести здесь, пока я всё приготовлю. Постарайся, чтобы наш общий друг не доставлял неприятностей.

Глава 23. Лёд

Признаться, из капитанской каморки я вышел гораздо более обескураженным и запутавшимся в происходящем, чем был до этого. Чем больше я думал над рассказом старика, тем логичнее он мне казался, пусть к его истории и оставалась куча вопросов. Даже если предположить, что всю её, от начала до конца, Капитан сочинил только затем, чтобы подурочить меня, я ничего не терял, доверяясь ему. Точнее, терял не больше, чем при любом другом решении.

Размышляя в таком духе, я медленно спускался по винтовой лестнице на площадку. И, с головой уйдя в просчёт возможных вариантов, не сразу заметил, что там, внизу, что-то происходит.

Беглецы столпились плотным кольцом вокруг чего-то, чего я не мог разглядеть за их спинами. Точь-в-точь та же картина, что и в тот раз, когда они чуть не напали на нас — и точно такой же хор голосов, выкрикивающих что-то вразнобой. С нехорошим предчувствием я ускорился и через несколько секунд оказался на платформе. На то, чтобы протиснуться сквозь толпу, ушло ещё около минуты — не из-за того, что меня не хотели пропускать, а потому что они, чересчур увлечённые происходящим прямо перед ними, и не думали обернуться или пододвинуться, когда я пытался протолкаться мимо них.

Когда мне это наконец удалось, я увидел то же, что и все остальные — на полу лежали, сцепившись, Игрок и Тик. Здоровенный Беглец, судя по всему, одерживал верх: он сидел на Игроке, лицо которого уже украшало несколько свежих синяков, и пытался схватить его за руки, окончательно обездвигив. Тот сопротивлялся, но, придавленный весом соперника, мало что мог поделать.

Я хотел было броситься ему на помощь, но не успел: позади послышались уже знакомые тяжёлые шаги, и вся толпа мгновенно, как по команде, замерла и затихла, за исключением двух человек, продолжавших извиваться посреди натёкших луж.

Я оглянулся. Как и в первое своё появление, Капитан шёл через подручных, не встречая ни малейшего сопротивления. Они расступались перед ним, как будто испуганные рыбёшки перед акулой. Он подошёл к дерущимся вплотную, и Тик, наконец заметив его присутствие, попытался вскочить, но поскользнулся и растянулся пластом прямо у его ног.

Я подошёл к Игроку и протянул руку, помогая ему подняться. Улучив момент, когда на нас никто не смотрел, я спросил шёпотом:

— Что случилось?

Он, вытирая тыльной стороной ладони кровь с разбитой губы, скривился:

— Дружеская перепалка.

Я нахмурился, но промолчал.

Капитан бросил лишённый всякого выражения взгляд на успевшего встать на ноги Тика, отчего тот как-то неестественно съёжился, затем вытянул руку в нашу с Игроком сторону и громогласно провозгласил:

— Слушайте все. Все! Без моего *специального* распоряжения этих двоих никто и пальцем не трогает. Нарушители пойдут в лёд, сразу же. Все всё поняли?

Раздался неразборчивый гул, по-видимому, означавший всеобщее согласие. Капитан перевёл взгляд на Тика:

— А ты... Пойдём со мной.

Он развернулся и зашагал обратно в свою каморку. Тик поплёлся за ним, а остальные стали потихоньку разбредаться по платформе.

Мы с Игроком дождались, пока толпа более или менее рассеется, чтобы не привлекать лишнего внимания, и проскользнули в какой-то закоулок между двумя стоящими вплотную постройками. Там, спрятавшись в тени, мы смогли обсудить произошедшее. Игрок, не слушая моих расспросов насчёт драки, сам при этом расспрашивал о беседе с Капитаном так настойчиво, что я не припоминал ни единого другого раза, когда бы он пребывал в таком сильном возбуждении. Я, разумеется, сразу пересказал ему весь разговор, однако реакция Игрока оказалась не совсем той, которую я ожидал. Услышав, что старик якобы встал на путь исправления, он рассмеялся чуть ли не в полный голос:

— Этот ублюдок, раскаялся? Скорее у меня глаз заново вырастет, а вдобавок к нему и третий. Нет уж, это вряд ли...

— Знаешь... — Я замялся. — Он... Он звучал довольно убедительно.

— Работа у него такая, — отрезал Игрок, — убедительно звучать, когда это нужно. Знай ты его хотя бы вполовину так, как я, у тебя бы не возникало сомнений, из какого он теста.

— Но ведь он обещал помочь!

— Даже если обещал — не факт, что сдержит слово. А если и сдержит — так только ради собственной выгоды.

Мы замолкли, пережидая, пока мимо нашего укрытия пройдёт группа из нескольких Беглецов, обсуждающих что-то вполголоса. Когда их шаги затихли вдалеке, Игрок снова обратился ко мне:

— Послушай, я знаю, о чём говорю. Он не из тех людей, кому можно доверять. И не из тех, кто вот так, вдруг, решает исправиться. Просто держи ухо остро и проследи, чтобы он выполнил свою часть сделки.

Не дождавшись моего ответа, он выскользнул обратно на платформу и деловито пошёл к ближайшей конструкции из железок и проводов.

Следующие дни в крепости Беглецов мы провели в ожидании, заполненном бессмысленным блужданием по различным уголкам и закоулкам этого строения. Внушение Капитана, похоже, возымело действие, и больше никто не пробовал конфликтовать с Игроком или мной. Худшее, что происходило — мы с каким-нибудь Беглецом задевали друг друга плечами, столкнувшись в узком коридоре, после чего без единого слова расходились, каждый своей дорогой. Кроме того, с тех пор, как он ушёл вместе с Капитаном, я нигде не видел Тика — не то чтобы я по нему скучал, но про себя этот факт отметил. Однако, вполне могло оказаться так, что мы с ним просто-напросто не пересекались, и он спокойно занимался где-нибудь своими делами, поэтому я не стал слишком уж беспокоиться по его поводу.

И всё равно, на платформе я чувствовал себя скорее гостем, чем пленником — никакой охраны, никакого наблюдения, как будто мы стали еще одними членами экипажа, правда, не обременёнными рутинной работой. Впрочем, в надзоре и не было никакой необходимости: здесь мы и так всё время находились на виду, да и деваться из крепости, расположенной посреди открытого моря, было некуда. Лодку, на которой мы приплыли, Беглецы забрали себе и держали под охраной вместе со своими катерами. Нам не оставалось ничего, кроме как ждать, когда Капитан всё приготовит, и мы сможем отправляться. Уверен, что мы бы и сами справились, дай нам старик подробную карту, но выбирать не приходилось.

Игрок, несмотря на произошедшую стычку, выглядел вполне весёлым и

жизнерадостным. Он, насколько мог, отвечал не замечающим его Беглецам точно таким же игнорированием, изредка перекидываясь парой слов с Капитаном или кем-нибудь из наиболее приближённых к нему людей. Изначально я предполагал, что все они, кроме Капитана, выполняют роль обычных матросов и чернорабочих, но очень скоро понял, что ошибаюсь. У Беглецов имелась своя иерархия, и весьма продуманная. Большинство из них действительно выполняло самую трудную и неблагодарную работу. Они делились на отдельные группы, каждой из которых руководил Беглец постарше рангом — десятник. Но были и другие: прежде всего те, кто занимался «обеспечением», то есть, добычей ресурсов. Они периодически прибывали на катерах, нагруженных всяким барахлом, оставляли его рабочим для сортировки и отправлялись обратно в море. Один раз мне даже показалось, что среди них мелькнуло знакомое лицо, наполовину закрытое повязкой, но в следующую секунду оно скрылось из виду, и я выбросил его из головы.

Чуть выше добытчиков находились так называемые охотники — те, кто приводил людей. Они появлялись на горизонте гораздо реже, но и относились к ним все остальные с большим уважением — точнее, со страхом. Как правило, они привозили с собой не меньше трёх человек и сразу, безо всяких проволочек, вели их к Капитану. Что происходило с пленниками дальше, я не знал, но никого из них я больше на платформе не встречал, как и Тика.

В отдельную касту я выделял тех, кого называли караульными — их набирали из числа обыкновенных работников, но давали при этом некоторую власть, временно ставящую их на ступень чуть повыше. Они отвечали за наблюдение за морем вокруг платформы, охрану самых важных мест на ней, таких как причал, оружейная или склад, и многое другое.

Самого Капитана мы видели не так часто. Он часами, а то и целыми днями пропадал в своей рубке — мелькал в освещённых тусклым светом окнах туда-обратно, и лишь изредка выходил наружу, чтобы отдать новые приказы или устроить подчинённым взбучку. После этого он сразу же возвращался внутрь. Иногда я замечал его наблюдающим за происходящим на платформе через окно — совсем как тогда, во время разговора со мной — но это обычно длилось не очень долго.

За часы, проведённые в крепости Беглецов, я успел убедиться, что с настоящим кораблём она имеет общего не больше, чем я с Тиком, однако всё равно я воспринимал местных не иначе, как моряков. Или, точнее, пиратов. Это слово весьма лаконично описывало род их занятий и условия, в которых им приходилось жить. Затерянные среди океана, постоянно воюющие со штормами, вроде того, который умудрились перенести и мы с Беглецом... Конечно, огромной постройке из металла и ураган не так страшен, как ветхой лодчонке, но я всё равно живо представлял, как жалобно скрежещут балки под напором исполинских волн, разбивающихся об эту махину с такой силой, что и гору способна обрушить, а ливень хлыстами хлещет по спинам матросов, загоняя их в хлипкие каюты, полностью занимающие один из уровней платформы. Вдобавок ко всему, единственным путём сообщения Беглецов с большой землёй оставалось мореходство — так что моряками они могли считаться в полном смысле этого слова.

Сама платформа-крепость была даже больше, чем показалась мне, когда мы впервые увидели её, выступающую из темноты гротескным силуэтом. Состоящая из нескольких квадратных этажей-уровней, соединённых десятками лестниц и пересечённых множеством коридоров, она тем больше походила на невероятно запутанный лабиринт, чем дольше ты пытался ее исследовать. Жилые комнаты, причал, где содержались лодки, денно и ночью

охраняемая оружейная, склад, набитый таким количеством бесполезного для постороннего визитёра хлама, что станция Игрока по сравнению с ним казалась скромным чуланом — и ещё больше помещений, в которые нас не пускали.

Среди всего этого особо выделялось нечто, размещённое в самом центре платформы: что-то вроде шахты, насквозь идущей через все этажи. На верхнем уровне, где располагался вход в неё, неустанно дежурили вооружённые до зубов Беглецы, не подпускающие не только нас, но и большинство собственных товарищей. На нижних же, вплоть до самой воды, это место закрывали глухие стены, поэтому выяснить, что именно там располагается, мы не могли.

Не меньший интерес для нас представляло «машинное отделение» — так Беглецы называли один из средних этажей, заполненный сотнями громоздких аппаратов, соединённых друг с другом ещё большим количеством проводов и труб, некоторые из которых уходили через переборки в соседние помещения. Мне эта комната почему-то напоминала медицинский кабинет. Такие же кабели тянулись от прожекторов и прочих приборов, из чего я сделал вывод, что здесь Беглецы вырабатывают электричество. Нас с Игроком сюда хоть и пускали, но при этом не спускали с нас глаз.

Однажды нам удалось подсмотреть за разговором Капитана с очередными пленниками, которых привезли охотники. Крик караульных с угловых башенок застал нас на верхнем уровне, под самой капитанской рубкой, и Игрок, сообразив, что за этим последует, схватил меня за рукав и затащил в тот же закуток между двумя стенами, где мы прятались до этого. Спустя четверть часа мы увидели, как снизу поднимается процессия из пятерых человек, сопровождаемых тремя вооружёнными Беглецами. В прерываемой только звуками моря тишине, под взглядами остальных, они провели пленных к Капитану и остались ждать у дверей. С нашего места открывалась целая панорама: в окне я отчётливо видел, как Капитан что-то возбуждённо рассказывает «гостям»; он нервно расхаживал по каморке, меряя её из угла в угол широкими шагами, активно жестикулировал и, кажется, пытался узнать что-то у собеседников, однако постепенно раздражался всё сильнее. В какой-то момент он, видимо, выйдя из себя, подскочил к ним и ударил кулаком в стену, заставив вздрогнуть и их, и меня, но уже в следующую секунду успокоился.

Они провели наедине ещё несколько минут, после чего Капитан покинул рубку, и туда вошли конвоиры. Они снова вывели пленников наружу и вместе с ними исчезли где-то в темноте. Думаю, лишним было бы уточнять, что ни одного из пятерых мы тоже больше не видели.

Я ни на миг не забывал, кто такие Беглецы и на что они способны. Из моей памяти не стёрся тот раз, когда трое из них связали меня по рукам и ногам и затем принялись деловито обсуждать, не стоит ли от меня избавиться. Здесь, в открытом море, были десятки способов избавиться от «обузы», как они тогда выразились. И подобные случаи только подогревали мою подозрительность. В этом мне неплохо помогал Игрок: он про Беглецов знал намного больше, чем я, так что всегда мог подсказать, если меня что-то заинтересовывало. Он показал мне пару коридоров, о которых, кажется, не знали и сами Беглецы — или, по крайней мере, не считали необходимым их патрулировать. По ним мы сокращали путь с одного конца платформы на другой и оказывались в нужных местах даже раньше самих караульных. Это было весьма полезным — несмотря на достаточно тихое поведение Беглецов по отношению к нам, мы всё равно старались лишний раз не попадаться на глаза кому-либо из команды. Скоро я изучили все доступные места крепости настолько, что мог

бы нарисовать её более или менее точный план, что, впрочем, не принесло бы особой пользы — мы всё ещё не могли никуда отсюда деться.

Но я хотел большего — после того, как я закончил с изучением мест доступных, моё внимание ещё сильнее притягивали те помещения и комнаты, в которые у меня прохода не было, и в первую очередь это касалось загадочной шахты. Она оставалась, пожалуй, единственным предметом, назначение которого я не до конца понимал. Да что там не до конца — я вообще вообразить не мог, для чего бы такая штука понадобилась в центре крепости. На то, чтобы выяснить это, у меня было время, пока Капитан не будет готов выделить нам людей.

Игрок не мог — или не хотел — ничего сказать на этот счёт. Каждый раз, когда я заводил разговор на тему шахты, он либо наигранно отвлекался на что-нибудь, либо попросту отмахивался. У меня сложилось впечатление, что он и вовсе не горит желанием беседовать на эту тему, и уже готов был браться за дело самостоятельно, но очередная группа охотников, вернувшаяся из экспедиции, вместе с пленниками принесла и ответ на мучавший меня вопрос.

В тот раз всё происходило, как и обычно: окрик сторожевых с одной из угловых башен предупредил всех обитателей платформы о том, что кто-то приближается. Никто, правда, толком не отреагировал: подобные предупреждения над здешним морем звучали чуть ли не по расписанию и даже для нас с Игроком почти превратились в рутину. Следующим сигналом, последовавшим минут через пять, караульные известили, что приближающаяся лодка — своя. Мол, беспокоиться не о чем. Вообще, в случае, если лодка всё же окажется чужой, им предписывалось просигналить тревогу, но при мне такого ни разу не случилось. Мы были последними чужаками, прибывшими к Беглецам по своей воле.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем новопривывшие поднялись на верхний этаж, и как только голова процессии показалась из узкого люка, моё внимание привлёк тот, кто шёл впереди. У него, помимо висящих на поясе ножа и дубинки, в руках был самый настоящий автомат, и то, как лениво он его держал, выдавало в нём человека, привыкшего и умеющего пользоваться этой штукой.

Когда вся группа оказалась на виду — один Беглец впереди, ещё двое в хвосте, пленные между ними — я смог разглядеть и всех остальных. Привезённые люди выглядели хуже, чем обычно — сплошные ссадины, синяки и кровоподтёки. Один из них хромал, другой и вовсе шёл, опираясь на чьё-то плечо. Не останавливаясь, конвоиры повели их напрямик в капитанской рубке. Хромой попытался что-то спросить, но, получив тычок в спину, молча побрёл дальше.

Мы с Игроком стояли чуть поодаль — не в привычном укрытии меж двух построек, но в достаточно укромном месте, чтобы не привлекать ненужного внимания и в то же время иметь возможность наблюдать за происходящим из первых рядов.

А наблюдать было за чем. Самое любопытное началось после того, как конвоиры довели пленников до двери и остались ждать снаружи. В этот раз Капитан казался более раздражённым, чем обычно в таких случаях, чуть ли не взбешенным. Он, не давая вставить и слова, орал так, что до нас даже долетали отдельные фразы, впрочем, не несшие особого смысла, для меня так в любом случае: «...одно задание...», «...столько сил потрачено впустую...» и прочее в таком же духе.

В конце концов он кинулся к двери, отрывисто сказал что-то охотникам и вернулся обратно. Те переглянулись, коротко кивнули друг другу и гуськом направились внутрь. Там

один из них схватил ближайшего человека за руку и толкнул к выходу, остальные загалдели, кто-то попытался дёрнуть первого Беглеца за рукав, но тот отпихнул его, угрожая автоматом. Несмотря на численный перевес пленников, оружие давало гораздо более значимое преимущество. Благодаря ему эта сцена закончилась быстро, я всё отчётливо видел через окна: восьмерых напуганных и побитых людей вытолкнули наружу и под дулами автоматов повели вниз. Капитан последовал за ними.

К моему удивлению, их привели к той самой шахте, которая так меня интересовала. Туда же со всех концов платформы постепенно стягивались остальные Беглецы. Я хотел присоединиться к ним, но Игрок предупреждающе поднял ладонь. Бросив на него взгляд, я заметил, как у него на скулах ходуном ходят желваки, а сам он мелко дрожит. Он, не отрываясь, смотрел на Беглецов, и меня обухом ударило и без того очевидное осознание: сейчас произойдёт что-то плохое.

Слабо сопротивляющихся пленников подвели к краю. Хромой повернулся, собираясь сказать что-то, но Капитан без лишних слов врезал ему по зубам, и тот обмяк на руках у товарища по несчастью. Беглецы одобрительно зашумели, а пленные, поколебавшись ещё немного и, судя по всему, поняв, что помощи ждать неоткуда, подчинились. Они по очереди шагнули вперёд, в зияющую перед ними дыру шахты, но не провалились в неё, а остались стоять. Спустя пару секунд что-то громко щёлкнуло, и они начали медленно опускаться вниз, как будто ехали на лифте.

Беглецы снова оживились. Кто-то показывал пальцем то на жертв, то вниз, в шахту, кто-то радостно переговаривался с соседями, а кто-то молча наблюдал. Ожидание тянулось мучительно, и оттого я не понял, сколько прошло времени перед тем, как мы услышали крики. Сначала из дыры до нас донеслись одиночные вскрики, скорее удивлённые, чем испуганные, но уже через несколько секунд они сменились душераздирающими воплями, спустя ещё мгновение к первому голосу присоединился второй, за ним третий...

Всё длилось недолго, и прекратилось так же внезапно, как и началось. Беглецы ещё продолжали восторженно шептаться, когда некое подобие лифта — теперь я его разглядел — поднялось обратно, пустое.

Игрок, задев меня плечом, пошёл в их сторону. Я, очнувшись от оцепенения, вызванного происходящим, торопливо последовал за ним. Не зная, что он собирается делать, я не сомневался, что в том состоянии, в котором он находился, он был способен на любую глупость.

Едва завидев его, Беглецы, охранявшие шахту, встали у нас на пути, но Игрок, не замедляясь, врезался в них и оттолкнул назад. Капитан резко обернулся на шум и оказался с ним, разъярённым как никогда, лицом к лицу. Игрок стоял со сжатыми кулаками и смотрел на него снизу вверх. Караульные, опомнившись, бросились к нему и схватили было за плечи, но Капитан жестом остановил их.

Игрок придвинулся ещё ближе к нему и тихо, так, что вряд ли кто-то из окружающих расслышал, проговорил сквозь зубы:

— Значит, многое поменялось? И ты исправился, стал лучше, раскаялся?

Капитан покосился на своих людей, и в ответ прорычал, так же тихо:

— Ни черта ты не понимаешь, сынок. И объяснять я тебе не собираюсь. Я...

— Старая лживая мразь, вот ты кто. — Игрок наклонился и плюнул себе под ноги, затем снова уставился на Капитана. Тот растерянно моргнул, но всё же взял себя в руки:

— Надеюсь, хотя бы твой приятель поумнее. То, что я приказал вас не трогать, не

значит, что я не могу в любой момент передумать.

Игрок так и смотрел на него, молча сверкая в полутьме единственным глазом. Капитан продолжил:

— И приготовьтесь отправляться, ваши сопровождающие прибыли. — Он мотнул головой на тех самых охотников, которые привезли этих пленных. — Я своё слово держу. А теперь... Убирайтесь с глаз моих.

Ещё до того, как он закончил, Игрок развернулся и зашагал прочь. Я колебался, пойти ли сразу вслед за ним, или сначала попробовать поговорить с Капитаном — тот глядел на меня, прищурившись, словно чего-то ожидал, но сейчас в нём не было ничего от того старика, с которым я беседовал наверху, в рубке. Или...

Прежде чем я решил, ко мне подошли двое Беглецов с дубинками наперевес. Они мягко, но настойчиво отгеснили меня назад, за линию охраны, где, очевидно, и полагалось находиться всем непричастным. Но перед этим я на мгновение успел заглянуть вниз. И от того, что я увидел, у меня по коже пробежал мороз, даром, что я был мёртв.

Там, на глубине десятков метров, в скупом свете ламп блестел ледник. Огромный, разросшийся по всей ширине шахты, а по высоте поднимающийся до её середины, в нескольких местах промявший стены.

И в нём, в этом леднике, были заморожены люди. Живые люди — я отчётливо различал, как бегают их глаза, хотя в остальном никто из них не смог бы и пальцем пошевелить. Десятки распластанных человеческих фигур, как будто попавшие в паутину мухи, наслаивавшихся друг на друга. И на самом верху, должно быть, те несчастные, которых туда только что опустили. Через секунду — до того, как я успел что-либо толком рассмотреть — меня всё же оттащили в сторону и оставили стоять там, в тени.

Когда я более или менее пришёл в себя и побрёл искать Игрока, меня не оставляло постепенно усиливающееся чувство тошноты.

Глава 24. Плавание в один конец

На страшное зрелище мне удалось взглянуть всего на мгновение, но оно надолго отпечаталось у меня в памяти. Когда я догнал Игрока, стремительно удалявшегося в недра платформы, перед глазами у меня всё ещё стояли фигуры замороженных в леднике людей, беспомощных, нелепо раскинувших руки. В мозгу неприятно кольнуло, напоминая: где-то там, среди них, возможно, находился и Тик. Я почувствовал, как слегка ослабевшая за эти короткие минуты тошнота новой волной подкатывает к горлу. Никто не заслуживает такой участи, даже он.

Игрок втиснулся в один из наших потайных коридоров, даже не удосужившись проверить, не видит ли его кто-нибудь. Я проскользнул за ним. Там, в узком проходе с тянущимися по потолку трубами и кабелями, было темнее, чем снаружи, на платформе, и я едва мог что-то разглядеть. Игрок остановился, прислонившись к стене и запрокинув голову, как смертельно уставший человек. Я осторожно подошёл к нему, помня, в каком он настроении, но до того, как я придумал, что сказать, он заговорил сам:

— Если волк одевается в овечью шкуру, надо быть дураком, чтобы его не узнать. И всё равно, каждый раз новая мерзость как впервые.

Сейчас в его голосе не слышалось ни дрожи гнева, ни вызова — только усталость, сплошная смертельная усталость. Как будто это не он минуту назад стоял нос к носу с Капитаном, готовый сорваться с цепи.

Я осторожно откашлялся:

— Забудь, скоро мы отсюда уберёмся...

Силуэт Игрока вздрогнул, словно его тело сотрясло от беззвучного смешка.

— Да, уберёмся... Вместе с той компанией, которую нам дали в сопровождение. Кстати, как они тебе, а? Лучшие в своём деле, настоящие профессионалы. И в их случае это вовсе не похвала.

Он замолк, но я, не зная, что ему ответить, тоже не издавал ни звука, и когда наступившая пауза чересчур затянулась, он снова заговорил с темнотой:

— Мне известно, на что они способны, и попытки — едва ли не самое безобидное из их подвигов. Ты сам увидел, что это за «лёд», про который они столько болтали, и это далеко не самое страшное... Однажды они при мне связали и сбросили в море одного беднягу, которому хватило глупости с ними пререкаться. Ты представляешь, каково это — лежать на морском дне, куда и крупица света не проникает, под толщей воды, не дающей пошевелиться? И постепенно погружаться ещё глубже, в ил и тину, оставаясь при этом в сознании... Это хуже, чем лёд, поверь мне. — Он прерывисто вздохнул, переводя дыхание, затем продолжил. — Можно быть сколько угодно мразью и подонком, но без сторонников ты просто мразь и подонок. А с целой толпой последователей — подонок, опасный для всех, до кого дотянешься. Так как ты думаешь, будут ли они для нас хорошими спутниками?

В моей памяти не слишком вовремя всплыл тот момент, когда я впервые столкнулся с Беглецами — на станции метро, где они хотели забрать меня с собой. Возможно, если бы мне не удалось сбежать, я бы тоже сейчас был там, в леднике. Или на морском дне, вращаясь в ил...

Я помотал головой, прогоняя неприятную мысль, и, проигнорировав заданный вопрос, поинтересовался:

— И какой у нас теперь план?

Игрок хмыкнул:

— А какой план может быть? Берём лодку, которую они нам дадут, и отправляемся вместе с этими ублюдками, куда они нас поведут. И надеюсь, — добавил он, помедлив, — что по пути они свалятся за борт и захлебнутся. А попробуем отвертеться от того, что нам предлагают — окажемся в ледяной ловушке следующими, не успеем и глазом моргнуть.

Я снова ничего не ответил, и, видимо, Игрок принял мою молчаливость за согласие, кивком обозначив конец беседы. Впрочем, я не мог подтвердить, что на все сто согласен со всем, что он сказал.

Капитан велел нам готовиться к отплытию, но готовиться, в общем-то, и не было нужно. Никаких вещей, никаких сборов. Никаких людей, с которыми можно было бы попрощаться. Весь наш багаж дождался нас в лодчонке. Точнее, не совсем в ней — Беглецы уже перенесли его на более вместительный моторный катер с рубкой, приподнятой над палубой. По размерам он превосходил нашу лодку раза в четыре, да и выглядел надёжнее, но я, не забывая, что за путешествие нам предстоит, не испытывал от этого особой радости. Я бы скорее предпочёл проделать весь путь на вёслах, лишь бы избавиться от общества охотников, вмораживающих людей в огромный кусок льда.

Направляясь вниз, я в последний раз встретился глазами с Капитаном — непроницаемый взгляд, за которым я не смог распознать ни одного из двух — или уже трёх? — известных мне человек, вызвал дискомфорт, и я, поспешив отвернуться, нырнул в люк, ведущий на нижний этаж.

Когда мы спустились к причалу, катер уже ждал, полностью готовый к отправлению. Наши сопровождающие успели загрузиться на него перед нашим приходом, и теперь стояли, опираясь на поручни и лениво посматривая по сторонам. Стараясь их не замечать, я поднялся на борт. Мне захотелось выбрать место подальше от всех троих, раз уж мы не могли совсем от них избавиться, но это оказалось не так-то просто. Несмотря на внушительные размеры катера, свободного пространства на нём оставалось всего ничего: двое Беглецов, не расстававшиеся с оружием, встали каждый у своего борта, а третий расположился в рубке, откуда ему наверняка отлично просматривалась вся палуба. Он, судя по всему, помимо прочего взял на себя и роль рулевого. Убедившись, что все прибыли и мы больше никого не ждём, он завёл мотор, и наш транспорт медленно пополз вперёд, выбираясь из-под свода платформы. Уж не знаю, как Беглецы ориентировались на местности, но на воде они двигались не менее уверенно, чем Игрок. Правда, в рубке скорее всего имелись какие-нибудь карты и навигационные приборы, тогда как мы полагались исключительно на собственные глаза.

В тишине, нарушаемой только плеском волн, прошло не меньше десяти минут. Когда мы достаточно отделились от платформы-крепости и она почти растворилась в сумраке и клубящейся над водой дымке, я оглянулся. Где-то наверху, на краю одного из этажей, мне почудилась высокая фигура. С такого расстояния я, разумеется, не мог разглядеть, кто это, но по позе мне показалось, что человек внимательно наблюдает за нами. В следующую секунду он вместе с платформой исчез в тумане.

Это плавание вовсе не походило на первое, когда мы с Игроком пересекали открытое море вдвоём, на вёсельной лодке. Беглецы, не выпуская автоматы из рук, расползли по всему катеру, не давая нам ни малейшей возможности поговорить без лишних ушей. Это придавало происходящему неприятный оттенок, как будто нас действительно не просто

сопровождали, а конвоировали куда-то. Хотя, всем троем головорезам на нас было, по большому счёту, всё равно, и ни один из них не удостоивал нас своим вниманием. Они попросту слонялись по палубе и изредка перебрасывались друг с другом дежурными, ничего не значащими фразами. Меня такое положение дел более чем устраивало.

Изначально я предполагал, что они будут сторожить посменно, по очереди заменяя рулевого, но тот так и оставался на своём посту — по всей видимости, он среди них был единственным, кто обладал навыком, столь полезным как для нашей малочисленной группы, так и для всей их шайки в целом. Он, широкоплечий и низкорослый, с окладистой чёрной бородой, стоял у штурвала с самого нашего отправления от платформы — и, как повелось, посреди бесконечной водной глади, окутанной сумраком, я довольно скоро потерял счёт времени. Устроившись на носу, поодаль ото всех, я молча смотрел в темноту, подставив лицо по ночному освежающему ветру, нёсшему в себе щиплющий губы запах соли. Он что-то напомнил мне, но меня слишком занимали беспокойные мысли, чтобы я вспомнил, что именно, и мелькнувший образ сгинул где-то в глубинах моей памяти.

Мерное гудение мотора, гулко разносившееся над морем, словно специально подчёркивало отличие этого рейса от предыдущего. Знать бы хоть, через сколько мы прибудем на место... Сбоку раздались шаги: подошёл до того болтавшийся где-то на палубе Игрок. Широкополая шляпа так и не оправилась после перенесённой бури, и его волосы развевались на ветру, подобно небольшим флажкам, а измочаленный шарф, сползший с шеи, обнажал опоясывающий её шрам. Он, не говоря ни слова, встал рядом, тяжело опершись на поручни, настолько чистые от ржавчины, как если бы они не принадлежали этому миру. Покосившись на него, я заметил, что он, вроде как, успокоился после той вспышки и последовавшего за ней уныния. Сейчас, по крайней мере, он выглядел так же, как и обычно, разве что слегка уставшим.

Я обернулся. Рулевой так и находился в рубке, двое других как будто застыли, приклеенные к ограждениям, тянущимся вдоль бортов. Я повернулся обратно к Игроку:

— Разве не любопытно, а?

— Что любопытно? — Переспросил он, не шелохнувшись.

— Всё, всё это. — Я неопределённо взмахнул рукой в воздухе, мысленно очерчивая всё, что произошло с нами двоими за столь долгое время. Игрок нахмурился:

— Не вижу ничего любопытного, — проворчал он с интонацией, ясно дающей понять, что эту тему разговора он не одобряет. Мне вспомнился взгляд, которым он смотрел на Капитана там, наверху, наблюдая за ним на краю шахты. Тогда, кажется, даже шрам на месте отсутствующего глаза исказило от переполнявшего его гнева.

— Почему ты не рассказал про лёд? — Поинтересовался я максимально будничным тоном, на который был сейчас способен.

— А следовало бы? — Его тон не потеплел ни на градус. — Стал бы ты рассказывать про самую мерзкую вещь, которая с тобой когда-либо случалась? Да ещё и зная, что скоро она повторится.

— Откуда тебе было знать... — Начал я, но Игрок неожиданно резко меня перебил:

— Всё оттуда же. Я уже говорил — мне знакомы эти парни и мне известно, на что они способны. Для них что-то подобное — раз плюнуть. Потому я и... И предупреждал, что...

Он не закончил, уронил голову на грудь. Я про себя завершил фразу за него — предупреждал, что им нельзя доверять. Что ж... Возможно, он оказался прав. Вслух же я произнёс как можно более равнодушно:

— Ну, в итоге всё закончилось хорошо. Более-менее хорошо, — добавил я, поймав его косой взгляд.

— Ничего ещё вообще-то не закончилось, — возразил он. — Пока мы не избавимся от этой троицы, наши проблемы продолжатся. Не знаю, что за инструкции им дал старый стервятник, но сомневаюсь, что они нас просто проводят до места, а потом развернутся и отправятся обратно. Уж я точно не смогу чувствовать себя спокойно, пока они рядом.

Нос катера взрезал слишком высокую волну, отчего нас обдало фонтаном холодных брызг. Отфыркиваясь, Игрок указал пальцем в темноту: там из воды торчали нагромождения силуэтов неправильных форм.

— Это... Это же скалы, — проговорил я, нахмурившись.

— Они самые, — подтвердил он с непонятным, даже неестественным для нашей ситуации удовлетворением. — И не просто скалы, а такой частокол, через который абы как не пройдёшь. Того и гляди напорешься на одну.

— Ты же не думаешь...

— Что они собираются специально разбиться о них? Нет, вряд ли. Тогда бы нам выделили что-нибудь похуже. — Он похлопал ладонью по металлическому поручню. — Никто не стал бы топить ради нас такое сокровище, а уж тем более Беглецы. Они чересчур... бережливые.

— Ага, конечно, — пробормотал я себе под нос.

— Да и вообще, — продолжил он, — мне кажется, что скалы это хороший знак. Если есть скалы, значит, где-то рядом берег. Похоже, мы приближаемся к большой земле.

Я снова согласился с ним лишь внешне, не произнеся ни звука. Приближаться может и приближаемся, вот только кто знает, сколько нам потом идти пешком. И, как он и сказал, вряд ли эти громилы от нас отвяжутся сразу же, как только мы ступим на твёрдую землю. В конце концов, если бы Капитан считал, что мы на земле отыщем нужное место самостоятельно, он бы сразу отпустил нас одних, верно? Я вспомнил его совет: «Подумай заранее, как ты получишь от него ответы». Хороший вопрос. И чертовски сложный.

Мы плясали на волнах, раскачиваясь из стороны в сторону, и Игрок, больше не говоря ни слова, встал, держась за поручни и неподвижно смотря в бурлящую под лодкой пену. Я, решив пока что оставить его наедине с самим собой и немного пройтись по палубе, обернулся, но застыл на том же самом месте. Там, на корме, стоял никем, кроме меня, не замечаемый фантом-двойник. С его лица, безэмоционально повторяющего мои черты, ручьями стекала вода, а намокшие волосы облепили лоб, придавая его голове какую-то странную, нечеловеческую форму. Он находился вне поля зрения Беглецов, считавших, очевидно, что их главная задача — приглядывать за нами, а не за тем, чтобы на борт не влез кто-то ещё, поэтому вокруг нас до сих пор сохранялась тишина. Затишье перед бурей, растянувшееся из одной секунды чуть ли не в вечность. Мир словно замер, но ожил, когда двойник пошёл на нас, ещё до того, как я успел крикнуть что-нибудь, чтобы предупредить остальных. Ближайший к нему из Беглецов, парень ростом с Тика с яркой повязкой на голове, краем глаза заметил движение и повернулся, но фантом одним мановением руки смахнул его в воду. В воздухе прозвучал вопль, за ним короткая очередь выстрелов — и затем глухой всплеск.

Двое других встрепенулись. Рулевой, обернувшись, заорал что-то третьему, не отпуская штурвала, и тот, заметив угрозу, кинулся к нам, огибая рубку. Он вскинул автомат, но двойник всё так же небрежно отклонил дуло, и очередь прошла мимо него, большей частью

уйдя в водную гладь. Следующим движением, практически неотделимым от первого, он снизу вверх нанёс Беглецу удар в челюсть. В сумерках брызнуло что-то чёрно-красное, и второе тело с громким звуком упало за борт — ещё одно препятствие устранено.

Фантом, похожий на сошедшую с пьедестала статую, высеченную из камня, опять шагнул к нам, не отрывая пустых глаз от моего лица, но в этот момент катер резко накренился. Мы с Игроком вцепились в поручни, повиснув на них, двойник же с грохотом упал на спину и заскользил по мокрой палубе вбок, рискуя отправиться следом за своими жертвами.

Хлопнула дверь рубки, и я понял, в чём дело: Беглец-рулевой заклинил штурвал и пустил судно в крутой поворот, сам присоединившись к происходящему на палубе. Я, несмотря на то, что мозг занимала совсем другая проблема, подумал: напорись неуправляемая лодка на одну из тех скал, что мы с Игроком видели перед этим, и мы пойдём ко дну быстрее, чем фантом доберётся до нас.

Впрочем, тот, поднявшись на ноги, ухватился за какую-то железку и теперь балансировал, пытаясь удержаться в таком положении. Он снова двинулся было неуверенным шагом к нам, но позади него раздалась стрельба: последний Беглец, выбравшись из рубки, всадил ему в спину не меньше, чем половину обоймы. Фантом, отвлечшись на него, развернулся всем туловищем, представив нашим взорам спину: продырявленная в нескольких местах одежда ясно свидетельствовала о том, что выстрелы достигли цели, но, похоже, не нанесли ему хоть сколько-нибудь серьёзного вреда, разве что выиграла нам ещё немного времени.

Двойник, шатаясь, пошёл к более опасному, по его мнению, противнику и, оказавшись от него на расстоянии вытянутой руки, нанёс очередной удар. Я ожидал, что и третий из наших конвоиров сейчас отправится вслед за предыдущими, однако тот поднырнул под самым кулаком и, упав на палубу, снизу выпустил в фантома оставшиеся пули, снова, без сомнений, попав точно в цель. Двойник, всё ещё обращая на выстрелы не больше внимания, чем на назойливых мух, тяжело поднял ногу и с силой опустил её на то место, где секунду назад находилась голова Беглеца. Промахнувшись, он с грохотом пробил палубу и застрял в ней. Воспользовавшись полученной заминкой, рулевой откатился вбок, торопливо перезарядил оружие и всадил в фигуру, пытающуюся вытянуть ступню из ловушки, ещё с десяток пуль. Мне пришло в голову, что он, должно быть, привык к тому, что обычно такой метод решения проблемы срabатывает безотказно. Что ж, в этот раз подвёл.

Фантом с треском пластика и вырываемых с корнем досок освободил ногу и повернулся к нам, а через мгновение за его спиной что-то заискрило: судя по всему, один из выстрелов попал, куда не следует, и поджёг что-то. На то, чтобы снопы искр превратились в настоящее пламя, ушли считанные секунды, но двойник, ничего не замечая, вновь пошёл в наступление.

Беглец, теперь стоявший вместе со мной и Игроком на носу катера, сделал резкий выпад, целясь прикладом в шею противника, но металл лишь скользнул по твёрдой, как камень, коже. С момента нашей последней встречи фантом, похоже, стал ещё сильнее и выносливее — сейчас в рукопашной он нас раздавит, как насекомых, даже не напрягаясь. Оправившись от удара, он схватил автомат за дуло и вырвал его из рук стрелка так же легко, как обычно срывают цветы. Отправив оружие в воду, он потянулся к самому Беглецу. Тот попытался отскочить, но уже не успел: фантом вцепился ему в горло и, одной рукой подняв над собой, швырнул вперёд. Последний из трёх Беглецов, пробив своим телом поручни, исчез в пенящемся море.

Позади чудовища, наделённого моей внешностью, раздался взрыв, в воздух взвилось небольшое огненное облачко, и на его фоне силуэт монстра очертился чётче, придавая ему ещё большее сходство с античной скульптурой. Теперь мы остались с ним один на один. Точнее, двое против одного, но перевес всё равно был не в нашу пользу.

Фантом бросился на нас, но мы, как сговорившись, прошмыгнули под его широко разведёнными руками. Оказавшись у него за спиной, мы буквально попали между двух огней, между молотом и наковальней — с одной стороны нечто, собирающееся нас убить, не останавливаемое даже пулями, а с другой — горящий и разгорающийся с каждой минутой всё ярче пожар, который того и гляди разнесёт в клочья наш транспорт, а вместе с ним и нас самих. Кроме того, мы по-прежнему кружили с заклиненным штурвалом, рискуя в любую секунду напороться на скалы.

Двойник развернулся так быстро, что я не успел увидеть его движение. Он оказался со мной лицом к лицу, вплотную, и тут же что-то подбросило меня в воздух. Я отлетел назад, ещё ближе к пышущему жаром огню, и грохнулся на палубу, не понимая, что трещит громче — доски или мои рёбра. От падения мне перебило дыхание; пытаюсь вдохнуть, я неимоверным усилием поднялся на колени, ожидая, что меня вот-вот настигнет второй удар, но его не последовало. Вместо этого передо мной в дрожащем свете пламени, окутанные дымом и сумерками, плясали две тени: фантом отмахивался от вставшего у него на пути Игрока, прыгающий вокруг него с удвоенной энергией, доставая его то с одного, то с другого бока. Конечно, и дурак бы понял, что долго так продолжаться не может: монстр не уставал, в отличие от Игрока, который двигался всё медленнее и которому каждое следующее уклонение давалось всё труднее. Когда очередной удар фантома достал его, отшвырнув прямо в рубку, я уже более или менее стоял на ногах. Бессильно наблюдая, как Игрок без сознания сползает на палубу, я со злобой сжал кулаки. Его не хватило на то, чтобы победить, но он смог задержать противника, выиграть мне время. Ещё немного времени... Лишь бы это не было напрасно.

Фигура неумолимо приблизилась ко мне, выступив из клубов дыма. Странно, хотя мы и были одинаковыми, он показался мне гораздо выше, чем я, чуть ли не великаном. Спотыкаясь, я отступал назад, лихорадочно выискивая глазами что-нибудь ещё, что могло бы мне помочь. Но никакого выхода не предвиделось. Похоже, это действительно конец...

Двойник, до того не отрывавший от меня глаз, внезапно остановился и посмотрел на что-то за моей спиной. В следующую секунду его осветил яркая вспышка, и...

Время застыло для меня. Игрок, фантом, катер, пожар — всё это на мгновение перестало существовать, и перед взором у меня вспыхнула картина, как будто из прошлого, из настоящей жизни: палатка, которую я видел до этого занесённой снегом, и замёрзшая девушка из неё. Вот только в видении она была какой-то другой... Если бы мне хватило смелости, я назвал бы её живой — раскрасневшаяся, а не посеревшая от мороза, она сидела перед пылающим костром, потягивая горячий чай из металлической кружки и листая какую-то книгу. Поправив короткие светлые волосы, выбивающиеся из-под шапки, она подняла взгляд от страницы, взглянула на меня и... Улыбнулась. Ни капли того страдания или мольбы, которые я запомнил после встречи с ней. Её губы дрогнули, приготовившись сказать что-то...

И я очнулся, ровно через секунду после того, как окаменел. Фантом по-прежнему стоял прямо передо мной, бессмысленно глядя куда-то позади меня. Последовала вторая вспышка, после чего у меня в глазах окончательно потемнело, неведомая сила выдернула меня наверх,

и я птицей нырнул в так хорошо знакомую прохладную темноту ночи.

Глава 25. Последний берег

Как наше второе плавание ничуть не походило на первое, так и очередное моё пробуждение кардинально отличалось от последних, которые я мог бы припомнить. Я с трудом пришёл в сознание, лёжа лицом вниз на чём-то твёрдом, и мне не понадобилось ни открывать глаза, ни подниматься на ноги, чтобы понять, на чём именно. Почти сразу я ощутил во рту солоноватый вкус почвы, с оттенком примеси, не так хорошо узнающейся — сажа и пепел. И само по себе не самое приятное сочетание, а уж в моём состоянии так тем более. Отплёвываясь и вытирая рот ладонью, я с трудом встал на четвереньки, опёршись на свободную руку и смутно почувствовав сквозь пульсирующую по всему телу боль, как она дрожит под моим весом. Безумно хотелось сдаться, рухнуть обратно на землю... Но сохранившиеся крупинцы разума решительно протестовали против этого, и я подчинился.

Я неуклюже переместился на корточки и огляделся вокруг. Совершенно голый участок суши, лишённый и растительности, и камней. Привычные поля, чёрные с золотыми прожилками, начинались чуть дальше, там, где неровным частоколом щетинились гребни холмов. Я с усилием повернул голову в другую сторону. А там... Вода. В нескольких десятках метров от меня на изрезанную линию берега мягко накатывали одна за одной волны. В памяти болезненно вспыхнуло воспоминание: радостное, безмятежное лицо девушки, превращающееся в моё собственное, пустое и серое, затем яркий свет и...

Непроизвольно я зажмурился. Был взрыв. Двигатель — или что там воспламенилось во время драки — взорвался и уничтожил катер вместе со всем, что на нём находилось. Хотелось бы верить, что и вместе с фантомом, но если я выкарабкался, то это чудовище и подавно уцелело. В любом случае, все наши припасы уже покоятся на дне. Может быть, Игрок...

Я вздрогнул. Игрок. Я совсем забыл о нём. Когда прогремел взрыв, он лежал в стороне, судя по всему, без сознания. Я представил, как его, беспомощного, швыряет в море, и он идёт ко дну, окружённый щепками и обломками...

От того, как резко я встал, голова закружилась, и пришлось расставить ноги пошире, чтобы не упасть, но это не имело значения. Он должен был выжить, он всегда выживает. Если его тоже вынесло на этот берег — в чём я не сомневался — то найти его не составит проблем. А может быть, он и сам уже очнулся и сейчас разыскивает меня.

Я, шатаясь, пошёл вдоль берега. Во рту распространялся, перебивая отступающую горечь тлена и земли, давно мною забытый вкус крови. Забавно, но на секунду я снова почувствовал себя живым, как будто разум сумел ухватить эту незримую разницу между двумя состояниями. Если бы меня спросили, в чём она, ответить бы я не смог — что-то на уровне рефлексов и подсознания.

Несмотря на то, что к темноте я уже привык, поиски оказались не такой уж простой задачей. Будь Игрок где-нибудь в пределах видимости, в сознании или нет, я бы сразу заметил его на идеально ровном пляже — но его нигде не было. Решив, что имеет смысл подняться повыше, чтобы увеличить обзор, я направился к холмам. В том состоянии, в котором я находился, подъём на ближайший и самый низкий из них занял немало времени и заставил меня покрыться седьмым потом — добравшись до вершины, я упал ничком, пытаясь отдышаться, и первые несколько секунд и не пробовал разглядеть, что там внизу.

С возвышенности же открывался вид на море, которое, огибая гряду холмов, брало их в

полукруг, оставляя попавшим сюда только один путь: едва заметную тропу, что вилась среди дыблящихся скал и уходила куда-то вглубь. Куда она ведёт? Либо к тому, что я так отчаянно искал, либо же в никуда, в пустоту. И ни единого следа пребывания человека или любого другого существа, на многие мили вокруг, насколько хватает взгляда. Дикие, нетронутые места, даже по сравнению с полями. Я попал на край мира.

Я почувствовал внезапный укол, словно какая-то идея рвалась наружу из головы, без моей инициативы. Что, если... Что, если использовать для поисков магию, с помощью которой я избавился от поймавших меня Беглецов, а до того вызвал лавину? Я не был уверен, что хоть что-то может получиться, но всё же... Почему нет?

Я закрыл глаза и сосредоточился. Представил в мыслях Игрока, стоящего где-то у подножия холма и смотрящего на меня снизу вверх одним глазом. На нём по-прежнему шляпа и шарф, закрывающий шею... Игрок... Шарф... Шляпа... Темень, я вижу лишь его силуэт, но даже по силуэту узнать его легко... Игрок... Шарф... Шляпа...

Игрок... *Игрок...*

Я открыл глаза, медленно, как после сна, и первым делом опустил их книзу. Нет, разумеется, всё ещё ни души. Впрочем, всё равно я ни на что иное и не рассчитывал. Скорее всего, магия окончательно испарилась — сколько я уже нахожусь в этом мире? Кажется, Смотритель предупреждал меня о чём-то подобном.

Проверив один из способов, я задумался, что делать дальше. Может ли быть такое, что Игрок сам сейчас ищет меня? Может, тогда мне будет лучше оставаться на одном месте? По крайней мере какое-то время, чтобы не разминуться с ним.

Расслабившись, я сел свободнее, не прекращая при этом сканировать глазами территорию у подошвы холма — так, на всякий случай. Но мысли при этом крутились вокруг совершенно другого вопроса: куда нам идти после воссоединения? Я всё ещё не оставлял надежды самостоятельно отыскать то место, которое должны были показать нам Беглецы, сброшенные фантомом в воду. Тропа, ведущая между холмов, казалась достаточно очевидным началом пути, но что дальше? Я не сомневался, что нам удастся сохранять выбранное направление и без ориентиров, коими пользовался Игрок, но для этого всё равно надо знать конечный пункт. Я же не был уверен даже в том, что меня выбросило именно на тот берег, к которому мы плыли. Если мы вообще плыли к берегу — никто не говорил, что прибежищем создателя мира мёртвых не могла быть другая такая же платформа посреди открытого океана или ещё что-нибудь вроде этого.

За такими размышлениями я провёл столько времени, что все кости и мышцы, болевшие после взрыва, успели прийти в норму. Если бы в загробном мире сменялись времена суток, то за те часы, пока я просидел неподвижно, здесь уже стемнело бы, пусть даже я начал бы ожидание ранним утром.

Встряхнув головой, я пересел, чтобы размять затёкшие ноги... И замер, когда что-то небольшое и твёрдое, по размерам и форме как камень, упёрлось в бедро сбоку. Я опустил, настороженно и медленно, руку к карману, но сразу успокоился, поняв, что это просто компас, который до сих пор находился там. Тот самый компас, найденный мной однажды на полях мира мёртвых. Я совсем позабыл про его существование. Он оставался, наверное, единственной вещью, не утонувшей вместе с катером. Единственная сохранившаяся вещь — и та не работала, как положено.

Недолго думая, я извлёк его наружу, подбросил слегка, как будто примеряясь, куда бы лучше зашвырнуть. Приятно было ощущать в ладони его холодную оттягивающую пальцы

тяжесть. Она словно возвращала меня к реальности: эдакий якорь, не дающий потоку сознания унести меня чересчур далеко.

Я ещё несколько раз машинально подбросил его в воздух и поймал. Почувствовал, как мысли постепенно приходят в порядок, избавляются от всего лишнего... Отвлёкшись, уронил компас в траву — на вершине холма не такую высокую, как в поле — и нырнул вслед за ним, успев поймать в последний момент, чтобы он не покатился вниз по склону. От удара о землю его крышка распахнулась, и едва мои глаза коснулись циферблата, у меня перехватило дыхание: стрелка не вертелась по кругу, как раньше, когда я только нашёл его. Теперь она вытянулась нитью и не шевелилась.

Я потряс компас, решив, что стрелка попросту застряла, но ничего не поменялось — она упрямо указывала всё туда же. Я постучал по крышке, захлопнул её и открыл снова — результат тот же. Он точно не работал, когда я проверял его в последний раз, когда... А когда это было?

Озадаченно уставившись на коробочку у себя в ладони, я не мог понять, в чём же дело. Я покрутил компас в разные стороны — стрелка поворачивала одновременно с моими движениями, ползая по стертому циферблату и не отклоняясь от указываемого направления, как будто настаивала на нём.

Я поднял взгляд. Там, куда показывал прибор, высился соседний холм, чуть повыше, но расположенный ближе к ломаной линии воды, расчерчивающей темноту на две части. Что ж... Есть только один способ выяснить, что за ним находится.

Я встал и пошевелил конечностями, убеждаясь, что достаточно пришёл в себя для ещё одного перехода. Ни руки, ни ноги не отозвались болью — значит, всё в порядке.

Я стал осторожно спускаться, стараясь не оступиться. Время от времени я бросал на компас, сжатый в кулаке, опасливый взгляд, словно боялся, что стрелка исчезнет или повернёт в противоположную сторону — или случится ещё что-нибудь, хотя я и не имел ни малейшего представления, что именно. Но ничего не происходило. Она по-прежнему тянулась всё в том же направлении, лишь слегка вздрагивая от тряски, когда мне под подошву попадался неустойчивый камень и я спотыкался.

Справедливости ради, я мог бы проделать этот путь аккуратнее, если бы не торопился так сильно, но тогда бы у меня ушло на него гораздо больше времени. Мне же хотелось поскорее увидеть, куда меня приведёт мой указатель. Оказавшись у подножия холма, я с ним в очередной раз сверился. Стрелка все так же рвалась к следующей возвышенности, не отклоняясь от нее ни на градус. Здесь, внизу, вновь начиналась настоящая трава, к которой я привык, высокая, частично перекрывающая обзор, угольно-чёрная с золотыми прожилками. Несмотря на спешку, я позволил себе залюбоваться этим зрелищем на пару секунд. Темно-оранжевые нити убегали от меня в разные стороны, складываясь в целую паутину.

Впрочем, надолго задерживаться я не стал. Даже не потрудившись отряхнуть испачканную в земле и саже одежду, я начал быстрым шагом огибать холм. Дуга получилась широкой, но вскоре я вышел обратно на пляж, уходящий дальше, к едва различимому горизонту. Отсюда он смотрелся огромным, но прежде всего моё внимание привлекло вовсе не это, а большой силуэт вдаль. На первый взгляд он напоминал одну из невысоких, в два-три человеческих роста, скал, но было в нём что-то иное... В очертаниях этого объекта сквозило нечто рукотворное.

Я сверился с компасом: стрелка указывала ровно туда же, где силуэт пересекал линию горизонта. Увязая в мокрой почве, я пошёл к нему. Разгадка оказалась проще, чем я

предполагал: чем ближе я подходил, тем яснее становилось, что это — остатки катера, выброшенные морем на берег. Точнее, здесь высилась только передняя часть остова вместе с половиной рубки. Обломок судна лежал носом вверх, так, что складывалось впечатление, будто другая часть находится под землёй.

У меня с души словно камень свалился: где-то неподалёку должен быть и Игрок. И действительно, подойдя ближе, я заметил его. Он сидел, прислонившись спиной к обшивке катера и уронив голову на грудь, точно спящий. Я осторожно подступил к нему и присел рядом на корточки. Сомневаться в том, что он жив, не приходилось, я даже в темноте отчётливо видел, как тяжело вздымаются и опускаются его плечи. Просто без сознания. И не удивительно: тряхнуло нас неплохо, да и к тому же я ещё не знал, что ему пришлось пережить с тех пор, в открытом море.

Я протянул руку и аккуратно поднял его голову. Убедившись, что глаза закрыты и на прикосновения Игрок не реагирует, второй рукой я несильно потряс его за плечо:

— Эй! Слышишь меня?

Он проворчал что-то неразборчивое и уронил голову обратно вниз. Я растерянно огляделся. Что я могу сделать? Может, стоит оставить его в покое и подождать, пока он сам не очнётся? Мой взгляд упал на остатки катера. Что, если там сохранилось что-то из наших вещей? Возможно, в сумках Игрока и найдётся что-нибудь полезное. Вряд ли, конечно, там отыщется вторая бутылка его бодрящего вина, но всё же...

Сейчас обломки были повёрнуты днищем к нам. Я встал и обошёл их, решив всё же проверить, не уцелело ли что-нибудь с другой стороны, но одного взгляда хватило на то, чтобы разбить мои надежды сильнее, чем эту несчастную лодку. С этого ракурса катер смотрелся так, словно его приложило о такого же размера скалу перед тем, как расколоть пополам, как яичную скорлупу. На месте рубки красовалась такая мешанина щепок и мусора, что я не взялся бы рассудить, что из этого дверь, а что окно. Даже приборная доска, расположенная в наименее пострадавшей нише, оказалась расколочена вдребезги, а кнопки, выбитые ударом из гнёзд, беспорядочно болтались на разноцветных проводах. Я на всякий случай заглянул внутрь, но, разумеется, не обнаружил ничего, что могло бы пригодиться. Вздохнув, я побрёл обратно к Игроку ни с чем.

Когда я вернулся, он, к моему удивлению, уже очнулся. Он сидел в той же самой позе, но теперь держал голову прямо, и встретил меня внимательным взглядом единственного глаза. Я присел напротив:

— Ты в норме?

— Бывало и хуже. — Он покачал головой и сплюнул в бок, повернувшись при этом всем телом, как будто палку проглотил. — А бывало и лучше. Хотя, во всём есть... Есть свои плюсы, ага. Если честно, не думал, что мы выкарабкаемся. Потому что... Потому что твой приятель...

Он замолчал и выразительно помотал головой. Я хотел было ответить что-нибудь, но он продолжил так же внезапно, как запнулся:

— А ведь он, считай, оказал нам услугу. Избавился от... От тех троих.

Он звонко рассмеялся, но смех прервал кашель. Хриплый, плохой кашель. Я подскочил, но он успокаивающе поднял руку:

— Нет, всё в порядке. Мне просто нужно... Передохнуть немного. Ага... Такое чувство, что у меня пара-тройка рёбер сломано. — Неожиданно признался он. — Но это ерунда, на мне всё заживает, как на собаке. На... На старой, грязной и побитой собаке.

Он снова засмеялся, и опять его смех продлился всего пару секунд. В этот раз он со стоном схватился за грудь и согнулся пополам. Я, не зная, чем могу помочь, молча ждал, пока ему не станет лучше. Минуту спустя, когда он выпрямился и посмотрел на меня, я понял, что он отсюда никуда пойти не сможет. Его лицо ото лба вниз прочертила крупная капля пота, вторая бежала за ней.

— Ладно, — сдавленно прошептал он, отводя глаза, — на этот раз всё чуть-чуть серьезнее, чем бывало раньше... Но всё равно, ничего страшного. Надо просто немного передохнуть...

— Ну да, ну да. Времени-то у тебя теперь навалом.

Он так же напряжённо улыбнулся и поморщился:

— Да и чёрт с ним... Я буду в порядке. Лучше вот что скажи — как ты меня отыскал?

Я сообразил, что до сих пор сжимаю компас в ладони так сильно, что пальцы почти онемели. Я переложил его в другую руку и показал Игроку. Тот взглянул на него так, как мог бы глядеть на камень или на дохлого жука:

— Ну и что это такое?

Я открыл крышку, и одновременно с её щелчком где-то вдали раздался раскат грома, отозвавшийся в моей голове смутными воспоминаниями. Я отвлёкся от разговора, отвернувшись, чтобы пристально всмотреться в ту сторону, откуда раздался звук, а когда снова повернулся к Игроку, тот по-прежнему глазел на маленькую коробочку, блестящую у меня на ладони. Но сейчас в его взгляде появилось любопытство. Моргнув, я посмотрел на неё сам, и увидел, что стрелка опять обезумела и принялась крутиться, как какая-нибудь карусель.

— Я...

Теперь Игрок вопросительно уставился на меня.

— Ну... В общем, я нашёл его, когда...

— Да, — перебил он, — ты уже показывал мне эту штуку. Так что с ней?

Я смешался. Уже показывал?.. Чепуха какая-то. Ладно... Попробуем ещё раз...

— С помощью этой *штуки*, — проговорил я медленно, с расстановкой, — я тебя и нашёл. Она как будто... На какое-то время починилась.

— Вещи сами собой не чинятся, — заметил Игрок.

— Я знаю. Короче, стрелка перестала вертеться, и показывала в одном направлении, безо всей вот этой ерунды. Не знаю, когда точно это произошло... Может, ещё там, в море... Но как только я заметил, что компас заработал, я пошёл туда, куда он указывал. И нашёл тебя.

— То есть, показывал он на это место?

— Да.

— Прямо сюда, никуда не отклоняясь?

— Именно так.

Игрок снова вытаращился на компас, но уже гораздо серьезнее.

— Это... Необычно.

— Что? Только не говори, что ты ни разу не встречал ничего подобного.

— В том-то и дело... — Он слегка нахмурился. — Если бы он с самого начала *так* работал, я б не удивился. Будь он всю дорогу сломанным — тоже ничего странного. Но так... Как если бы у какого-нибудь предмета был собственный разум. Да, такого я ещё ни разу не встречал.

Повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь едва различимым шуршанием красносиней стрелки, мечущейся из стороны в сторону со скоростью самолётной турбины. Даже шум моря словно куда-то исчез.

— То есть, получается, — заговорил я первым, — что этот... эта штукавина... живая?

— Такого я не утверждал. — Игрок задумчиво покачал головой. — Хотя, вообще-то я не уверен, что это такое. Единственное, что можно сказать наверняка — она каким-то образом понимает, когда её владелец хочет что-то найти, и при этом знает, где это «что-то» находится. И тогда... Понятно, почему она то кажется сломанной, то вдруг ни с того ни с сего чинится.

— Ну да... — До меня тоже понемногу стало доходить. — В другие разы, когда я её проверял, я не искал ничего. Ну, или, по крайней мере, не так сильно на этом сосредотачивался, отвлекался на что-нибудь. Поэтому и думал, что она не рабочая.

— В точку! Сейчас ты искал меня... Ты же, надеюсь, меня искал? — В вопросе Игрока промелькнул отголосок прежней несерьёзности. — А теперь, когда нашёл, этой проклятой стрелке нечего тебе показывать. Вот она и сходит с ума. До тех пор, пока...

— До тех пор, — повторил я эхом, — пока я опять не примусь что-то искать.

— Быстро схватываешь, — отозвался Игрок. — И, надеюсь, ты понимаешь, что это значит.

Я уставился в одну точку. Шестерёнки у меня в голове крутились, как заведённые.

— Какой же я дурак, — проговорил я ровным голосом. — Всё это время я мог просто-напросто заглянуть в карман...

— Ну вот, теперь и заглянул. Лучше поздно, чем никогда, а?

Я не ответил. Мысли в мозгу текли бесконечной — и очень сбивчивой — рекой. Чтобы отыскать того, кто управляет загробным миром, я мог посмотреть на компас — и всё! Он показал бы мне путь. И тогда ничего этого не было бы... Нам не пришлось бы просить помощи у Беглецов. Я, может, даже не встретился бы с Игроком.

Придя к такому выводу, я снова растеряно опустил глаза вниз, на компас: сейчас он, отозвавшись на мои размышления, и правда успокоился, указывая куда-то вглубь суши. Туда, где, как я помнил, должна была находиться вьющаяся между скал тропа. Просто, как дважды два. Я вздохнул и развернулся к Игроку:

— Полагаю, придётся всё же переждать, пока ты выздоровеешь. Сомневаюсь, что в таком состоянии ты способен далеко уйти.

— С ума сошёл? — Он вздёрнул голову так резко, что я испугался, как бы он опять не сложился от боли пополам. — Ты близок к цели, как никогда. Тебя буквально чуть ли не ведут под руку, и всё, что тебе остаётся — идти, куда скажут. Не дури, чего ещё тебе ждать?

— Того, когда ты придёшь в норму. — Я упрямо нахмурился и взглянул в сторону моря. — Бросать тебя здесь, одного, при том, что нас только что едва не размазал тот монстр? Бред собачий.

— За меня не беспокойся, я не пропаду. В конце концов, всё самое страшное, что могло случиться, уже случилось.

Я нахмурился ещё сильнее. Внутри меня боролись два стремления: желание найти то, к чему я так долго шёл, владыку загробного мира, и выяснить у него всё о своём прошлом — и нежелание оставлять друга на произвол судьбы. Не то чтобы я не верил в то, что он сможет о себе позаботиться — из всех, кого я знал, если кто-то и умудрился бы выкарабкаться из подобной передряги, так это он.

Но совесть всё равно сражалась с желанием согласиться с его доводами и отправляться дальше одному.

— А разве сам ты не хочешь задать *ему* никаких вопросов? — Спросил я, всё ещё не глядя на Игрока. — Узнать, кто ты есть, почему всё устроено так, как устроено — нет?

Тот едва слышно усмехнулся:

— Мне достаточно того, что я и так знаю. Я ведь уже рассказывал, зачем так поступаю.

— Да. Чтобы искупить вину.

— Правильно. И пропади они пропадом, эти вопросы! Я шёл сюда не за ответами, но чтобы ответы мог получить ты. Мне хватит и этого. И кроме того, — добавил он после недолгой паузы, — я смогу пойти вслед за тобой, потом, когда мне полегчает.

— И сколько времени на это уйдёт? Сколько времени тебе нужно, чтобы зарастить сломанные рёбра?

— Меньше, чем ты думаешь. И меньше, чем любому другому человеку. Я, как-никак, очень везучий.

Снова наступила тишина, прерываемая только его тяжёлым дыханием. Я, не видя Игрока, живо представлял, как он, болезненно выпрямившись, глядит на меня снизу вверх, ожидая, что я скажу. Да я и сам ожидал этого от себя — согласия с его словами или же возражения. Хоть какого-нибудь ответа.

Вместо этого я на несколько секунд прикрыл глаза и вообразил себя на его месте. Раненым, ослабшим, неспособным двинуться. И уговаривающим друга покинуть меня.

Нет. Я, так ничего и не сказав, резко развернулся и пошёл мимо сидящего на земле Игрока, обойдя останки катера и направившись к разрушенной рубке. Игрок натянуто, не поворачиваясь, проводил меня взглядом, не шевеля ничем, кроме единственного глаза:

— Эй! Ты куда?

Проигнорировав его, я забрался внутрь, прямо в обломки, затем присел на корточки и принялся заново осматривать ту мешанину, в которую превратился корпус вместе с оснасткой и приборами. Я искал... Да, вот оно. Заметив среди крошева доску подходящей толщины и длины, я вытащил ее и отложил в сторону. После чего нашёл еще несколько таких же.

Теперь нужно было что-то, чем их можно скрепить... Что-нибудь вроде верёвки. Я выдернул из раскученной приборной панели самый длинный провод. Взвесил его на ладони, потянул, пробуя на разрыв... Подойдет.

Со всем этим добром под мышкой я вернулся к Игроку. Он всё так же внимательно смотрел, как я присаживаюсь рядом и раскладываю перед ним весь принесённый хлам. Затем поднял взгляд ко мне:

— Что это?

— Думаю, для начала твои рёбра надо зафиксировать. Я не доктор, но, наверное, у меня получ...

Я не успел закончить: Игрок, внезапным движением схватив один из обломков, приставил его острый расщепленный край к моему горлу. Я замер, почувствовав, как длинное и тонкое острие упёрлось мне в глотку не хуже ножа. Ещё немного — и проткнёт.

Я посмотрел на Игрока, и мне показалось, что его заменил незнакомец. Холодный, стальной блеск мертвенно-белого глаза и дорожки пота, стекающие из-под всклокоченных волос, почти превратили его лицо в маску, подобную преследовавшему нас двойнику. Почти.

— Я сказал, — проговорил он, — иди один. Я остаюсь здесь.

Осторожно положив доски на землю, я отстранился от него, настолько, чтобы меня нельзя было достать.

— Ты, похоже, совсем двинулся.

— Возможно, — ответил он так же равнодушно. — Но я не позволю тебе тратить время, дожидаясь моего выздоровления.

Он рывком поднялся, скривившись от боли, но по-прежнему держа щепку на вытянутой руке, и пинком отбросил всё принесённое мной в сторону мягко накатывающих волн. Какое-то время мы продолжали стоять так, глядя друг на друга и ничего не говоря. Игрок смотрел на меня исподлобья, дыша тяжело, как будто после пробежки, его лицо прочерчивали всё новые струйки пота. Наконец он произнёс:

— Чувствуешь этот запах? Сажу? Ну, чувствуешь же, правда? — Я медленно кивнул, решив, что он бредит. — Это запах смерти. Здесь повсюду ею пахнет. Даже мы сами ею пахнем, столько-то времени проведя среди всего этого. И я не боюсь этого запаха. Он мой, он — это я. А я — это он. Моё место здесь, и идти мне некуда.

Пока он говорил, его рука начала дрожать, но он всё ещё держал обломок доски направленным на меня, словно это я пытался броситься на него. Не было похоже, чтобы он собирался отказаться от своей затеи.

— Подумай сам, — почти выкрикнул я, в отчаянии разводя руками. — Что ты будешь тут делать? Один, в таком состоянии. А если тот монстр снова появится?

— Что-нибудь придумаю. И потом, если он и появится, так только там, где будешь ты — это же за тобой он гонится, а не за мной. Он тебя преследовал задолго до того, как ты встретил меня. Так что я буду в большей опасности как раз рядом с тобой.

Такой вариант мне в голову даже не пришёл, и возразить на него мне было нечего. Я как-то позабыл, что это действительно именно я привлекаю фантома. Для меня он уже давно ассоциировался с Игроком и нашим совместным путешествием по миру мёртвых.

— Ладно, допустим... А если что-то ещё случится? Сюда в любой момент может заявиться кто-нибудь вроде Беглецов.

— Я же сказал, что-нибудь придумаю. — Игрок пожал плечами, как бы давая понять, что решать проблемы станет по мере их поступления. — Всё-таки не первый раз, когда я попадаю в переделку.

Что-то на его лице зацепило мой взгляд. Через секунду я понял, что именно — лоб Игрока покрывала какая-то странная тонкая корка, как будто состоявшая из множества чешуек. Как кровь, запёкшаяся на ране. В темноте не разобрать, ещё и волосы мешают. Я машинально шагнул было вперёд, но Игрок предостерегающе взмахнул передо мной острым краем доски, а затем мотнул головой в сторону холмов, туда, куда убегала тропа:

— А теперь иди. Жаль, что приходится прощаться на такой ноте, но... Так надо. Иди!

Он угрожающе двинулся ко мне и я, успокаивающе подняв ладони, отступил назад.

— Хорошо, хорошо, я уйду. — Услышав это, он остановился и встал, покачиваясь. Разделяло нас не больше пары метров. — Но я вернусь, как только смогу. А если не вернусь...

— Можешь не продолжать. Я понял. — Он наконец опустил руку с оружием. — Если не вернёшься, попробую тебя отыскать. Но обещать ничего не стану.

— Да... Правильно. — Я хотел сказать что-нибудь ещё, но слова не находились. Помолчав, я отвернулся и побрёл к холмам. Затем всё же передумал, обернулся и неуверенно добавил. — Будь осторожен.

Игрок коротко кивнул. Таким, стоящим с широко расставленными для устойчивости на мокрой земле ногами, раскачивающимся, словно маятник, из стороны в сторону, с бледным лицом, испещрённым полосками пота, и сжимающим острую щепку, он мне и запомнился.

Глава 26. Дорога статуй

Я удалялся от пляжа, где оставил Игрока, стараясь не оглядываться. Впрочем, это было не особо-то и сложно: дорога становилась всё круче и тяжелее и вела меня всё выше, так что большую часть времени меня беспокоило то, как бы мне преодолеть очередной участок, грозящий осыпаться в пропасть вместе со мной. Можно сказать, мои мысли занимали в основном дела насущные, а прошлое я оставил в прошлом.

Постепенно тропа, что изначально вилась между не слишком высокими холмами, превратилась в настоящий горный серпантин, узкий и петляющий над острыми, как акульки зубы, скалами и бездонными расщелинами. Сами горы тоже вырастали все выше и выше, и каждый раз, переваливая через очередную вершину, я видел за ней новый хребет, еще больше и шире. Казалось, что они занимают все пространство впереди, так же, как раньше во все стороны до самого горизонта тянулись травяные поля. Вот только теперь и горизонта толком не было видно — даже с самых верхушек.

Раньше, несмотря на обилие холмов и скал вокруг, загробный мир оставался по большому счёту равнинным, а то и вовсе напоминал пустыню. Стоило найти хоть какую-то возвышенность, и можно было бы оглядеться — если бы не сумрак, конечно. Сейчас же я как будто оказался запертым в громадном каменном гробу, да и темнота при этом никуда не делась, подливая масла в огонь. Горы, такие высокие, что я сомневался, не должны ли они обрушиться под собственным весом, выплывали из неё так внезапно, словно вырастали из-под земли прямо передо мной. Пусть я уже давно привык к ней, но сейчас, заключённый здесь, я каждой клеткой ощущал, как она вгрызается в меня и, подобно термитам, подтачивающим дерево, ослабляет разум. Из-за неё я едва различал, что находится впереди, даже на самых безопасных участках приходилось идти, прощупывая перед собой каждый шаг.

Всё это немного напоминало ощущение на станции метро, или когда я очутился в пещере, но было как-то... по-другому. Так, будто я уменьшился, а стены пещеры наоборот раздались в стороны, но при этом всё равно оставались сосредоточенными вокруг меня, давя сильнее, чем в том тоннеле, через который я полз на четвереньках. Я старался держать себя в руках, но чувствовал, как мозг постепенно поддаётся иррациональной панике и выходит из-под контроля. Чувствовал и ничего не мог поделать, чтобы этому помешать.

В один момент мне захотелось развернуться и пойти обратно, и я так бы и поступил, не пойми сразу, что дорогу назад найти уже не получится. Скалы словно сдвигались за моей спиной, пряча узкую тропинку, по которой я прошёл только что, и отрезая путь к отступлению. Похоже, сам загробный мир не желал, чтобы я возвращался.

А кто я такой, чтобы спорить с ним? Оставалось лишь покорно брести дальше. И я брёл, стиснутый со всех сторон горами и тьмой. Единственные мгновения просветления наступали, когда я перебирался через очередной хребет и оказывался на вершине, где чувство давления ненадолго улетучивалось и откуда мне открывался хоть какой-то вид. Состоял он, правда, из точно таких же хребтов, конца и края которым так и не было заметно, но на какие-то секунды я переставал чувствовать себя пленником каменного коридора. Этой передышки хватало.

В некоторых местах тропу преграждали бесформенные нагромождения скал, через которые приходилось перелезать, чтобы продолжить путь. Достаточно быстро моя одежда,

успешно пережившая шторм и крушение, превратилась в лохмотья. Ботинки пока ещё держались, но я не сомневался, что если так пойдёт и дальше, скоро я буду ползать по острым камням босиком. В какой-то момент я осознал, что настало время отдохнуть и подумать над тем, что я делаю.

Отыскав подходящий для этого валун, возле которого можно было бы присесть, я с удивлением понял, что физически совсем не устал. Сравнивая, например, с тем разом, когда я встретил Счетовода и, пытаясь помочь ему, вызвал лавину, сейчас я прошёл, наверное, раз в десять больше. И при этом ни единого намёка на усталость. Что ж... Возможно, оно и к лучшему. Разбираться в причинах такой благосклонности мира мёртвых мне не хотелось.

Я прислонился к плоской поверхности камня, дающей приятную прохладу, и пробежал глазами по дороге, что змеилась дальше, протискиваясь между двумя сходящимися скалами. Как долго ещё мне по ней идти? И точно ли я иду туда, куда нужно? В такой темени я легко мог заблудиться, если тропа раздвоилась, а я этого не заметил вовремя. Всё же с проводниками, даже из числа Беглецов, было бы удобнее... Хотя я всё равно ни капли не жалел, что фантом избавился от них. Я так и не решил окончательно, стоит ли доверять Капитану. Не говоря уж о его людях... Тем более, что последнее событие, произошедшее на платформе, и вовсе подорвало те крупницы симпатии к лидеру Беглецов, которые ему удалось внушить мне своим рассказом.

Я взглянул в сторону следующего перевала, видневшегося невдалеке и увенчанного шапкой поднимающихся из-за него гор, ещё выше и круче предыдущих. Ещё несколько минут, и я увижу их во всей красе... С моих губ невольно сорвался вздох. Будь я творцом, создавшим загробный мир, я бы и сам выбрал место вроде такого — никому не доступного, куда не заберётся кто-то случайный, по незнанию. Да и специально не факт, что не заберётся. Но с другой стороны, что бы обо мне говорило то, что я отгородился стеной от всего происходящего вокруг и спрятался в глуши ото всех, за кого несу ответ? То, что мне на них наплевать? Конечно, трудно было судить, не имея перед глазами всей картины целиком, но она постепенно вырисовывалась из окружающей темноты всё чётче. Вот почему это место, мир мёртвых, выглядит, как заброшенный полу-сгоревший сарай. Потому что им оно и является. А пепел...

А пепел составляет основу этого мира. Он всюду — в почве, в воздухе, в воде. И даже как будто в нас самих, в мертвецах. Я провёл пальцами по земле, на которой сидел, затем поднёс ладонь к лицу. В царящем сумраке проступали маслянистые чёрные следы, оставшиеся на ней. Ничего удивительного, что он, пепел, забивается везде. В складки одежды, под ногти, в волосы. Здесь, наверное, всё состоит из него.

Недолго думая, я вытер руку о штанину и... встряхнул головой. Внезапно навалилась сонливость, глаза стали слипаться. Что за чёрт?.. Мысли начали путаться и проваливаться куда-то, словно я мог заснуть в любую секунду. Надо идти, а то...

А то останусь тут навсегда, как Курильщик возле своего камня. Я поднялся и... и, запатавшись, нелепо взмахнул руками, хватаясь за воздух. Ноги налились свинцом и онемели — так тяжело стало их передвигать. Стиснув зубы, я вцепился в валун и переставил сначала одну стопу, потом другую. Затем — ещё раз. После нескольких таких шагов онемение спало, но тяжесть и не думала никуда деваться, как если бы моё тело кто-то заменил телом столетнего старика. Кто-то, не желающий, чтобы я шёл дальше.

«Ладно, — подумал я, — попробуем поиграть в эту игру с твоими правилами». Я отпустил камень и сделал ещё один шаг, в сторону перевала. И он, этот шаг, отозвался новым

грузом, незримо повисшим на всех моих конечностях. Не обращая на него внимания, я упорно продолжал плестись вперёд. Идти приходилось в гору, и это превращало каждый следующий метр в настоящую полосу препятствий.

К тому моменту, как я добрался наконец до верхушки перевала, мои колени горели огнём, не хуже, чем травяное поле, когда мы с Игроком впервые садились в лодку. Наградой за проделанный труд стало кое-что, чего я не ожидал увидеть. Там, за горной грядой, открывался спуск, но не к очередному подъёму, как было раньше, а к чуть приподнятой равнине, раскинувшейся внизу, в обширной долине. С такого расстояния она походила на коробку, зажатую со всех боков острями, стремящимися ввысь. Прищурившись, я разглядел, что ведущая к ней тропа тоже окружена почётным эскортом крошечных скал.

То есть, проходимым оставался только один маршрут, который вёл напрямик на плато. Ни при каких обстоятельствах такая структура не могла возникнуть сама собой. И вся она лежала передо мной, как на ладони. Вся, за исключением единственного участка, расположенного непосредственно перед равниной и скрытого скалами более высокими и плотными. Лишь достигнув этой точки, я мог рассмотреть, что находилось там, за ними.

В общем, всё говорило о том, что я на правильном пути. Хотя, имелся у меня и дополнительный способ это проверить. Я нащупал в кармане компас, достал его и откинул крышку. Стрелка, натянутая, как струна, красноречиво указывала вниз, в долину. Если какие-то сомнения и оставались до сих пор, после этого они окончательно испарились. Тот, кого я ищу, должен быть там.

Я подвигал руками и ногами, дабы понять, в состоянии ли я пройти эту финишную прямую. Боль и оцепенение, охватившее меня после недавнего короткого отдыха и последовавшего за ним подъёма, проходили медленно, но всё же сейчас я чувствовал себя гораздо лучше. Взглянув напоследок туда, откуда пришёл, и убедившись, что дорога назад по-прежнему закрыта, я стал спускаться.

Чем сильнее я углублялся в долину, тем сильнее укреплялся в своём мнении, что окружающий пейзаж был не естественным, а, если можно так выразиться, рукотворным. Не в том смысле, что все эти глыбы кто-то вытесал голыми руками — скорее так, словно кто-то разместил их здесь умышленно. Повсюду мне встречались те же повторения и закономерности, которые я уже замечал когда-то. Узоры, свидетельствующие о том, что даже пыль под моими ногами возникла не сама по себе. И трава — до этого она появлялась всё реже, но редкие клочки всё же периодически попадались на пути, напоминая о прежних бескрайних полях. Здесь же, на этой тропе, она окончательно исчезла. Меня окружали лишь голые серые камни и грязь.

Не считая описанных странностей, это место не особо отличалось от остальных уголков загробного мира. Солнце всё ещё не светило, а в воздухе пахло дымом и золой. И не просто пахло — тут запах усилился. Как если бы я приближался источнику всей этой тысячи костров.

И всё же, спускаясь, я время от времени сверялся с компасом — на всякий случай, чтобы убедиться, что ничего не изменилось. В таком месте, как это, я ни в чём не мог быть уверенным. Я бы не удивился, если бы вдруг оказалось, что перевал и долина поменялись местами, и я иду в обратную сторону. Правда, я и сам совсем недавно думал так поступить, но теперь это было бы скорее хождение по кругу, чем возвращение. Впрочем, компас всё равно сохранял завидное постоянство, и стрелка указывала всё в том же направлении, как бы я его ни вертел.

Чем ближе я оказывался к долине и тому странному участку, скрытому от глаз, тем лучше получалось различить, *что* на нём находится. Издалека это выглядело как небольшое ущелье, заполненное рощей маленьких, с человеческий рост, деревьев, и это ещё сильнее запутывало. За всё время не встретить в загробном мире почти ни единого деревца, чтобы здесь наткнуться на целые тысячи? Это смотрелось бы не так глупо, будь они рассредоточены по всему маршруту, но вот так, в одной точке... Ладно, возможно, всё станет понятнее, когда я подберусь поближе?

Я ошибался. Когда я всё же добрался до этой теснины, всё наоборот стало ещё непонятнее. То, что я поначалу принял за деревья, было вовсе не ими. На самом деле ущелье заполняли тысячи людей, застывших в странных, нелепых, а порой и неестественных позах. Они стояли плечом к плечу, на некотором расстоянии друг от друга, достаточном, чтобы при желании я или кто-нибудь другой мог пройти между ними. Однако идти я не спешил: всё это казалось каким-то... жутким. Ни на платформе Беглецов, ни при посещении пожарища я не видел в загробном мире столько незнакомцев одновременно. А кроме того, как будто этого не хватало, они вели себя точь-в-точь как фантомы: просто стояли, не двигаясь, и смотрели в одну точку. Но фантомами при этом они явно не были, по крайней мере такими же, каких я видел раньше: они походили скорее на галерею статуй. Замерших, глядящих кто вверх, кто на вход, где я в нерешительности топтался на одном месте, а кто и в землю. Некоторые смотрели друг на друга, и в целом складывалось такое впечатление, словно все они внезапно окаменели в тот самый миг, когда каждый занимался своими делами. Кто-то окоченел, подняв руки в возмущённом жесте, чьи-то губы застыли на полуслове.

Я переминался с ноги на ногу, не решаясь ни пройти дальше, ни обернуться назад. Ущелье казалось какой-то очевидной, и оттого ещё более хитрой ловушкой. Что, если войдя в него, я тоже превращусь в живую статую? Я наклонился вперёд и присмотрелся к ближайшему из людей, стоящему лицом ко мне. Даже его глаза не шевелились, как это было с теми, кого Беглецы вморозили в лёд.

Иного выбора у меня не было, и я это понимал: рано или поздно мне придётся войти туда. Я был уверен, что даже если я попробую развернуться и уйти, скалы не дадут мне этого сделать. И всё же я медлил, размышляя: может быть, всё же найдётся другой путь? В то же время не успело ещё погаснуть воспоминание о том, чем закончилась предыдущая попытка отдохнуть. Меня буквально гнали в двух противоположных направлениях, оставляя между молотом и наковальней.

Отсюда, от входа, конца ущелья видно не было, но судя по тому, что я рассмотрел сверху, я мог бы пройти его быстрым шагом минут за пять. Если, разумеется, не брать в расчёт мешающиеся человеческие фигуры и то, что в загробном мире пространство и время способны исказиться. И тогда потенциальные пять минут рискуют обернуться вечностью. Обойти галерею никак нельзя: окаймляющие её отвесные скалы явно не предназначались для лёгкой увеселительной прогулки, а за ними тянулась бездонная пропасть. Получалось, мой путь к творцу так или иначе лежал сквозь это место. Я вытащил компас из кармана. Да, стрелка показывала именно туда. Что ж...

Я настороженно, не спуская глаз с ближайших «статуй», шагнул внутрь, за границу, отделяющую территорию ущелья от всего остального мира. Ничего не изменилось. Никакого паралича. Люди, стоявшие каждый в своей позе, так и остались недвижимы, никто не пошевелился. Я, по-прежнему собранный, сделал ещё шаг, прислушиваясь к малейшему шороху, готовый в любую секунду пулей выскочить обратно. Но нет, ничего. Тишина,

нарушаемая только капающей где-то водой. Похоже, всё было в порядке.

Осмелев, я подошёл к одному из них и принялся его рассматривать. Ничего необычного, за что цеплялся бы взгляд: невысокий парень лет тридцати, одетый так, что запросто затерялся бы в любой толпе. Я не удивился бы, встретив его где-нибудь на станции метро, а здесь, на его месте, легко мог представить Курильщика или Счетовода. Я взял незнакомца за запястье и попробовал разогнуть его руку. Не сдвинулась ни на миллиметр, как у настоящей статуи, хотя под пальцами и чувствовалась плоть. Даже у трупа мышцы не бывают так напряжены. Да, всё было в порядке, но по спине у меня всё равно бежали мурашки. Лучше будет как можно быстрее покинуть это место.

Обогнув фигуру, я направился вглубь галереи, огибая всё новые и новые «статуи», расположенные во всевозможных причудливых позах. Начни они вдруг шевелиться и говорить, как если бы кто-то снял с паузы фильм, это выглядело бы настолько естественно, что сейчас, в замершем состоянии, они, наоборот, вызывали только мороз, крадущийся по коже. Тем более, кроме них здесь было пусто. Никакой мебели, никакого мусора. Только застывшие люди, заключённые между голыми скалами.

Гнетущее ощущение меня не покидало, и я торопился изо всех сил, но при этом словно с места не сдвигался: тянущимся вдаль сводам, нависающим над головой, казалось, конца и края не было, выход всё не появлялся. Я старался не вглядываться в окружающие меня лица, боясь, что какое-нибудь из них вот-вот повернётся ко мне, всё с той же идиотской улыбкой, что на нём застыла, и... И что тогда произойдёт, моя фантазия рисовать услужливо отказывалась.

Порой они стояли так тесно, что приходилось пролезать под чьими-нибудь раскинутыми в стороны руками или протискиваться, прижавшись спиной к стенке, и я вздрагивал каждый раз, когда задевал кого-нибудь из них, как будто дотрагивался до чего-то мерзкого. И чем дальше я продвигался, тем чаще это случалось: похоже, в глубине ущелья их собралось гораздо больше, чем возле входа.

Я пытался не обращать на подобные мысли внимания, но получалось не слишком-то хорошо. И, возможно, именно это в результате меня спасло.

В очередной раз проталкиваясь вдоль стены и оказавшись практически нос к носу с одной из «статуй» — высокой худой девушкой — я заметил, что её глаза следят за мной. В темноте я бы этого даже не рассмотрел, но вплотную к ней видел всё отчётливо — зрачки медленно, но неотрывно шарили по моему лицу. Живые и влажные.

От неожиданности я вскрикнул и замер, но затем понял, что кроме её глаз, ничего так и не движется, и позволил себе задержаться на пару секунд. О чём, впрочем, сразу же пожалел: до этого я был зажат между ней и скалой, но не настолько крепко, чтобы застрять. Сейчас же я почувствовал, как давление с её стороны увеличивается. Она прижимала меня к стене — всё ещё медленно, со скоростью ожившей статуи, но всё же ощутимо. Трудно не ощутить, когда тебя буквально вдавливают в стену нечто твёрдое, как камень.

Я дёрнулся вбок, освобождаясь, и, хоть и не с первой попытки, сумел вырваться. Отпрянул от неё, споткнувшись, и, чтобы не упасть, схватился за первое, что попало под руку, но сразу же выпустил, осознав, что это чьё-то плечо.

Я уставился на девушку. Во тьме она, как и другие, выглядела обычным силуэтом. И теперь этот силуэт двигался. Заторможено, как минутная — или даже часовая — стрелка, но всё же двигался. И не просто двигался, а поворачивался ко мне. Я судорожно обернулся к остальным — и увидел, что они делают то же самое. Каждый из них мучительно медленно,

словно через силу, оборачивался в мою сторону.

Задыхаясь в поднятой пыли, я бросился дальше по галерее — пока ловушка не захлопнулась окончательно. Эти... *люди*, кем бы они ни были, теперь зашевелились, все до единого. Не знаю, не разыгралось ли у меня от испуга воображение, но мне почудилось, что с каждым мигом их скорость возрастает, а продираться сквозь переплетения их конечностей становится всё сложнее, как будто они намеренно смыкают ряды. Там, где только что стояло двое, сейчас приближалось ещё четверо. Некоторые из них сходились таким образом, чтобы зажать меня с двух сторон — так же, как первая девушка вжимала меня в стену. Порой я успевал почувствовать пальцы, цепляющиеся за одежду, но всё же мне всякий раз удавалось из них выскользывать...

Я снова споткнулся, на этот раз о чью-то нарочно выставленную ступню, и растянулся на земле. Забарахтался, пытаюсь перевернуться на спину и одновременно оказаться подальше от сгрудившихся надо мной «статуй». Они же, точно почуяв мою беспомощность, ещё ускорились, и, хотя они всё равно смотрелись, как актёры в замедленном кино, внутри у меня похолодело от ужаса. Я проскользнул между их ног, отполз на четвереньках на пару метров и только после этого позволил себе подняться и, не оглядываясь, продолжить бегство.

Они действительно двигались всё быстрее и теснее, загоняя меня в тупик. Мне уже не всегда удавалось пройти там, куда я бросался поначалу, и приходилось отчаянно искать обходные пути. Иногда я даже возвращался на несколько шагов обратно, чтобы найти другой маршрут — рискуя при этом быть схваченным. Это скопление тел превратилось в настоящий лабиринт, живой и постоянно движущийся, меняющийся. Я всё чаще ощущал прикосновение чьих-нибудь цепких пальцев, а один раз они и вовсе умудрились оторвать от моего рукава крупный лоскут.

Я опять упал и вскрикнул, когда какой-то толстяк почти достал меня, оттолкнулся от него ногами и перекатился в сторону. Затем, не тратя время на то, чтобы встать, пополз вперёд. Я, правда, уже перестал понимать, где «вперёд» находится, и хотел просто выбраться отсюда. Я по-прежнему не видел выхода, но теперь, вдобавок к темноте и длине ущелья, мне в этом мешали наседающие отовсюду «статуи», старающиеся схватить и раздавить меня. Этого было достаточно для окончательной потери ориентации в пространстве.

Что-то тяжёлое ударило меня сверху по затылку, но я не останавливался. Когда где-то впереди, за толпой, появился просвет, я почувствовал второе дыхание. Уже не пальцы, но чьи-то руки держали меня и тянули назад, и всё труднее становилось вырываться из их хватки. И всё же у меня получалось. Ещё чуть-чуть, последний рывок. Я истошно закричал, выбираясь из чьих-то объятий, чувствуя, как у них в руках остаются новые лоскуты ткани, а вместе с ней и кожи. Последние метры... И...

И толпа выплюнула меня. Я растянулся на земле, затем, опомнившись, перевернулся на спину и принялся отползать назад, подальше от преследователей, снова превратившихся в сборище застывших во времени фигур. Они стояли у самого выхода, все до единого вперившись каменными глазами в меня. Даже отсюда это смотрелось пугающе настолько, что я на всякий случай предпочёл отползти ещё дальше. Лишь убедившись, что они уже не двинутся, я опять распластался в пыли, пытаюсь отдышаться. Задетые участки на спине и плечах саднили, дыхание сбивалось.

Отдышавшись, я поднялся на ноги. Мне пришлось ещё несколько секунд посмотреть на ущелье, успокаивая нервы, и только после этого я вспомнил о том, что неплохо бы отряхнуть

одежду. Точнее, то, что от неё осталось. Затем я, не переставая краем глаза следить за ущельем, развернулся и окинул взглядом то, что лежало передо мной.

Передо мной раскинулась та самая равнина, которую я видел сверху. При этом она лежала чуть выше, чем пройденное только что ущелье: к ней вела небольшая поднимающаяся кверху тропинка, оканчивающаяся скалами, расположенными в виде некоего подобия ворот.

Я, взглянув туда, вверх, и сглотнул ком, вставший в горле. Что ж, вот и настало окончание моего пути. Чтобы окончательно убедиться, я в последний раз, достал из кармана компас и, откинув крышку, посмотрел на стрелку.

Она указывала туда, в сторону этой тропинки. Похоже, мне это больше не понадобится. Я разжал пальцы, и круглая коробочка упала обратно в землю. Туда, откуда я её в своё время и поднял. Возможно, её найдёт кто-то другой, и ему она тоже пригодится.

Затем, не обременённый больше ничем лишним, я пошёл по тропинке. Отсюда, снизу, я не видел, что располагается на равнине, а до этого её от меня скрывали скалы. С самого верха она выглядела абсолютно пустой, но я предпочитал считать это обманом зрения. Чтобы увидеть, что там действительно располагается, я должен был попасть туда.

И я прошёл каменные ворота.

Глава 27. Чёрный пепел золотой травы

То место, где я очутился... Я не понимал, что произошло, но оно явно не было тем же самым, которое я видел сверху, с вершины перевала. Пройдя сквозь каменные ворота, я как будто пересёк границу, отделяющую один мир от другого, абсолютно отличного от него, или оказался с изнанки двустороннего зеркала. Сейчас я стоял на пороге просторного круглого зала — напоминающего обыкновенную пещеру, но всё же зала, чьё убранство говорило о его рукотворном происхождении. Вдоль стен здесь выстроились колонны, макушками уходящие куда-то в самые небеса. Да, именно в небеса — потолка над головой не было. Точнее, его заменяли безостановочно переливающиеся на высоте десятка метров из одной формы в другую белые облака, словно колонны тянулись в самое бесконечность космоса.

Чёрный пол зала-пещеры выглядел, как мрамор, кварц или какой-то другой похожий минерал — гладкий, немного похожий на лёд и достаточно прозрачный, чтобы под ним просматривались другие облака, клубящиеся точно так же, как и верхние, но только из-за цвета пола и сами окрашенные в чёрный. И ещё одна деталь: на мгновение мне показалось, что где-то в глубине этих облаков, и чёрных, и белых, изредка вспыхивают молнии.

И здесь было светло. Только что, пересекая границу долины, я находился в той же самой темноте, в которой провёл столь долгое время, а уже через секунду свет появился, сам по себе — как будто его вдруг включила незримая рука или он попросту не попадал за пределы этого помещения. Если бы я сейчас обернулся, то увидел позади повисшее тканевым занавесом чёрное полотно тьмы, удерживаемое невидимой преградой.

Но я не оборачивался. Помимо полупрозрачного пола и небесного потолка, огромных колон и воздуха, до электрической дрожи пронизанного светом, в этой пещере находилось кое-что ещё, что всецело завладело моим вниманием и не позволяло перевести взгляд на что-либо иное. У противоположной стены, прямо напротив меня, располагалось *нечто*, больше всего похожее на два стоящих бок о бок громадных трона, детально вырезанных из цельного куска камня. Громадных настолько, что их спинки почти терялись в облаках, а для того, чтобы забраться на один из них, мне бы понадобилась лестница. И на этих тронах было что-то, что я мог описать с ещё большими затруднениями. Над каждым из них возвышалась исполинская, под стать сиденью, человеческая фигура — но словно состоявшая из дыма. Обе фигуры клубились так же, как и облака, при этом сохраняя более или менее постоянные очертания, как если бы в стене была гигантская дыра в форме человека, через которую дым просматривался. Время от времени что-то мелькало, как будто телевизионные помехи, и тогда они на краткое мгновение совмещались в одно целое, посередине. Выглядели они, как расплывчатые бесплотные силуэты, без лиц, одежды или каких-либо других отличительных черт — просто контуры. Белый и чёрный.

И оба они смотрели на меня. Не знаю, как я это понял, раз у них отсутствовали глаза, но они сидели, водрузив великанские дымящиеся руки на не менее великанские подлокотники, пустыми лицами ко мне, и я каждой клеткой ощущал их взгляды. Или, пожалуй, не только их: там было и нечто... другое. Ещё большее. С мест этих безмолвных, недвижимых фигур, с их тронов, на меня, внезапно осознавшего собственные размеры, смотрела целая Вселенная. И не просто смотрела. Я чувствовал её присутствие, как если бы весь мир сжали до крошечной песчинки и поместили её в мою голову. Чувствовал, как эта песчинка перебирает мои мысли, разбирает их и самого меня на части, разглядывает со всех сторон и снова

собирает обратно, как простенький детский конструктор.

Я закрыл глаза, позволяя этой силе свободно манипулировать со мной. Не то чтобы я в случае желания смог бы воспротивиться, но попробуй я начать сопротивляться, и процесс, скорее всего, стал бы неприятнее. Пока что я ощущал лишь что-то вроде лёгкого электрического покалывания, но не сомневался, что так же, как внутренности моих мозгов, на составные части могли разобрать и меня самого. И ещё я не сомневался в том, что наконец предстал перед Творцом. Или, точнее, Творцами, раз их оказалось двое.

Вдруг я увидел себя со стороны. Сейчас я представлял собой удивительное зрелище: стоящий на коленях, хотя и не помнил, как на них опустился, с руками, раскинутыми влево и вправо, и спиной, выгнутой так, что лицо смотрело вертикально вверх. И от лица — из-под век и из заторможено распахнутых губ — били тусклые, но отчётливые лучи света. Словно я проглотил фонарик.

Наваждение длилось секунду, не дольше, а затем — лучи погасли, и я обмяк, как куча старого тряпья. Весь исцарапанный, в изорванных лохмотьях, заменяющих мне теперь одежду, измазанный в золе и пепле.

В золе и пепле...

Я поднял глаза и снова столкнулся с невидимым взглядом двух великанов, давящим со всех сторон. Но сейчас у меня в голове зазвучали и их голоса — одновременно, в унисон, резонируя друг от друга странным, неестественным эхом. Так бывает, когда кричишь в маленькой, но пустой комнате, и слышишь сразу несколько собственных голосов.

Поначалу их речь звучала неразборчиво, как запись разговора, сделанная на кассетном магнитофоне через закрытую дверь или сквозь толщу воды. Больше похоже на невнятное бормотание под нос, чем на что-то осмысленное. Но чем дальше, тем понятнее оно становилось:

— Мм... Кх... челове... слишк... М-м-м-м... лет... К-х-х-х... с тех пор... когда мы вид... подобного тебе, х-м-м-м-м... для нас... И... Мы бы спросили... что тебе нужно, не знай мы этого наверняка.

Голос был одновременно человеческим и механическим, как у радиоприёмника, который постепенно выкручивают на нужную волну. Мне показалось, я даже слышу помехи, какие-то потрескивания на фоне. И голос звучал... Равнодушно. В нём не было ничего людского: ни любопытства, ни страха, ни угрозы. Ни единого оттенка, как будто говорил робот. Но и на работа он не походил.

И я не знал, что ответить. Возможно, дело в том, что до этого я представлял нашу встречу совсем не так. Точнее, я её вообще не представлял. Я осознал вдруг, что раньше не задумывался о том, *что* будет, когда я доберусь сюда, куда так стремился, и встречу с создателем лицом к лицу. Оттого и не знал, как его себе представлять. А потому, наверное, подсознательно ждал, что он будет больше похож на... *человека?*

Две фигуры, окутанные клубами дыма, одна чёрного, другая белого, продолжали *смотреть* на меня, больше ничего не говоря и, по всей видимости, всё же ожидая какого-то ответа. Я прокашлялся и задал первый пришедший на ум вопрос:

— Вы и есть создатели этого мира? Мира мёртвых?

И прозвучал ответ, опять откуда-то издалека:

— Мир, в котором живут мёртвые, невозможно создать извне. Он существует столько же, сколько и сам человек, он — часть человеческой природы. Мы лишь наблюдаем за ним, ни во что не вмешиваясь.

— Ни во что не вмешиваясь?.. Зачем? Какой в этом смысл?

— **Таков порядок.**

Снова наступило молчание, и снова прервать его пришлось мне:

— Так ты... Смерть?

— **Да. Мы — Смерть.**

Всё это время я разговаривал, обращаясь к чёрной фигуре, но тут перевёл взгляд на второго великана, белого.

— А кто тогда это?

— **Мы — Смерть.** — Эхом повторили голоса у меня в голове.

— Но почему вас двое?

— **Без тьмы нет света, без зла нет добра, без смерти нет жизни. Всегда бывает двое.**

— Значит, — обратился я к белой фигуре, — ты — Жизнь?

Ответ опять флегматично прогудел отовсюду, с обеих сторон сразу, в унисон от обоих великанов:

— **Мы — Смерть. Мы — Жизнь.**

Несмотря на кажущуюся бредовость, всё начиналось складываться в целостную картину. Я без толики весёлости улыбнулся — едва заметно, одними уголками губ. Затем решительно шагнул вперёд, ближе к сидящим на тронах силуэтам:

— Вы сказали, что знаете, зачем я здесь.

— **Да. Людей всегда ведёт любопытство. Люди не меняются. Нужно всегда одно и то же.**

Я кивнул, то ли их словам, то ли собственным мыслям, и проговорил:

— Ответы.

Создатели, как я по-прежнему называл их про себя, не стали ни подтверждать очевидную истину, ни пытаться её опровергнуть, лишь всё так же *смотрели*. Я буквально кожей ощущал, как вокруг меня отмеряется вязкое время, капля за каплей.

Я взглянул на них, на каждого по очереди:

— Что вы хотите за то, чтобы ответить на мои вопросы?

— **Ты сам готов ответить на них.**

— Что?.. Я... Да это же бессмыслица какая-то!

Мне показалось, что в этот момент их взгляды на мне ослабли, словно они оба на мгновение отвели их в сторону. Затем всё вернулось обратно, и последовал ответ:

— **Чтобы найти прошлое, что ты ищешь, и получить ответы, тебе достаточно воссоединиться с собственной памятью.**

— Что... Ну само собой! — Я, на миг забыв, где я и что за сущности находятся передо мной, взорвался. — В этом-то и проблема! Если бы я знал, как это сделать, я бы сюда не пришёл! Что за глупость...

Время продолжало течь, и я больше не чувствовал никаких изменений во взгляде, сосредоточенном на мне. Создатели, похоже, и не заметившие моей внезапной вспышки, сидели, ожидая от меня следующего хода. Я бессильно вздохнул: их игра — их правила.

— Хорошо... Что я должен сделать, чтобы воссоединиться с потерянной памятью?

— **Чтобы воссоединиться с прошлым, нужно перестать убегать от него.**

— Я... Я не понимаю! Вы можете объяснить это?

Ещё одна секундная пауза, как будто они набирали воздуха перед длинной тирадой, а

затем:

— **Всё то время, что ты находился в этом мире, твоё прошлое было рядом с тобой. Но ты избегал его и не хотел посмотреть ему в глаза. Чтобы снова обрести память, достаточно сделать это.**

Внизу, под сплошным чёрным камнем, сверкнула очередная молния, ярче предыдущих, и от тронов Смерти и Жизни разбежались переплетающиеся паутинки трещин, сразу же исчезающих, как сдуваемая ветром пыль. Я нахмурился, по-прежнему не соображая, что они имеют в виду.

— Вы говорите так, будто это «прошлое» — реальный человек.

— **Прошлое — часть тебя, а значит, оно — такой же реальный человек, как и ты.**

— То есть, вы хотите сказать, где-то по загробному миру... Хм... *Бродит* моё прошлое? В облике обыкновенного человека?

— **Верно.**

— Это... — Я запнулся, подбирая правильное слово. — Это *странно*... А вообще-то, не страннее всего прочего. Как мне его узнать? Может, я его уже встречал?

— **Разумеется, ты встречал его, и не раз. Оно всегда было рядом.**

Я огляделся вокруг:

— Но сейчас здесь никого нет, кроме нас.

На этот раз ответа не последовало. Зато из-за тронов, откуда-то из середины пространства между ними, кто-то появился. Человек — и чем ближе он подходил, тем яснее становились черты его лица. Сумев рассмотреть его, я отшатнулся назад:

— Да вы шутите!

Мой двойник замер чуть впереди тронов, между мной и ими. Он не слишком-то изменился с нашей последней стычки — такая же изорванная одежда, то же непроницаемое выражение лица. Добавилось разве что соляных разводов от морской воды, покрывавших его с ног до головы. До самых кончиков спутанных и слипшихся в колтуны волос.

Он стоял, опустив глаза в пол, и не предпринимал никаких попыток приблизиться, что совсем не вязалось с его поведением в наши предыдущие встречи. Я внимательно посмотрел сначала на него, а потом на Создателей:

— Серьёзно? Он — моё прошлое?

Два исполина, застывшие, казалось, пока я отвлёкся на двойника, снова воспрянули:

— **Верно. Он — утерянная часть тебя.**

Я скептически хмыкнул и опять перевёл взгляд на стоящего передо мной человека. Левая сторона его куртки, особенно рукав, пестрела множеством дыр, оставленных, судя по обгорелым краям, огнём. Я осторожно протянул руку и сквозь одну из этих дыр, размером с монету, опасно дотронулся до его кожи. Не знаю, чего я ожидал — ощутить какую-нибудь связь с ним, заметить, что что-то начало происходить. Или понять, что он вовсе не такой же человек, как я.

Но нет. Кожа на ощупь была такая же реальная, обычная и живая, как моя собственная. Я бы, пожалуй, даже не смог отличить, где чья. В то же время то, насколько неподвижно двойник стоял, пугало. Он никак не отреагировал на моё прикосновение, хотя его мышцы и не были напряжены так же, как у «статуй» из ущелья. Толкни я его — и он бы послушно упал. Но толкать не хотелось.

Отступив на шаг назад, я спросил:

— Если он — часть меня, тогда почему он пытался меня убить? В тоннеле, на лодке. Да

один чёрт знает, сколько ещё раз! Ну, почему?

Я обращался к Создателям, но при этом неотрывно смотрел на двойника — словно надеялся, что ответит мне он.

— **Таков естественный порядок. Прошлое не безобидно, оно может ранить, а может и убить. Всё зависит от того, что именно в нём скрыто.**

— То есть, это не вы его на меня натравили?

— **Нет. Извне оно действует самостоятельно, так же, как действовало бы, оставшись внутри тебя. Оно — часть тебя, а значит, и часть твоей личности. Все мучения, пережитые тобой по его вине — это те мучения, которые ты, оставшись целым, приносил бы себе сам.**

Я медленно обошёл вокруг двойника, внимательно изучая каждый его волос, каждую нитку, торчавшую из прорех на его рукаве. Не знаю, почему, но мне это казалось важным — запомнить его таким, каким он предстал передо мной здесь, в обители Создателей.

— Хорошо. Допустим, я понял всё, что вы сказали, и поверил в это. Что дальше?

— **Если ты хочешь получить ответы, ты должен воссоединиться с ним.**

— Но как?

— **Загляни ему в глаза.**

Значит, заглянуть в глаза... Он по-прежнему стоял, опустив голову вниз, будто рассматривал собственные ботинки. Я подступил к нему спереди, протянул руки и осторожно, стараясь не делать резких движений, поднял её в нормальное положение.

В первую секунду мне почудилось, что я опять взглянул в то пыльное зеркало, найденное на старой мельнице — при желании можно разглядеть своё же лицо во всех подробностях. Впрочем, уже через мгновение я позабыл об этом и сделал то, что говорили Создатели — посмотрел своей копии прямо в глаза.

Поначалу я ничего не заметил, почти на полминуты мы просто застыли друг напротив друга и не шевелились. Затем что-то... изменилось. К ощущению Создателей, которые из моей головы никуда не девались, добавилось что-то ещё, словно по соседству с той Вселенной, что уже там устроилась, зародилось нечто новое. И это *нечто* постепенно росло, вытесняя всё большую часть постороннего, занимая всё большую часть моего мозга...

Двойник судорожно вздохнул и задвигался. Я инстинктивно отпрянул, когда он шагнул ко мне, но было поздно: его пальцы сомкнулись на моих запястьях мёртвой хваткой. Он приблизился ко мне вплотную, как при поцелуе, из его глаз полился свет — совсем как тот, который рвался из меня, когда я видел себя в наваждении.

Нечто в моём сознании продолжало расти. От глаз, от самого мозга по всему телу распространилось странное жжение, как если бы что-то выжигало меня изнутри. Я дёрнулся, пытаюсь освободиться, но его сила никуда не исчезла: он держал меня крепче, чем в железных тисках. Я завопил, не в состоянии терпеть нарастающую боль, свет померк, и тьма поглотила меня вместе со всем остальным.

Я снова видел себя со стороны, но не так, как раньше. Я уже не был в пещере. Сотни, тысячи метров киноплёнки загрузжались в моё сознание. Воспоминания слой за слоем восстанавливались, как слова, вымаранные ластиком, заснятые на видео и проигранные в обратной перемотке.

Мне хотелось смеяться. Мне хотелось плакать. И я делал и то, и другое.

Я вспоминал...

Изжелта-белый свет настольной лампы ударил мне по глазам, заставив поморщиться и отвернуться. Стараясь не смотреть, я наклонился вперёд, через весь стол, и выкрутил регулятор, уменьшая яркость на минимум — переговорная погрузилась в полумрак. Вот, так-то лучше...

Я со вздохом откинулся в кресле и, оглядевшись вокруг, нервно забарабанил пальцами по подлокотникам. Пока не подоспели остальные, я мог бы лишний раз повторить презентацию, но прошлым вечером я прогнал столько репетиций, что уже знал её наизусть, каждый слайд построчно. Разбуди среди ночи — расскажу без запинки.

Моё и без того не особо сфокусированное внимание привлекла поверхность длинного конференц-стола, за которым я сидел. Сейчас, будучи на взводе, я замечал на нём мельчайшие царапинки и пылинки. И даже то, как косо всё стоит: стаканчик с карандашами, ноутбук, проектор, офисный телефон. Я снова потянулся вперёд и принялся поправлять вещи, выравнивая их, но затем понял, какой ерундой занимаюсь и, усмехнувшись, вернулся на своё место.

Чёрт подери, ожидание просто убивает... Да ещё этот костюм, галстук... Душит, как петля. Я оттянул его пальцем и завертел шей, разминая затекшие мышцы. Да когда уже...

Дверь распахнулась, и в переговорную один за другим вошли трое: мой босс — невысокий лысеющий мужчина в очках, одетый в шерстяную жилетку поверх рубашки — и с ним ещё двое, мне незнакомых. Захваченный врасплох, я резко дёрнулся, выпрямляясь, о чём сразу же пожалел — со стороны это, должно быть, выглядело максимально нелепо. Впрочем, на меня все трое будто и не обратили внимания: продолжая о чём-то вполголоса спорить, они расселись за противоположным концом стола и, потратив ещё минуту на то, чтобы завершить разговор, развернулись, наконец, к экрану.

В один момент я оказался на сцене, в свете софитов, в точке пересечения сотен настороженных взглядов. Я прокашлялся, собираясь с мыслями, щёлкнул пультом, запустив презентацию, и... Осознал, что ничегошеньки не помню. Всё, что я по многу раз повторял вчера вечером, исчезло, словно это стёрли из моей памяти. Галстук внезапно стал ещё туже, а софиты разогрелись до заоблачной температуры, вышибая пот из каждой клетки. Я натянуто улыбнулся, покосился на сидящую в нескольких метрах от меня троицу. И по тому, как нахмурился заметивший заминку босс, понял, что дело действительно плохо: слишком многое зависело от сегодняшней презентации, и слишком многое я мог сейчас загубить своим затянувшимся молчанием. Один из гостей выразительно хмыкнул, открыл блокнот и принялся что-то в него записывать, а второй, заглянув туда, согласно закивал головой. Я на секунду зажмурился...

Вспышка — и неведомая сила выдернула меня из воспоминаний, как утопающего из воды. Всё ещё удерживаемый двойником, я опять стоял на коленях, а он наклонился надо мной, широко разведя мои руки в стороны. Его хватка была слишком сильной, чтобы я вырвался, даже если бы попытался — но я всё равно чувствовал, будто окаменел так, что не мог и пальцем пошевелить.

Из его лица продолжали бить болезненно пульсирующие лучи света, и теперь мне казалось, что этот свет меня буквально изжаривает, обугливает кожу до самых костей. Оставалось только кричать.

Ещё одна вспышка...

Из офисного центра я выходил, пожалуй, в самом дурном расположении духа за всю свою жизнь. Начавшись ужасно, презентация закончилась и вовсе катастрофой — я пока что не успел переговорить по этому поводу с боссом, оставшимся с потенциальными инвесторами, но всё равно представлял, в каком он гневе из-за произошедшего. Скорее всего, меня ждало увольнение.

— Эй, ты!..

Погружённый в собственные мрачные мысли, я не сразу услышал, как меня кто-то окликнул. Обернувшись, я увидел незнакомого парня. Одетого в тёмный клетчатый костюм, потрёпанный настолько, как будто его вытащили из мусорного ящика. И с раздражающе беспечным выражением, застывшим на лице.

Я нахмурился ещё сильнее. На этой улице, пересекающей деловую часть города, постоянно встречались подобные типы: привыкшие жить за чужой счёт попрошайки, наглые и бесполезные. Я уже не раз сталкивался с другими, похожими на этого. И моё настроение сейчас крайне мало располагало к разговору с ещё одним из них.

Парень неспешно приблизился, и, выдав, наверное, самую приторно-дружелюбную улыбку из своего арсенала, спросил:

— Сигаретки не найдётся?

Вместо ответа я скрестил руки на груди и осмотрел его с ног до головы с максимальным презрением, на которое был способен. От чего, впрочем, его улыбка не уменьшилась.

— Сигаретки? — Переспросил я.

— Ага, — всё так же беззаботно кивнул он. — Неплохо бы, знаешь ли, подымить после ужина.

Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул, чувствуя, как внутри у меня закипает злость.

— А я что, похож на сигаретный автомат?

— Ну...

— Или, может, на благотворителя для таких идиотов, как ты?

— Послушай, приятель...

— Это ты послушай. Я чертовски устал от таких ублюдков, как ты. Никакой пользы от тебя нет, ты только зря занимаешь место. Да мне даже просто смотреть на тебя мерзко. Пошёл вон отсюда, понял?

Это, наконец, смогло сбить с него спесь. Он хотел было возразить что-то, но затем лишь пожал плечами, развернулся и молча зашагал на другую сторону улицы — видимо, окучивать кого-нибудь ещё.

И уже через секунду я пожалел о сказанном. Зря я на него сорвался... Я ведь вовсе не собирался его оскорблять — это злость во мне говорила. Не он же виноват в моих проблемах. Может, догнать и извиниться? Я уже хотел шагнуть вслед за ним, когда передумал. В конце концов, не таким уж он выглядел и расстроенным — наверное, привык к подобному. Ладно...

Я развернулся и направился на парковку.

Вспышка.

Едва очнувшись, я почувствовал невероятную, нечеловеческую боль. От бушевавшего внутри пламени кожа плавилась и падала с меня тяжёлыми уродливыми каплями, в нос забивался запах горелой плоти — моей плоти. Силуэт двойника, нависшего сверху и

прижавшего меня почти к самому полу, расплылся от яркого света.

Сухой щелчок. Крик. Вспышка.

Ещё только открыв дверь, я сразу почувствовал, что с кухни пахнет чем-то вкусным — и, несмотря на все неприятности, выдавил из себя улыбку. Как бы плохо мне ни было, возвращение домой всегда поднимало настроение, а предвкушение горячего ужина, приготовленного любимой женой, могло сгладить все несчастья и заставить позабыть о них.

Секунду спустя в коридоре появилась и сама *она*. В фартуке поверх домашнего платья и прихватках, раскрасневшаяся от жары, царившей возле плиты, с забавно торчащими во все стороны короткими белоснежными прядями — но всё равно безумно красивая. *Она* торопливо чмокнула меня в губы и, оставив после себя пряный запах специй, убежала обратно, на кухню, откуда уже раздавалось нарастающее шипение сковородки.

Я же, разувшись, прошёл в комнату и, на ходу стягивая ненавистный галстук, к этому моменту ставший напоминать удавку, крикнул, перекрывая шум готовки:

— Ну что, как день?

— Ой, лучше и не спрашивай, — засмеялась *она*, гремя посудой. — С работы только недавно вернулась. До самого закрытия там просидела, а с утра ещё столько дел разгрести. Поскорее бы отпуск... Ты переодевайся, ужин сейчас готов будет. А как у тебя? Как всё прошло?

— Ну-у-у... — Протянул я, гадая, как бы не сказать лишнего, чтобы *её* не расстроить. — Не слишком хорошо, но ничего смертельного. Завтра всё станет понятно...

— Ох... — С сочувствием отозвалась *она*. — Всё будет в порядке, не беспокойся.

— Да, я тоже так думаю... Кстати, а что на ужин?

Вместо ответа *она* появилась у меня за спиной — так бесшумно, что я *её* не услышал, а только почувствовал. Развернувшись, я увидел, что *она* хитро улыбается, держа в руках половник, полный чего-то дымящегося. Я усмехнулся, затем, осторожно взяв *её* за запястье, поднёс половник ближе и втянул жидкость губами.

— М-м-м-м... С грибами и красным перцем?

— Ага, твой любимый. — Хитрая улыбка сменилась довольной. — Давай уже, переодевайся. Через пару минут можно садиться.

— Жду не дождусь.

За ужином *она* всё же выпытала у меня все детали произошедшего — ну а кому ещё я мог бы это рассказать, как не *ей*? И то, как я оцепенел во время важнейшей за весь квартал презентации, и о том, что, скорее всего, ожидает меня завтра, и о том, как нагрубил случайному человеку, всего-навсего спросившему у меня сигарету. Когда я только начал, *она* вдруг посерьёзнала, когда добрался до середины истории — отложила в сторону ложку и больше не отрывала от меня глаз, пока я не закончил. После этого *она* пересела поближе и взяла мою руку в свои ладони:

— Звучит так, будто тебя завтра попросту пожурят, а через неделю обо всём забудут.

— Ты так считаешь?

— Конечно. — *Она* снова улыбнулась. — А разве бывало такое, что я ошибалась, а?

— Действительно, — улыбнулся я в ответ. — Ну, разве что кроме пары совсем уж крохотных раз...

Она рассмеялась:

— В общем, это не та вещь, из-за которой стоит переживать... Всё будет хорошо.

— Знаешь... Когда эти слова говоришь ты, я им верю больше, чем когда произношу их сам. Спасибо... Люблю тебя.

— И я тебя.

Я поцеловал её.

Вспышка.

Боль не только снаружи — от того, как горело всё внутри, меня буквально рвало.

Силуэт двойника уже не расплывался, но рассыпался на части — на куски пепла, окружившие нас чуть ли не сплошным облаком.

Вспышка.

Всё случилось так, как *она* и сказала — меня не уволили, ситуация постепенно выравнилась, а жизнь и дальше шла своим чередом.

На следующих выходных наступила наша годовщина, на которую мы решили выбраться на любимое место — безлюдный заброшенный пляж за городом. Практически полностью отгороженный от внешнего мира, он представлял собой небольшую, в сотню метров, полосу идеально чистого песка, со всех сторон огороженную скалами. Даже с воды его не было видно, благодаря густо разросшимся вокруг деревьям и частоколу подводных камней, превративших это место в крошечную уютную лагуну. Попасть на пляж можно было только по спрятанной среди скал узкой тропинке, о которой мало кто знал — если знал вообще хоть кто-то кроме нас, учитывая, что за всё время мы никого там так и не встретили. Здесь мы легко воображали себя отдыхающими на каком-нибудь жарком тропическом курорте. Идеальный кусочек мира, только для нас двоих.

На пляж мы прибыли незадолго до полудня, когда солнце уже почти поднялось в зенит. Искупавшись в тёплой, щедро прогретой летним жаром воде, мы расстелили на песке полотенца и устроили небольшой пикник, включавший домашние бутерброды, фрукты и бутылку вина, после чего разделись и легли загорать.

Мы лежали так, разомлев, и занимались каждый своим делом. Я — лениво наблюдал за накатывающими на берег волнами, *она* же читала принесённую с собой книгу, судя по обложке, мне неизвестную. Заметив, что я одним глазом подсматриваю за ней, *она* улыбнулась, заложила пальцем страницу и продемонстрировала обложку мне:

— Интригует, а?

— Ага, — пробормотал я, сквозь дрему глядя на рисунок, изображающий нечто чересчур сюрреалистичное, чтобы я сразу разобрал, что именно. — Что это такое?

— Одна история... — *Она* отложила книгу в сторону и сдвинула брови, словно размышляла, с чего начать рассказ. Я перевернулся на спину, приготовившись слушать. — Очень грустная история, между прочим. Она о мужчине, который заботится о жене, потерявшей память. Она его не узнаёт, считает чужим. И ничего не помогает, что бы он ни предпринимал... Но он не сдаётся и надеется, что когда-нибудь она всё вспомнит и они снова будут вместе.

— Чем всё заканчивается?

Она внимательно посмотрела на меня:

— А чем бы *ты* всё закончил?

— Ну-у-у... Я бы сделал так, чтобы женщина выздоровела и вспомнила мужа. Счастливый финал, все рады. — Я усмехнулся. — Но, наверное, в книге всё совсем не так.

Правильно?

— Не знаю, — *она* задумчиво покачала головой. — Я же пока не дочитала. Всё может быть.

После этого *она* убрала книгу в сумку и какое-то время просто лежала, подперев ладонями голову и глядя на море. Я пододвинулся ближе, решив первым прервать затянувшееся молчание:

— О чём ты думаешь?

— О книге. Точнее... — Она упрямо встряхнула ещё не высохшими волосами. — Вот если бы *со мной* случилось что-то подобное, как бы ты поступил?

Я нахмурился и принялся ворочаться, пересаживаясь — в положение, из которого проще вести неудобные разговоры.

— Что за вопрос? Конечно, так же.

— Точно? Уверен?

— Разумеется, — я поморщился, как если бы услышал какую-то глупость. Такая резкая смена темы слегка подействовала на нервы. — А что бы я, по-твоему, сделал? Бросил бы тебя одну в какой-нибудь больнице и просто жил дальше? Как будто ничего не произошло?

— Не знаю... Это ведь тяжело — ухаживать за человеком, который тебя не узнаёт. Гораздо тяжелее, чем в книгах и кино. Только представь, что я забыла, кто *ты* такой.

— Это было бы ужасно, — я пожал плечами. — Но мы бы справились. Вместе. Как всегда.

— Значит... Ты бы всё равно был со мной?

— Да, — ответил я, зная, что это правда. — Всегда. Я ведь тебя люблю.

Она снова замолчала. Потом перевернулась и заглянула мне в глаза:

— Помнишь, мы хотели как-нибудь выбраться в горы?

— Помню. Думаешь, сейчас самое время?

— А почему бы нет? В ближайший отпуск...

— Идёт. В ближайший отпуск.

Она улыбнулась. Внезапный ветер, залетевший на пляж, обежал по кругу и затрепал её волосы.

Вспышка.

Нечеловеческий вой.

Вспышка.

Я вбил последний кольшек в смёрзшийся снег, от мороза твёрдый, как камень, и выпрямился, созерцая результат своего труда. Палатка, установленная посреди широкой прогалины и защищённая от ветра склонами низины, смотрелась вполне уютно, не хуже любого другого жилища. В такой можно не то что переночевать, а и на целую неделю остаться. Правда, если вдруг начнётся метель, выбраться отсюда будет не слишком сподручно. А если ещё и ночью, в темноте... Ну да ладно, как-нибудь разберёмся. Прогнозы вроде ничего такого не обещали, никаких метелей.

Позади меня захрустел наст. Я оглянулся, и увидел её — одетую в стёганые штаны, толстый шерстяной свитер и шапку, из-под которой непослушно выбивались короткие светлые пряди. *Она* присела на корточки возле своего огромного, чуть ли не с неё самой размером, рюкзака и копалась в нём с выражением крайней озабоченности на лице.

Её перчатки лежали поодаль вместе с обвешанной снаряжением курткой. Я подошёл, по щиколотку утопая в чистом, девственном снегу.

— Всё в порядке?

— Да если бы... Я, кажется, книгу оставила дома.

— Что оставила?... Книгу?

— Ага, — подтвердила *она*, продолжая греметь внутренностями рюкзака. — Ту самую.

— Понятно. Хотя, нет, погоди... Зачем ты её вообще собиралась сюда брать?

— В смысле «зачем»? Чтобы дочитать.

— Ха... Думаешь, здесь у тебя будет на это время?

— Время всегда найдётся, — отрезала *она*, затем всё же с разочарованием закрыла рюкзак, натянула на него водонепроницаемый чехол и, отряхивая ладони, поднялась на ноги. — Ладно уж, дома дочитаю. Как там палатка?

— Нормально. — Я обвёл взглядом саму палатку, возвышавшуюся над ровной поверхностью поляны миниатюрной пирамидой, и пространство вокруг. — Стоит как влитая. Вон там, перед входом, идеальное место для костра.

— Ага, вижу. — *Она* оценивающе осмотрела палатку, затем обошла вокруг неё, тихонько поцокала языком и, наконец, повернулась обратно ко мне. — Помнишь, ты всегда мечтал о загородном доме?

— Да перестань... — Рассмеявшись, я подхватил рюкзак и потащил ко входу, туда, где уже лежал мой. — Надо бы за дровами сходить, пока не стемнело. Справишься тут без меня часок?

— Справлюсь, — ответила *она*, поднимая со снега перчатки и надевая их. — Найду, чем заняться. Например, не буду заново перерывать все вещи в поисках книги.

— Хорошо, как скажешь. Скоро вернусь, не теряй.

Я взял инструменты и удалился в ту сторону, откуда мы пришли — там, минутах в пятнадцати отсюда, нам встретился небольшой участок сушняка.

Как бы ни торопился, но вернулся я уже в сумерках, и остаток вечера мы провели, сидя перед костром, потягивая горячий чай из алюминиевых кружек и любуясь усыпанным звёздами небом — которых здесь, вдалеке от человеческого жилья, горело гораздо больше. Спать мы ушли далеко за полночь.

Ночью же, несмотря на прогнозы, повалил густой снег. Я проснулся от того, что под тяжестью накопившейся массы палатка накренилась, и в раскрывшийся клапан входа стал задуть буран. Я вскочил и, ещё полусонный, бросился поправлять его, однако вместо того, чтобы всё исправить, сделал только хуже: за те несколько часов, что мы провели внутри, засыпать успело всю поляну. И сейчас едва слежавшийся сугроб, до того державшийся снаружи, после моего неосторожного движения провалился в палатку, погребая под собой сначала меня самого, а затем и всё остальное.

Половину тела тут же свело от ледяной сыпучей влаги, набившейся за шиворот, в рукава, в глаза и в рот — и в кромешной темноте в первую секунду показалось, будто на меня обрушилась целая лавина. Отплёвываясь, я попробовал встать, что у меня получилось только с третьей попытки, после чего принялся на ощупь прокапывать дорогу назад, к спальным мешкам. Где-то на полпути я наткнулся на *неё*, тоже силящуюся выбраться из наполовину заваленного спальника.

— Ай! Аккуратнее, ты мне на руку наступил!

— Извини. — Я присел рядом, всё так же вслепую помогая ей освободиться.

— Что там... Тьфу! Что там случилось?

— Ну, — хмыкнул я, — похоже, немного снежок выпал. Да подожди же, не дёргайся, я тебя вытащу.

— Очень смешно. — *Она*, всё же сумев выбраться из мешка, присела на корточки. — Б-р-р-р-р... Надо отсюда вылезти, а то я сейчас себе всю задницу отморожу.

— Ага, надо бы. Только давай-ка сначала оденемся, а то снаружи тоже вряд ли лето наступило.

Пытаться найти что-то в тесной палатке, почти заполненной снегом, да ещё и не видя ни зги — непростая задача. Мы с трудом отыскиали в углу рюкзаки и достали из одного из них фонарик, благодаря которому смогли, наконец, более или менее осмотреться. И всё выглядело именно так, как и ощущалось без света: завалило практически всю палатку, включая наши вещи, и передвигаться в ней мы могли, только отгребая снег с пути в сторону.

Там, где рваной раной зиял вход, ветер продолжал задувать, хлопая повреждённым клапаном. Одного взгляда хватило понять, что малейшей тряски будет достаточно, чтобы нас двоих здесь и вовсе похоронило заживо — несмотря на то, сколько его попало внутрь, снаружи снега было несравнимо больше. Скопившаяся там масса полностью перегораживала выход, оставив только крошечный просвет в самом верху.

Неподалёку от рюкзаков мы отыскиали и куртки, снятые перед сном. Отряхнув их от набившегося во все щели снега, мы оделись, но это не слишком помогло. С тем же эффектом мы могли бы накинуть на плечи мокрые полотенца. Решив больше не терять времени, мы стали выбираться из ловушки. Нас неплохо подгоняло желание согреться, и уже через десять минут раскопок нам удалось расширить завал настолько, чтобы можно было выйти из палатки.

Как я и предполагал, поляну, где мы расположились, занесло практически целиком — выросшие за ночь сугробы почти с человека высотой крайне затрудняли обзор, так что даже наличие фонарика не позволяло осмотреться вокруг. В такую погоду идти дальше, глубже в горы — гиблое дело, а значит, надо возвращаться обратно. Вот только в такой буран, скорее всего, засыпало и обратную дорогу, и там теперь тоже не пробраться.

Судя по выражению лица, то же самое пришло на ум и *ей*. *Она* стояла, обхватив себя руками, и хмуро следила из-под низко натянутой шапки за лучом фонарика, ползающим по сугробам. Заметив, что я отвлекся на *неё*, *она* демонстративно поёжилась:

— Ну и что будем делать?

— Если бы я знал... — Я снова беспомощно обвёл глазами окружающие нас заносы и протяжно вздохнул. — Смотри, вперёд нам в такую метель не пройти, правильно же?

— Ага, — кивнула *она*, не выпуская собственные плечи из объятий. — Надо идти обратно.

— Вот именно. Только непонятно, в каком состоянии теперь та тропа, по которой мы сюда попали. Может, и по ней тоже пройти уже не получится.

— Если не получится — найдём путь в обход. — *Она* закинула рюкзак на плечи и повернулась, поудобнее устраивая лямки. — Другого выхода всё равно нет. Ты же не планируешь тут оставаться? Или откапывать палатку?

Да, тратить драгоценное время на то, чтобы достать из-под снега палатку, действительно не стоило. В обратном направлении мы пробирались медленно — из-за того, что здесь прокапывать дорогу приходилось ещё ожесточённее. У нас ушло около получаса на то, чтобы добраться до края прогалины, тогда как вчера на преодоление того же расстояния

я потратил раза в четыре меньше времени и ещё меньше сил. Вообще, в такой ситуации скорее бы следовало никуда не ходить и оставаться на одном месте — укрыться, вырыв убежище прямо в сугробе. Однако меня не покидало ощущение, что поступи мы так — и нас уже никто никогда не отыщет.

Понемногу начинало светать, но видимость по-прежнему оставалась нулевой из-за бурана. Я чувствовал, как ресницы покрываются ледяной коркой, но не останавливался. К тому моменту, как полностью рассвело, мы вышли к перевалу, по которому поднимались вчера на этот участок. Как мы и ожидали, он изменился до неузнаваемости — там, где день назад вилась сравнительно безопасная тропа, сейчас зияла настоящая пропасть с отвесными склонами.

Позволив себе несколько минут отдохнуть, мы стали готовиться к спуску. Найти подходящее место для крепления страховки оказалось на удивление просто, и вскоре мы уже обсуждали, как лучше всё осуществить. Мы решили, что первым пойду я, попутно устанавливая в скалу дополнительные страховочные кольца, затем мы отправим вниз рюкзаки, а последней по проверенному маршруту пройдёт *она*. На словах выглядело идеально, без малейшего шанса на неудачу. Но на деле всё опять пошло не по плану.

Я спускался в разверзнувшуюся подо мной бездну медленно, старательно прощупывая подошвой каждый выступ, на который ставил ногу. Это не всегда помогало, и порой камни всё же осыпались прямо у меня под ботинками, но так мне всё равно было спокойнее. Один раз я оступился, полностью соскользнув и повиснув на тросе, после чего, выругавшись сквозь зубы, поспешил найти новую точку опоры и продолжил спуск. Чего я при этом не заметил, так это того, что из-за резкого натяжения верёвка чуть-чуть сместилась и попала на тонкую, как лезвие ножа, грань скалы. Пока я лез дальше, она начала перетираться.

Минутой позже я замер, упёршись обеими ногами в отвесную поверхность, чтобы вбить очередное крепление. Я достал из-за пояса инструменты и уже замахнулся молотком, когда на меня налетел сильный порыв ветра. Меня качнуло, как маятник, и я, от неожиданности выронив и молоток, и штырь, в одно мгновение очутился не над спасительной тропой, на которую до этого плавно опускался, а над зияющей сбоку от неё чёрной пастью.

В тот же момент лопнул основной трос. Я сорвался вниз, но остановился, с болезненным толчком, через пару метров, когда сработал запасной. При этом меня мотнуло обратно, вернув на более безопасную точку, хотя ветер и продолжал неистовствовать, угрожая в любой миг сбросить меня в пропасть. От осознания, что вторая верёвка может оборваться в ту секунду, когда я повисну над смертоносной бездной, внутри у меня похолодело ещё сильнее. Не соображая, что делаю, я выхватил ледоруб и с размаха ударил им по тросу. Если я успею перерубить его и упаду на тропу, будет шанс... Как следует прицелиться мешала не ослабевающая вьюга, но после нескольких попаданий трос всё же порвался, и я полетел вниз.

Не знаю, на какой высоте я находился. В тот момент время как будто замедлилось. Я видел себя откуда-то сверху, падающего спиной вперёд и нелепо взмахивающего руками, словно выпавший из лодки за борт и постепенно уходящий на дно человек. И — крик. Было слишком далеко, чтобы я расслышал, что именно *она* кричит, но *она* кричала. Я смотрел на себя с её стороны — уменьшающийся силуэт, вслед за которым тянется обрывок верёвки. Как воздушный шарик, улетающий в космос.

Состояние транса пропало с первым же ударом: я задел крупный выступ и полетел дальше, уже через секунду рухнув на твёрдый снег. Ноги пронзила жгучая боль, как если бы

их обдали кипятком. Последнее, что я успел заметить — то, как в облаках дугой взметнулся ярко-красный искрящийся выстрел сигнального пистолета. Затем я потерял сознание.

Очнулся я уже в госпитале, прикованный к постели и окружённый десятком мерно гудящих аппаратов, от которых ко мне тянулись целые связки проводов и трубок. Позже мне сообщили, что прошло больше суток после того, как меня отыскали, и почти трое с того момента, как был сделан выстрел из пистолета. Ещё мне рассказали, что когда меня удалось найти, погода окончательно ухудшилась, и спасательному вертолёту пришлось возвращаться. Вернувшись на место следующим утром, он больше никого не обнаружил. По крайней мере, никого живого — *её*, так и не сумевшую спуститься по оставшемуся после меня обрывку верёвки, нашли замёрзшей насмерть неподалёку от разбитого нами лагеря, сидящей возле откопанного костровища. Ещё немного, парой часов раньше — и *её* можно было бы спасти.

Я снова пришёл в себя в зале Создателей, по-прежнему стоящий на коленях, с руками, поднятыми так, как их держал двойник, вот только его самого уже нигде не было. Я медленно, безжизненно опустил их и сжался, сторбившись и уронив голову на грудь. Меня сотрясли рыдания. Сейчас мне не было нужно видеть себя со стороны, чтобы знать, как я выгляжу. Из глаз текли бесконтрольные слёзы, с одного бока подбородок прочертила кровь, с другой — капля слюны. И я смотрел в пустоту прямо перед собой. В мозгах крутилось лишь одно: это не мог быть я. Тот человек, который мне мерещился, не мог быть мной. Пусть у него то же лицо, но это не я, а кто-то другой.

И всё же моё желание сбылось: я жаждал вспомнить, кто я такой, и теперь помнил всё, как и хотел.

Двойник не просто исчез — он вернулся обратно, домой, опять став частью меня. Теперь, когда я снова стал целым, то, как я себя ощущал, в полной мере объясняло, почему он, будучи отделённым, пытался причинить мне вред. Муки собственной совести во сто крат сильнее любого наказания, которое может изобрести для тебя другой человек или даже бог. Никто не накажет тебя лучше и больше, чем ты сам.

Я поднял глаза, хотя поток слёз не прекращался. Создатели так и оставались на своих местах, и я чувствовал, что их взгляды сейчас были устремлены на меня. Я вытер лицо тыльной стороной ладони и встал на ноги, не обратив при этом внимания на то, как меня шатает.

— Вы знали об этом? Знали, что именно я сделал?

Их размеренные голоса иерихонской трубой прогудели в моей голове:

— **Мы знаем всё, что происходило, происходит или произойдёт с любым человеком, едва он предстаёт перед нами и задолго до того, как он попадёт в наш мир.**

— Так это что же, ад? — Я по-детски шмыгнул носом. — Весь этот грёбаный мир мёртвых, все эти грёбанные поля без конца и края — просто моё наказание?

— **Никакого наказания не существует.**

— Но я... Я видел там, в воспоминаниях, людей, которых встречал здесь.

— **Наш мир устроен так, что ты воспринимаешь его через призму своей личности. Твоё сознание накладывает на него и превращает происходящее вокруг в отражение твоих собственных чувств. Ты — один из творцов своего же загробного мира.**

— Но... Почему?

— **Ты и сам уже понял ответ на этот вопрос.**

Нахмурившись, я отвернулся от них и окинул зал другим взглядом, обременённым новым знанием. Это место, в отличие от людей, точно не фигурировало в моём прошлом, а значит, оно было изначальной частью мира мёртвых. Я повернулся обратно:

— Получается, при жизни я знал каждого из тех, кого встретил тут.

— **Не каждого. Есть сущности, обитающие в нашем мире с самого его сотворения.**

Ровесники самого человечества.

Я сразу понял, о ком они говорят.

— И что теперь? Теперь, когда я всё узнал. Что со мной будет?

— **Тебе предстоит выбрать самому. Ты можешь остаться здесь, в реальности, созданной тобой самим, или же вернуться в свой мир, мир живых, и начать всё сначала.**

От неожиданности я замер на месте, поперхнувшись слезами.

— Повторите... *Куда* вернуться?

— **В мир живых.**

— Это возможно?..

— **Да.**

— Возможно вернуться обратно? Снова стать живым? *И всё начать сначала?* Мне не слышалось?

— **Нет. Тебе не слышалось.**

Я закрыл глаза. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— У меня сохранится при этом память? Буду ли я помнить предыдущую жизнь, то, как я прожил её? Или то, что со мной случилось после смерти?

— **Нет. Но новая жизнь всё равно будет иной. Не такой, как предыдущая.**

— Эффект бабочки... — Пробормотал я себе под нос.

— **Так его называете вы, люди. Хаос, в котором малейшее действие, незначительнейшая деталь имеет далеко идущие последствия.**

Даже сквозь веки я чувствовал, как пристально Создатели смотрят на меня и как тщательно они ворошат мои мысли.

— А где гарантии, что я уже так не делал? Где гарантии, что это первый раз, когда я разговариваю с вами?

— **Таких гарантий не существует.**

— Но вы... Вы знаете, так это или нет.

— **Да. Мы знаем.**

Я набрал воздух в лёгкие.

— Хорошо... И сколько же раз мы с вами уже беседовали?

От названной ими цифры у меня на мгновение закружилась голова. Мой мир, и так не слишком прочный до того, как я возвратил воспоминания, стал ещё более хрупким, когда это произошло. Сейчас же он попросту превратился в хрусталь под гусеницами танка. Всё, во что я верил, оказывалось ложью. Ещё большее было оттого, что поступить так решал я сам. Свои ошибки легче оправдать, но чужими проще оправдаться.

— Если человеческая жизнь для вас так незначительна, почему вы готовы дать мне выбор?

— **Река состоит из капель, она — тоже хаос. Каждая капля должна двигаться в том направлении, которое выбирает сама. Если так не будет, вода встанет на месте. Река**

перестанет существовать. Она должна двигаться. Таков порядок.

Я помедлил с ответом. По сути, мне предлагалось заново забыть всё, что я натворил, и попробовать начать жизнь с чистого листа. И, честно говоря, такой вариант выглядел заманчиво. Счастливое, блаженное незнание... Но только правильно ли это?

Я вспомнил свой спор с Игроком: «Здорово было бы, если бы ты и в самом деле никогда к ним не присоединился, — говорил я ему про Беглецов, — но раз ты уже это сделал, забывать об этом нельзя, иначе ты станешь, по сути, тем же, кем был тогда. Сейчас ты осознал свою ошибку и стал лучше, а забудь о ней — и откатишься обратно, к тому, с чего начинал».

Нельзя. Нельзя забывать.

Я подошёл ближе к Создателям.

— Что произойдёт с этим миром, если я вернусь?

— **Он навсегда останется частью загробного мира. Возможно, когда-то станет частью чьей-то ещё реальности.**

— Я... Я не понимаю, как это работает.

— **Загробный мир — бесконечность, состоящая из бесконечного количества бесконечных миров. Рано или поздно чьи-то миры пересекаются, и обрывки любого из них могут попасть в чей-то ещё. В твоём тоже есть части чужих миров, как и в каждом другом.**

— Хорошо... А если я останусь?

— **Будет то же самое. Все эти люди, созданные твоим разумом, со временем обратятся в пепел.**

— Обратятся в пепел? — При этих словах у меня по коже почему-то побежали мурашки. — Что это значит? Что ещё за пепел?

— **Пепел, из которого состоит загробный мир. Он — и есть самый пепел. Ни один мертвец не находится здесь слишком долго. Рано или поздно в прах обратится любой.**

И неожиданно для себя я понял, о чём они говорят... Не единожды я замечал, что земля, камни и всё прочее в мире мёртвых оставляет на одежде жирные чёрные пятна. Даже в подземных катакомбах, где царили сквозняки и сырость. И Игрок... Мне вспомнилось, как он вытирал, казалось бы, чистую голову, и на полотенце тоже оставались чёрные следы... Я видел подобное много раз, но никогда не придавал этому значения. Так это и есть то, что они имеют в виду? То, как человек рассыпается? Наполняет собой золотую траву с угольно-чёрными прожилками...

Предвосхитив мой следующий вопрос, Создатели добавили:

— **Без пепла постоянно расширяющегося мира мёртвых просто не было бы. Не было бы места, куда вы, люди, попадаете после смерти. Как не было бы и нас самих.**

— Получается, здесь, в вашем мире, люди могут умереть повторно, чтобы дать возможность попасть в эту реальность следующим умершим?

— **Да. Языком, понятным для вас, вы становитесь основой для роста других. Удобрением, помогающим им подняться.**

— И... Я, оставшись, тоже когда-нибудь рассыплюсь?

— **Да. Но так как это твой мир, то, когда это произойдёт, будет зависеть от тебя самого.**

— Выходит, если я решу остаться, это будет означать полный мой конец. Конец всех

этих перерождений. Конец ошибок...

— **Да. Кроме того, остаток этого времени ты сможешь провести за тем занятием, за каким захочешь. И с тем, с кем захочешь.**

Я представил эту картину. То, с кем бы я провёл последние минуты своего существования... И горько усмехнулся:

— Не думаю, что кто-то здесь действительно будет рад меня видеть... По крайней мере, не те, с кем бы я хотел провести это время. Что ж, я решил.

— **Говори.**

Я глубоко вдохнул.

— Для начала повторите — правильно ли я понял, что мне предстоит самому определить свою дальнейшую судьбу?

— **Да. Всё верно.**

— В таком случае... Я хочу обратиться в пепел сейчас же.

Наступила короткая пауза, на протяжении которой взгляд Создателей на мне ослаб, словно они переглянулись, затем давление вновь усилилось.

— **Объясни.**

— Зачем? — Парировал я. — Вы же и так знаете всё, о чём я думаю.

Повисло ещё более тяжёлое молчание. Нестерпимо долгое, даже для тех, кто следит за миром мёртвых. А затем:

— **Да будет так.**

Оба силуэта наклонились вперёд, ближе ко мне. Я вновь почувствовал жжение, зуд по всему телу, постепенно усиливающийся, но без той боли. Тело, развоплощаясь, становилось лёгким, как воздух. Легче воздуха. Я словно плыл в тёплой воде.

Обитель Создателей исчезала, как и всё прочее. Полупрозрачный мраморный пол уступал место чёрно-золотой траве, земля под которой была усыпана толстым слоем пепла, как будто оставшегося после пожара. Я с жадностью втянул ноздрями хорошо знакомый запах, запах костров, соединивший в себе миллионы разрозненных судеб, и позволил ему полностью обволочь и поглотить меня, сливаясь с ним в одно целое. Трава вздрогнула, и пепел, взметённый в воздух неведомой силой, принялся танцевать вокруг. Он медленно, как хлопья снега, опускался обратно на землю вместе со мной.

Я мягко упал в заросли, разведя уже несуществующие руки в стороны, и зажмурился. Это напоминало море — ласково качающее тебя на волнах, не дающее утонуть. В моём угасающем разуме затеплилась, как свет фонарика в тёмном тоннеле, мысль — так и должно быть. Поля дают спокойствие. Ничто не может длиться вечно, даже жизнь после смерти. В конце концов, если суть самой смерти в прекращении бесконечности, то и мёртвые должны когда-то умереть. Таков порядок.

Перед тем, как навсегда исчезнуть, я успел в последний раз мысленно попросить у неё прощения.

Эпилог. Всего лишь смерть

Рёбра уже перестали болеть. Игрок сидел на песке, прислонившись к обломкам катера, и глядел куда-то в отзывающуюся плеском волн темноту, сам не зная, что он там высматривает. С одной стороны, вряд ли стоило ожидать, что человек сюда вернётся. С другой, рано или поздно что-то должно было произойти и дать понять, получилось ли у того то, что он задумывал. В конце концов, боги тоже лгут, как и люди. Но в отличие от людей они никогда не сожалеют об этом, как, впрочем, и о любых других ошибках. Да, от ошибок никто не застрахован — ни человек, ни животное, ни призрак, ни даже сама высшая сущность, управляющая смертью и мертвецами.

Игроку жутко хотелось закурить. Трубка осталась в сумке вместе с прочими вещами и сейчас, наверное, покоилась где-то на дне моря. Жаль... Она ему нравилась.

На берегу поднялся ветер, взвихрив облака пляжной пыли. Игрок попробовал сдвинуться, чтобы повернуться к нему спиной, но боль, снова пронзившая грудь, заставила отказаться от этой затеи. Пришлось зажмуриться и ждать, пока ветер утихнет.

Когда он наконец смог открыть единственный глаз, на горизонте появилось нечто странное... Нет, не странное — просто непривычное. Полоса, где неотличимые друг от друга небо и вода соединились, окрасилась в бледно-розовый цвет. И чем дальше Игрок смотрел туда, тем ярче становился этот окрас.

Вместе с тем, как истаивал дым, над загробным миром занимался рассвет — впервые за тысячи, да что там тысячи — за миллионы лет. Хотя, какое значение здесь имеет время? Какая разница, что было в прошлом? Ценно только настоящее. Сколько он себя помнил — вовсе не четыреста тридцать восемь лет, а гораздо дольше — все эти временные и пространственные метаморфозы доставляли одни неудобства и мешали. А ведь скоро всё закончится... А потом начнётся по новой. В который раз — даже *они*, наверное, не сказали бы. Разве достаточно всего лишь смерти, пусть и смерти целого мира, целой маленькой Вселенной, чтобы заинтересовать богов и им подобных? Им куда любопытнее иные вещи, более скучные и эфемерные.

Небосвод багровел с каждой минутой. Огненно-красное солнце, поднимающееся над землями мертвецов, перекрашивало всё окружающее Игрока из серого во все существующие оттенки. Он же, сощурившись, не мог оторвать взгляда от холмов, покрытых волнующейся на ветру золотой травой с тонкими прожилками цвета угольной пыли. Её зрелище... завораживало.

Он вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони и слабо улыбнулся, увидев на ней маслянистые следы, такие же чёрные, как эти прожилки. Пора.

А пока ещё есть время, можно отдохнуть. А иначе что это за веселье, если даже подремать некогда?

Игрок прикрыл глаз и расслабленно откинулся на полуразрушенный скелет катера.

Больше книг на сайте - Knigoed.net